

 НФ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТГО

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

S-T-I-K-S

СУЩЕСТВОВАНИЕ

Annotation

Восемь лет в клетке. Восемь лет нескончаемой боли и полной беспомощности. Восемь лет мучительных издевательств и слез, которые не способны смочить пересохшие глаза. И вот он - миг свободы. Как и полагается мигу, он краткий, дальше не будет страданий, дальше смерть от рук тех, для кого ты - всего лишь развлечение, редкий кадр для альбома. Но даже миг, это достаточно для того, у кого не осталось ничего, кроме злости и жажды мщения, и кто легко может превратиться из дичи в самого страшного охотника Стикса. Та самая книга черновик которой показывался как Зовите меня Трэш.

- [Артем Каменистый](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
-

Артем Каменистый
Существование

Глава 1

- Не, ну ты только посмотри на него. На что это похоже?
- В смысле, мордой? Копия твоей бывшей.
- Слыши, клоун, ты задрал уже. Я серьезно.
- Если серьезно, он похож на жареную котлету.
- Во-во. И он реально не подох. Да он, получается, не просто урод, он, блин, урод бессмертный.

Звуки. Нехорошие звуки. Звуки, от которых хочется съежиться в комок, или даже больше - в крохотную точку, а лучше, вообще, перестать существовать. Звуки связаны с чем-то невообразимо скверным, но с чем именно - непонятно. Не получается вспомнить.

И даже не хочется вспоминать.

- Давай еще разок его шваркнем? Четко он дымится.
- Да уймись ты уже, хватит с него, давай просто посмотрим, как и что с ним дальше будет. Нормально получилось, башка дымится, а сам живой. Походу, ослеп, глаза вообще никакие, закатившиеся.

Это не просто звуки, это голос. Два голоса. И он понимает каждое слово, но при этом не видит в них ни малейшего смысла.

Голоса? И кто же это говорит? Надо посмотреть.

- Не, ну ты погляди на его глаза. Да это ж охренеть!
- И чего я там не видел?
- Да ты глянь, зрачки меняются. Ну ты понял? У нашей котлеты зрачковый рефлекс заработал. Похоже, нервы припекло, конвульсивное сокращение пошло. Полный овош, у него, считай, только легкие и сердце сами пашут, без стимуляции. Но овош нереально живучий, восемь лет его режут и пилят, на хлопьях и метаноле держат, а он все не подыхает.

- И че, реально восемь лет, вот так, кучей дерьма провалялся?

- Я тебе что, врал когда-нибудь? Сам посмотри в журнале, если буквы еще не забыл.

- Да он и правда бессмертный какой-то. Вот же урод, и глаза у него уродские. Не, давай еще раз шваркнем, он как-то хреново на меня косится.

Голый бетон стен и потолка, местами на нем проступают ржавые разводы. Сыро и сумрачно. Краем зрения задевая пару переговаривающихся фигур, он не может разглядеть подробности. На глаза будто пелена опустилась, она прозрачная лишь частично, почему-то

позволяет прекрасно видеть, что располагается впереди, а вот по бокам все размывается.

Надо попробовать повернуть голову. Что-то подсказывает - из этой затеи ничего не выйдет, он даже было ухватился за ниточку, которая могла привести к воспоминанию о прошлом, но тут же ее упустил.

Ему надо вспомнить хоть что-нибудь. Кто он такой? Что это за место? Почему он почти ничего не видит? По какой причине голова раскалывается от нестерпимой боли, волнами накатывающей от пылающего жарким пламенем затылка?

Он не помнил абсолютно ничего, но при этом понимал каждое слово, высказанное людьми, которых тщетно силился разглядеть.

Людьми? А кто такие люди?

Почему голова отказывается поворачиваться? Такое впечатление, будто ее в тиски зажало.

И что такое тиски?

Слишком много разных вопросов. Безответных.

- Да убери ты эту хрень, сказал же - хватит с него.

- Ну разок-то можно? Ты чего как неродной, жалко стало, что ли?

- Сказано тебе - убрал! Живо убрал! Угомонись, пока опять под залет не попали. Да задрал ты меня уже - косяки твои, а вешают на нас. Ты что, всю жизнь собрался в этой заднице проторчать?

- Ты реальную задницу не видел еще, как по мне, здесь почти норма.

- Ну и сиди здесь, если так нравится, но на меня не рассчитывай, я отсюда быстро свалю.

- Что вы здесь делаете? - голос новый, строгий, громкий, уверенный.

- Да ничего, просто Трэша проверяли, - ответили торопливо, лебезя. -

Дежурный обход, вот, смотрим, надо все проверить.

- Трэша?

- Ну, в смысле, особь двадцать четыре сто шесть, проект "Веган".

- С каких это пор он стал Трэшем?

- Да мы его так между собой называем, по-простому. Раньше Випом был, он ведь, вроде как, особо важная персона, сами знаете, откуда к нам попал. Все серьезно. Ну а потом стал Веганом. Ему ведь мясо вообще не давали, даже когда судороги начались и пена из пасти пошла. Но как подрос, Трэш прилипло, он ведь реально трэшевый¹.

1 ## Трэш (от англ. trash — мусор) — в данном контексте — направление современного искусства отличающееся намеренной вульгарностью и примитивнейшей пародийностью. Главным образом,

подразумевается кино, переполненное штампами, в том числе низкобюджетные фильмы, где сюжет, главным образом, заключается в жестоком уничтожении всех или большей части героев картины разного рода психопатами, неправдоподобными мистическим существами, дешево выглядящими монстрами и пр.

- И что вы с ним такое вытворяли? А? Почему от него горелым несет?

- Так мы это... Ну... обход же...

- Ну-ка, что тут у нас... Да вы совсем рехнулись?! Какой недоделок дал вам наряд на эксперименты с электрошоком?!

- Да все нормально, мы тут часто с ним так делаем, он после только спит крепче, - ответ оправдывающегося был торопливым, заискивающим, а голос спрашивающего наполнялся негодованием от слова к слову.

- Постоянно?! Да вы что - совсем с головами дружить перестали?!

- Ну так это... Электроды тут так и стояли, вчера ему еженедельный шок делали, снять забыли. Ну и мы, как бы, по привычке...

- По привычке?! - перебил уже откровенно взбесившийся голос. - Да какой недоделанный дебил надоумил вас, баранов тупоглазых, переставить электроды на затылок?! Вот, полюбуйтесь, посмотрите, что вы с ним сделали! Сюда смотрите, чего рожи отворачиваете?! Да вы не люди, вы ошибки природы. Скажите-ка, что мне теперь с этим делать?! А с вами?! Может, на полевую работу отправить?! У нас, как раз, некомплект, в понедельник половину группы твари сожрали, а оставшихся планируют сожрать в ближайшее время. Вы очень удачно впишитесь в состав, жаль только, что ненадолго.

- Да ничего не будет, сами знаете, какое оно живучее. Да у него регенерация девяносто восемь баллов, восемь лет тренировался восстанавливаться, он быстро очухается.

- Господи, да с кем я сейчас говорю! Вы что, вообще ничего не соображаете?! Вы сейчас кто?! Вы младшие научные сотрудники, или жертвы генетической ошибки?! Да здесь не одна, здесь десятки ошибок по вам прошлись! Слушайте, а почему бы вам не пожениться? А? Ведь получится отличная семейная пара недоумков. Мне бы сейчас машину времени да пару презервативов, и слетать к вашим папашам-алкоголикам. Кретины вы беспомощные. Вот вы можете мне назвать хотя бы одно великое научное открытие, сделанное кретинами?. Или хоть какое-нибудь, хрен с ним, с величием?. Не можете, потому что такого никогда не было и быть не может. Получается, таким, как вы, в науке делать нечего. Все поняли? Так что прямо сейчас готовьтесь к переводу в обслугу, с глаз моих

долой.

- Но господин Кант, прошу прощение, но мы ведь не специально. Так получилось.

- Ну да, конечно, этот кусок гнили прогулялся немного и решил поджарить себе затылок, а вы, получается, просто мимо проходили. За кого вы меня держите, а? Да среди нас всего два идиота, и я точно не один из них.

- Никогда такого не было, первый раз. Я сам в шоке, как такое вообще могло получиться. Нормально же всегда все было. Может, ему витаминов не хватает, или, там, дефицит кальция, вот и прожгло мешок.

- Если вам, дегенератам, так не терпится кого-нибудь поджарить, надо, хотя бы, для приличия, проверять выставленное напряжение! Вы же оба реостата выкрутили до отказа! Оба! Да вы нас чуть без света не оставили, гниды одноклеточные! Оба в обслугу пойдете тухлятину граблями таскать, если ваш Трэш подохнет! Что вы, вообще, себе позволяете?! О чем вы, извращенцы, думали, когда это делали?! Вот-вот подъедет полковник с новой группой залетчиков, а тут у нас цирк с бесплатными клоунами. И что прикажете им говорить?!

- Ну так это даже лучше. Как увидят, так сразу и дисциплинируются.

- Шутки шутишь? Ну шути-шути... В обслугу. Оба. На швабры и тухлятину. А если полковник что-то скажет, одно его слово, единственное слово, всего одно, и вы на полевые работы уйдете. Не, какие, нахрен, работы. Сразу на филиал. Сразу! Все поняли? И радуйтесь, если дело ограничится филиалом не выше шестого. У нас тут, как раз, на двенадцатом чудесные новости, он занял первое место в номинации "Жопа всех жоп". У них, говорят, дерзко разгребать некому. Там вы сами тухлятину жрать научитесь. Быстро научитесь, да. Там, вы, уроды, еще и добавку клянчить будете. Марш с глаз моих долой!

Лебедка со звоном наматывала цепь, заставляя решетку подниматься вертикально. Трэш, продолжая пытаться что-то рассмотреть через уже слегка прояснившуюся пелену, понял, что его тело меняет положение. Вот-вот ноги окажутся под потолком, а макушка уставится вниз.

В голову, само собой, прилила вся кровь, и это плохо, это усилило боль в затылке до такой степени, что Трэш не выдержал и застонал. Но из груди,

вместо стона, вырвалось нечто другое: утробное хрипловатое урчание, звук омерзительный и неожиданно гулкий, будто из пустой бочки раздавался.

Что-то не так. Это откровенно чужой голос. Его глотка неспособна извергать подобное. Не может такого быть.

Хотя, откуда ему знать? Точно неизвестно, лишь какие-то неуловимые отголоски воспоминаний мелькают. Не исключено, что это, как раз, вполне естественно.

Память о себе так и не возвратилась, поэтому, предполагать можно, что угодно.

Послышался новый звук, - в тело ударила тугая ледяная струя, делавшая все, к чему прикасалась, мокрым и холодным. На голову обрушились потоки воды, Трэш начал жадно захватывать ее непослушными, еле-еле шевелящимися губами, пытаясь погасить огонь, так и не затухший на затылке. Но ничего не получалось, мышцы отказывались подчиняться.

Холод неожиданно усилил боль, Трэш снова и снова начал исторгать омерзительное урчание. Терпеть такие издевательства невозможно, от невыносимой муки захотелось вцепиться зубами в цепи, управляющие решеткой.

Но как это сделать, если хотя бы чуть-чуть сдвинуться с места не получается. Да у него даже губы и язык каменные, будто чужие.

Однако, имеется в происходящем несомненный плюс - после того, как вода прошлась по глазам, зрение значительно улучшилось, и Трэш, наконец, сумел разглядеть фигуру человека со шлангом. Безобразно толстый, давно небрит, щетина засаленная и растет невзрачными клошками. От воды тело защищено замусоленным фартуком и высокими резиновыми сапогами. Со стороны грузной фигуры несет вонью не дружащего с гигиеной тела, залежальным мясом и...

И страхом. Оказывается, у страха тоже есть запах, и Трэшу он откуда-то знаком.

Голова закреплена во все тех же тисках, ее не развернуть ни на миллиметр. Но и без этого понятно, что тело надежно приковано к решетке, ни ногой, ни рукой не пошевелить, даже мышцы в конечностях отказываются сокращаться. Положение болезненное и до крайности неудобное, поэтому улучшившееся зрение не помогает разглядеть подробности места, где Трэша истязают холодной водой и ржавыми цепями. Все те же бетонные стены со всех обозримых сторон, двусторончатые широченные двери, скорее даже - ворота гаража для грузовиков, запыленные светильники в две линии на потолке, причем,

горят далеко не все. Непонятно, что за место и где оно расположено. С равным успехом это может оказаться подсобным помещением какой-то фабрики или секретным бункером, укрытым на глубине в десятки метров.

Очень хотелось попросить вернуть тело в прежнее - горизонтальное положение. Но из головы почему-то вылетело все, что касается связной речи. Нет, Трэш прекрасно понимает значения слов, но вот как их произносить - понятия не имеет.

Обе дверные створки распахнулись, на пороге появилось несколько фигур. Две в белых халатах, грязных и мятых, одна в чистом и забавно выглаженном - до тщательно выверенных, острейших стрелок по бокам, и четыре человека во всем зеленом и пятнистом, увешанном металлом. Последние одинаково рослые и широкоплечие, головы скрываются под прозрачными масками, оснащенными массивными фильтрами.

Первый из зеленой четверки недовольным и чуть измененным тонкой пластиковой преградой голосом произнес:

- Почему здесь так сырь? Вы что, решили заняться разведением плесени?

Надо же, оказывается, неудобная с виду маска почти не мешает ему разговаривать.

Человек в чистейшем белом халате указал на неряшлившую парочку:

- Прошу прощения, это наши Чип и Дейл опять отличились. Решили посмотреть, что получится, если приложить подопытному электроды к затылку. Естественно, не поставив никого в известность и даже не представляя, чем напряжение отличается от силы тока. Жаль, что перед этим на себе не испытали, мир стал бы немного чище.

- И что же вышло из... из их смелого эксперимента?

- Первым делом подопытный обделался, поэтому, пришлось его мыть, отсюда и сырость. Но главная проблема не в этом. Полковник Зелот, вы только полюбуйтесь на его затылок. Это надо видеть.

Все группа обошла решетку и там остановилась, разглядывая Трэша со спины.

Несколько секунд царила тишина, в которой отчетливо можно было расслышать, как падают капли из поникшего шланга и противно журчит жирная муха, залетевшая в плафон самого дальнего светильника.

Затем полковник с отстраненным интересом проговорил:

- Не понимаю, почему существо до сих пор не подошло. Даже удар тонким ножом в эту мерзость в большинстве случаев убивает их мгновенно, а тут такое...

- Очевидно, повреждения не настолько серьезные.

- Омар, я вижу, что в затылочном мешке выжгло дыру калибром в полтора дюйма, и не могу даже представить, какое напряжение приложили к электродам, чтобы получился такой результат.

- Не столь уж и много требуется, ткани паразита уязвимы против электричества. Это касается, в том числе и оболочки спорового мешка.

- Я здесь не первый день и знаю, что твари с такими повреждениями всегда мертвые, а их мешки выпотрошены дочиста местным отрепьем. Собственно, отсюда и дырки, как-то ведь надо добираться до ценной сердцевины. Может в этом все дело? Кто-то из ваших людей загорелся желанием легко разбогатеть?

- У нас даже уборщики знают, что мешок у этой особи пустой. И также знают, как их накажут, если они надумают потрошить подопытных.

- Вот и хорошо, что знают. Доктор Омар, будьте добры, оставьте нас ненадолго. И заберите всех своих сотрудников.

Звуки шагов. Уходят три человека. Трэш не понимал, откуда узнал их количество, но сомнений в точности подсчетов не было. А вот и подтверждение - в поле зрения появились фигуры в белых халатах, направляющиеся к дверям. Получается, остались зеленые в масках.

Тот, которого называли полковником Зелотом, выждал долгую паузу и, оставаясь за спиной, в не просматриваемой зоне, раздраженно произнес:

- У меня язык судорогой сводит, когда называю доктором этого шарлатана и садиста.

Послышались неискренние смешки, после чего полковник рявкнул:

- И что здесь такого веселого?!

- Ничего, господин полковник! - четко гаркнули в три голоса.

- Вот видите, слаженно ответили. Получается, умеете вести себя, как спаянное подразделение, а не скопище моральных инвалидов, если заходите. Если говорить так, как есть, придется признать, что Омар имеет право называться доктором, он действительно имеет отношение к медицине. В не таком уж далеком прошлом - знаменитый человек. Разумеется, я говорю о том, что было до того, как он оказался не в том месте и не в то время. Здесь, как видите, его статус печален, что неудивительно, когда связываешься с такими отбросами. И, кстати, капрал Финч, скажите мне, что вы видите перед собой?

- Я вижу перед собой цель, господин полковник!

- Мальчик, а из тебя ведь и правда может получиться толковый солдат, а не кусок мяса, который этот мирок прожует и не станет выплевывать. Да, верно, перед тобой и правда цель. Скованная по верхним и нижним конечностям, с перебитыми нервными путями, со штырем в спинном мозгу

и насквозь пропитанная парализующим ядом. К тому же, оно уже не первый год загибается от особой местной лихорадки, связанной с долгим пребыванием в одном месте, но почему-то так и не загнулось. Более того, оно выглядит, как вы видите, опасным. Однако, восемь лет назад все было иначе. Думаю, вам известна печальная история, когда солдат не сумел стать полноценной частицей нашего подразделения. История короткая, смерть здесь не оставляет шансов для тех, кто так ошибается. Посмотрите на эту цель и вспомните все, что слышали об этой истории. Не смотрите на меня взглядами девственниц из борделя, я ведь прекрасно знаю, о чем вы шепчетесь по углам. И, кстати, поаккуратнее с темами для шепота, ведь услышать могу не только я. Вы мои солдаты, я ваш командир, все, что происходит в подразделении, никогда не уходит за пределы подразделения, или уходит такими путями, которые вам не понравятся. Посмотрите, как следует на эту особь. Это не жизнь, это существование, и началось оно с того, что умники, вроде доктора Омара, определили нового подопытного в проект "Веган". Это означало, что они полностью игнорировали пищевые пристрастия подопытных и их физиологию. Кормили своих уродов сырым картофелем, консервированными бобами и слегка разваренными крупами, всякий намек на мясо, рыбу и молочные продукты исключался. Если верить записям этих шарлатанов, всего через проект прошло почти восемьдесят особей, из них больше месяца прожила лишь одна. Вот она, перед вами. Восемь лет, уже целых восемь лет эта тварь жрет кашу без масла и соли, давится гнилым картофелем, который перед этим даже не чистят, а по большим праздникам дают попробовать бобы. Сама природа этих тварей требует мясного питания, но его не было. Все прочие быстро передохли от тоски, но в ее случае этот гребаный мир почему-то решил, что она так просто не отделяется. Несмотря на такую кормежку, особь не просто не подохла, она еще и продолжала развиваться. Возможно, сказывалась нестандартность исходной ситуации. Росла она, на таком питании, не настолько быстро, как происходит в природе, но это тоже вызвало опасения, с этим надо было что-то делать. Рядовой Риччи, что бы ты сделал в такой ситуации на месте этих идиотов?

- Сэр, я бы выпустил пулю в штуковину на затылке.

- Они поступили оригинальнее - отрезали лапы. И передние, и задние. Как вы понимаете, это времененная мера, твари Стикса подобны ящерицам, все утраченное у них со временем отрастает. Ампутацию проводили снова и снова, год за годом, что привело к непредвиденным последствиям - у подопытного скорость регенерации возросла, и он начал восстанавливаться быстрее других. Но это еще не все, вы, должно быть, слышали фразу

"Колосс на глиняных ногах" и, если не спали на тренингах, знаете, что наиболее защищенные места зараженных - это голова и верхняя часть туловища по центру. Но твари способны к адаптации в зависимости от внешних факторов, чем и объясняется индивидуальность высших форм. Вот и эта тоже начала адаптироваться. Броня на конечностях становилась все крепче и крепче, а сами конечности с каждым разом восстанавливались все быстрее и быстрее, побив все рекорды. Обратите внимание, сейчас они кажутся чуть уменьшенными, непропорциональными. Это потому, что еще не достигли нормальных размеров. Вы видите последнюю стадию регенерации, еще неделя, и особь будет выглядеть нормальной. Взгляните сюда, видите свежий надрез? Вчера, по моей просьбе, один из сотрудников этого бедлама целый час работал, чтобы пропилить щель. Он сточил абразивный диск, но не углубился в костяной покров даже на сантиметр. Каково? А все потому, что восемь лет непрекращающихся ампутаций сделали свое дело. Занятный эффект, мы о нем не знали. Если попробовать то же самое проделать через неделю, диск оставит еле заметную царапину, потому что, в полноценном состоянии, бронирование достигает максимальных значений. А теперь взгляните сюда, на шейную пластину. Вы видите схожие повреждения, они проделаны тем же инструментом, но на работу ушло не больше десяти минут. Это следствие того, что здесь никогда не было ампутаций, организм не пытался укрепить свои постоянно подвергающиеся повреждениям части, броня осталась стандартной для особи, добравшейся до этой стадии. Возможно, даже хлипче, растительная диета - это вам не бифштексами давиться, в целом подопытные гораздо слабее своих "сверстников". Именно это я и имел ввиду, когда говорил о "Колоссе на глиняных ногах". У нас получилась обратная ситуация - глина пошла на туловище, а конечности сделали из легированной стали. Такие пластины не всякая автоматическая пушка пробьет и не всяким снарядом. Я, разумеется, говорю о полноценном состоянии, а не о нынешнем.

- Вот бы мне такие пластины в бронежилет.
- Рядовой Риччи, кто тебе позволил разевать пасть?!
- Виноват, сэр! Само собой вырвалось! Мыслил вслух! Думал над повышением своей боеспособности!
- А думать тебе кто разрешал? Сынок, для того, чтобы думать, сам Бог придумал офицеров. Не надо это делать, ничего хорошего не надумаешь. Ты понял?
- Так точно, сэр!
- Сынок, твоя идея так себе, эти пластины хороши лишь на живой особи. Стоит только ей испустить дух, и они сразу начинают пробиваться

ржавыми гвоздями. Да, кость, или что там у них вместо нее, прочна, но не настолько. При жизни ее укрепляет что-то, чему ни наши, ни здешние умники не нашли понятного объяснения. Что-то вроде местного колдовства, в этом проклятом месте хватает самой разной чертовщины. Ладно, вернемся к нашей особи. Восемь лет диеты, от которой ее временами рвет кровью и слизистой желудка, регулярные ампутации и инъекции яда. А вот здесь и здесь вы видите клинья, они пробили тело до спинного мозга. Их периодически врашают в ранах, повреждая отдел спинного мозга, который отвечает, в основном, за контроль над конечностями. Особь не может даже пальцем пошевелить, она парализована, у нее недержание сфинктеров, и не опускаются веки. Она даже моргать не в состоянии, поэтому глаза постоянно пересыхают. Сомневаюсь, что она способна различать что-то, кроме яркого света. Полная беспомощность, растительное существование, но при этом тварь все чувствует. Неспособна почесаться, не может соринку из глаза вытащить или хотя бы губы облизать, ее даже кормить приходится через зонд, иначе пища в желудок не попадет. И говоря о чувствах, я подразумеваю, в том числе и боль. Боли ей достается на семерых, здешние шарлатаны неистощимы на грязные выдумки. Они сверлят суставы, заливают кислоту в пропилы на броне, делают ампутации, как механическими пилами, так и газовыми резаками. Вот, полюбуйтесь, они даже до спорового мешка добрались, видите дыру?

- Сэр, они вытащили содержимое? Но почему тогда тварь жива?

- Ничего они не вытащили. От бобов, или от непрекращающихся мучений, или по другой причине, но за все восемь лет здесь не выросло ничего. Загляните в дыру, внутри все ссохлось, споровых тел нет и не было, это регулярно проверяли при помощи рентгеновского аппарата. Настоящее чудо, одно из редких открытий, которые сумели сделать местные шарлатаны, ведь раньше считалось, что при таких размерах пустых тварей не бывает. Так что, наша особь - во всех отношениях уникальная. Я думаю, что все дело в причиненных ей страданиях. Восемь лет пыток и растительного существования - приличный срок, чтобы доконать любого. Взгляните на его глаза, они сухие, они ссохлись, как подвяленный мандарин, но при этом уголки у них всегда мокрые. Понимаете, почему? Да потому, что особь постоянно плачет. Вы только подумайте - восемь лет непрерывного плача, оно день и ночь оплакивает себя. Посмотрите, как следует на это и подумайте, что вы предпочтете - стать полноценной частью моего подразделения, или выбрать участь, кошмарнее которой не смогли придумать все наши голливудские писаки, занимающиеся

дешевыми сценариями и комиксами. Как следует подумайте.

- Тут и думать нечего, сэр!

- Капрал Финч, в таком случае, мне нужен четкий и однозначный ответ - кто это сделал. Мне известно, что, как минимум, одному из вас известна правда. Речь не идет о соучастии, пока что я могу говорить лишь о том, что вы прикрываете человека, который опасно навредил нашему подразделению. Но учтите, что ваше молчание может все усугубить. Итак, назовите мне его.

- Это Мэнсон, сэр... - ответили неохотно, приглушенно.

- Рядовой Риччи, похвально, что ты не стал его укрывать. И на будущее, всем троим хочу сказать - говорите сразу, когда я вас спрашиваю. Именно я, с другими можете юлить, если это не идет на вред подразделению. Мне уже столько раз приходилось возить таких, как вы, взглянуть на это вечно хнычащее убожество, что я давно сбривал со счета. Мне не меньше, чем вам, неприятно это зрелище. Запомните - много раз смотреть на тварь могу лишь я, а вы второй раз ее не увидите, потому что второго раза не будет. Вы или часть моего подразделения, или нет. Надеюсь, все осознали, что второй вариант неприемлем. Или остались вопросы?

- Никак нет, сэр!

- В таком случае марш к машине. И позовите Омара, хочу сказать ему пару слов.

- Но сэр...

- В чем дело, Финч?

- Надеюсь, вы не задержитесь? Ресурс фильтров, сэр.

- Фильтры - это моя забота. Противогазы - моя забота. Транспорт - моя забота. Вытаскивать ваши шкуры из всех задниц этого говенного мира - тоже моя забота. У меня тысячи забот, а у вас всего одна - беспрекословно выполнять мои приказы. Я ваш командир, вы мои солдаты. Как видите - все просто. Что-то неясно?!

- Никак нет, сэр!

- Марш в машину! И не забудьте позвать этого садиста.

Уши вновь уловили звуки удаляющихся шагов трех человек, причем это были другие люди. Трэш по-прежнему не понимал, каким образом он это определяет, но нет ни тени сомнений - он действительно умеет различать без помощи зрения. Как-то научился, несмотря на сверлящую голову боль.

Или всегда умел?

Неизвестно.

Скрип закрывающейся двери, тишина, если не считать шума дыхания оставшегося человека. Тот так и стоит за спиной, его не видно, зато слышно прекрасно, и нос улавливает запах. Неприятный запах, что-то чужеродное, щекочущее ноздри, не имеющее отношения к живому.

Или даже губительное для всего живого.

- Ну что Нэш, наверное, не думал, что так все закончится?

Что? Какой такой Нэш, это ведь не его имя. Человек задал вопрос? Но как ответить, если из непослушной глотки не вырывается ничего, кроме нечленораздельных звуков?

Но Трэш попытался, он попробовал спросить:

- Что со мной?

Увы, вместо слов получилась все та же смесь урчания с клокотанием. Омерзительные звуки, информации в них ноль.

- Да Нэш, жизнь - жестокая штука. Особенно она нехороша, если ты оказался в месте, где тебе совершенно нечего делать. Но ты не переживай, скоро все закончится. Я тебе не Сатана, и это не ад, хотя некоторые со мной не согласятся. Каков бы ни был твой проступок, наказание за него не должно длиться вечно, иначе в нем нет смысла. Я отпущу тебя, Нэш, потерпи немного, скоро все закончится.

Скрип двери, торопливые шаги человека. Не трое - один пришел, тот самый - в чистом белом халате.

- Господин полковник, вы меня звали?

- Да, доктор Омар. У меня к вам пара вопросов по поводу этой особи.

- Что-то не так?

- Ваш интендант жаловался, что на нее в последнее время уходит много продуктов.

- Да, так и есть. Но расход можно сократить, если отказаться от ампутаций. Тогда не придется затрачивать ресурсы на обширное восстановление, оно слишком истощает подопытного. Если вы дадите согласие, мы введем в позвоночник постоянный зонд и будем периодически разрушать двигательные центры высокочастотными импульсами. Технология отработана на других особях, сбои случаются редко, и их, обычно, можно контролировать. Это не отразится на болевом пороге, он будет ощущать все по-прежнему, как вы и заказывали.

- В этом нет нужды. Просто уничтожьте его.

- Простите?.. Но господин полковник, не относитесь к этому всерьез, у нас нет недостатка в продовольствии, нам не сложно заготавливать его, сколько угодно.

- Доктор Омар, даже если бы у вас возникли проблемы со снабжением,

это были бы исключительно ваши проблемы, а не мои. Мне не жаль ваших бобов и крупы, я отдаю этот приказ по другой причине. Все дело в том, что ваш подопечный стал другим, он серьезно изменился и больше не может выполнять свою задачу.

- Задачу?

- Вот именно, у него была задача, и он перестал с ней справляться. Он стал слишком большим. Слишком. В таком виде он пугает моих солдат, а их должны пугать последствия нарушений моих приказов, а не твари Стикса. Он мне больше не нужен, так что заканчивайте, достаточно с него. И подумайте насчет адекватной замены.

- Не совсем вас понимаю.

- Мне нужен кто-то страшный и жалкий одновременно, а не эта гора брони с глазами грустного маньяка.

- Я вас понял, мы попробуем что-нибудь подобрать.

- Вот и отлично, я на вас надеюсь. А что там за проблемы со стерильностью флакон-контейнеров?

- Об этом лучше поговорить на месте. И еще, желательно, позвать Краба, он заведует этим хозяйством.

- Ну так зовите и ведите, у меня не так много времени осталось.

- Это вас почти не задержит. Но я должен уточнить, каким способом?

- О чем вы?

- Ну... о подопытном. Каким способом нам это сделать?

- Он теперь целиком ваш. Как хотите, так и поступайте, не мне вас учить заниматься вивисекцией.

Глава 2

Тряска. Гул автомобильного двигателя. Вспышка острой боли, раздирающая хребет. Опять тряска. Опять боль. И темнота, наступившая после того, как на лицо опустили грязную шуршащую ткань, воняющую горелым пластиком и рыбьим жиром. Она очень жесткая и сильно измятая, угловатая складка время от времени елозит по глазу, это неприятно, но Трэш в такие моменты даже моргнуть не может, он такой же беспомощный, как и прежде.

С того самого момента, когда начал себя осознавать, не выдалось ни мгновения, которое обошлось бы без боли. Но, как оказалось, терпеть ее ничего не видя и слыша непонятное - гораздо невыносимее.

Почему Трэш не теряет сознание? Ведь нет сил это выносить, боль высосала все силы, он даже хрюпеть больше не может. Но, тем не менее, не проваливается в спасительную тьму.

Тряска закончилась резким рывком, от которого тело дернулось настолько сильно, что Трэш все же сумел захрипеть, а грязная ткань слетела с его глаз.

В них тут же ударил свет, ярко-беспощадный. И нет возможности зажмуриться, прикрыть глаза, которые больше болели, чем что-то показывали.

Но нет, зря он на них наговаривает, кое-что они различают. Бетонный свод над головой укреплен рельсами, на краю поля зрения сереет стена, на ней чужеродно смотрится идеально-белый квадрат, набранный из крупных кнопок.

Вот, собственно, и все.

Уши как работали, так и работают, слышит Трэш прекрасно.

Хотя - не факт, ему ведь не с чем сравнивать.

- Зёма, это чё, в натуре, за кадр?! Откуда он, такой красивый? По пути привалили?! А чего такой целый?!

- Обижаешь, Руфик, никто никого не валил. Это клиент.

- Я че-то не понял?..

- Что тебе непонятно? Не первый раз на разборку сюда разных привожу. Пациент это, из наших. Слишком много кушал, вот вырос большим.

- Да иметь меня конем! Это ж охренеть! Ну нифига себе у вас там

пациенты. Да надо всю голову отморозить, чтобы с такими работать.

- А че их бояться? Они все паралитики, жрут в себя, гадят под себя, вот и все, что умеют.

- Да? Это как же утку под такого больного подкладывать?

- Да какие там утки, шлангом обмывают, стоя по колено в дерьме.

- Паскудная работенка.

- Обслуга занимается, мы там не при делах.

- Это как такого разбирать? Да и на кой нам вообще такое счастье нарисовалось? Тут же одна броня, я мяса вообще не вижу. Да это танк какой-то, скормливать нечего, куда такого красивого на харчи пускать?

- Его кормили хреново.

- То говоришь, что жрал много, то хреново. Как тебя понимать, вообще?! Что, этот бегемот плохо жрал?! Ну ты сказал, Зёма, ну ты повеселил, братан. На сколько он тянет? Тонны полторы будет?

- Весовщиком тебя ставить нельзя, почти на двести кило меньше дал.

- Двести? Двести, Зёма - ни о чем. Считай, что тютелька в тютельку сошлось. Но только мяса тут и половины не будет, тощий он, доходяга какой-то.

- Говорю же, кормили плохо, в основном, он на горохе сидел.

- Не гони, они такое не жрут.

- Этот жрал и добавки просил, когда ему через шланг кашу заливали.

- Это сколько за раз гороха смолотить может?

- Два ведра влегкую.

- Два ведра? Это сколько же от него потом копоти. А чего у него ручонки короткие?

- Ему их режут каждый месяц, еще не доросли до нормы.

- Нафига режут?

- А чтобы в носу не ковырялся.

- Гы-гы-гы. Блин! Зёма!

- Чего?

- Оно смотрит! У него зрачок двигается!

- Ну и что?

- Так оно чё?! Живое?!

- Конечно, живое.

- На кой ты его живым привез?

- Я же просто водила, мне какого загрузили, такого и привез.

- А если трос порвет?!

- Не суешься, у него хребет перебит, видишь, штыри торчат. Перфоратором пробивают каждую неделю и что-то там подрезают, а потом

эти штуки загоняют, чтобы не заросло. И еще вон, видишь дыру? Там у него артерия, в нее колют гадость, от которой у них все отнимается, полный паралитик получается. Получается, он без рук и без ног, хребет перерезан, да еще и ядом обколот - гарантированный овощ.

- Ну вы там и умники, охренеть. Привезли элиту пробитую, да еще и живую. Вот на кой она нам тут живая нужна? Мы тут, на филиале, не садисты, как ваши, у нас все по-честному.

- Да это Чип поспорил с Дейлом, что ты, когда такого клиента увидишь живым, обделаешься жидким. Видишь, Чип выиграл.

- Хрен ты угадал, вот, нюхни штаны, лишним не воняют. Можешь даже лизнуть, гы-гы-гы.

- Руфик, а что это у вас за ворота новые?

- Да все ништяк ворота. Броня четкая, миллиметров сто.

- Ты гонишь.

- Нихрена я не гоню. Веника знаешь?

- Ну?

- У него из руки получилась грампластинка.

- Ты че несешь?

- Прапор мешок через плечо несет, а я, как есть, говорю. Венику эти ворота на руку уронили, когда устанавливали.

- Да ты что?

- Я тебе говорю, на моих глазах. Была рука, и хлоп - не рука, а, блин, диск "Битлз" какой-то. Теперь левой лысого гоняет, полное освобождение от нарядов. Видишь кнопки? Пять, два, два, пять жмешь, и плита сама в сторону катится. Четко все, как в бункере у президента.

- Сама в сторону уезжает? Значит, тонкая.

- Не, толщина там о-го-го, еле поставили. Такую танком не прошибешь.

- На западе такие клиенты водятся, что эту плиту одной лапой скомкают и выбросят, как фантик от сладкой конфетки. Сам знаешь, от какой конфетки.

- Зёма, ты это че? Меня в конфеты записал?

- Ну а для кого еще этот фантик?

- Шутник.

- Никаких шуток, матерую элиту такой ерундой не остановить, она с танков башни сносит.

- Здесь такие не водятся. Сам знаешь, что всех серьезных внешние отстреливают сходу, разгуляться им не дают.

- Постучи по дереву и сплюнь три раза. Здесь хватит и одной, если

пропустят.

- Зёма, так у клиента мешок, получается, не спустили?! Да вы там совсем с башкой не дружите, тут же добра на год красивой жизни!

- Губу на место закатай.

- Я не для того ее раскатывал.

- Закатывай-закатывай, пустой он.

- Это как пустой?! Ты чё??

- А ничё. Вот такой он вырос - совсем пустой. Говорю же, кормили его плохо, с гороховой каши жирок хрен нагуляешь.

- Это не радует. Такой видный клиент и бестолковый. В натуре понты.

В поле зрения показалась ладонь, остро воняющая застарелым потом и нефтепродуктами. В ее пальцах был зажат дымящийся окурок, который в следующий миг с шипением вонзился в глаз.

- Зёма, ты гляди, клиент даже не моргает.

- Говорю же тебе, овощ он. Можешь хоть сесть ему на рыло, не укусит.

- Да ну, стремновато как-то. Ты только погляди на его хлеборезку, такой если хватанет, на белого друга нечем присаживаться будет.

- Не хватанет, он даже языком пошевелить не может. Ему перед дорогой еще метанола со жмыхом от живца в кровь залили.

- Нафига?

- Для них жмых - это чистый яд. Слабые дохнут, а такие шевелиться не могут, только слезы пускают. Вон, гляди, глазища какие мокрые.

- А метанол нахрена?

- У них от этого болевые ощущения усиливаются, зрение вянет и вялыми становятся.

- Мы дохнем от него, как мухи, а у них, значит, просто боль лучше чувствуется и хреново себя чувствуют? Да тут реально страшно жить.

- У них не просто усиливается, у них от любой царапины слезы литься начинают. Вон, плачет, скотина, больно ему.

- А чего ты его, как мужика называешь? У нас таких зовут тварями, ну или просто "оно".

- Да там длинная история. Пиво есть?

- Для тебя, может и найду.

- Пошли, раздавим по паре, пока разгрузят, расскажу. Там история - полный отпад, я первый раз когда услышал, челюсть до асфальта уронил.

- Да ты чё?

- Я тебе говорю. Думал, ты знаешь, ведь у нас все ее знают.

- Ну так то у вас, в центре, а мы - филиал, до нас пока новости дойдут, их три раза переврут.

Человек, склонившийся над Трэшем, был неряшливо-небрит, кожа лица усеяна крупными порами, похожими на следы проколов от огромной иглы, глаза серые, тусклые, без тени эмоций, будто подтаявший в солнечных лучах лед на грязной луже. Воняло от него ядреной смесью запахов табака, грязного тела и чего-то кислого, омерзительного, почему-то заставлявшего задуматься о смерти.

Вот, собственно и все, что можно сказать об этом незнакомце. Трэш, лежа лицом кверху, не мог разглядеть даже его одежду, взгляд скосить по-прежнему не получалось.

Небритый, выпустив струю удушающего дыма, небрежно погасил окурок, вкрутив в глаз Трэша. Видимо, здесь так принято и не сказать, что традиция из приятных. На фоне боли, раздирающей тело - ерунда, но, разумеется, хотелось бы обойтись без таких грубостей.

Вот только выбора у Трэша нет.

- И что же мне с тобой делать, мальчик? - поразительно-добрый голосом поинтересовался небритый.

Трэш, естественно, ничего не ответил. И, откровенно говоря, пробудясь у него сейчас дар речи, он бы, пожалуй, тоже промолчал.

Просто непонятно, что тут можно ответить.

Небритый зачем-то с силой постучал по глазу костяшками пальцев, чем вызвал серию вспышек боли и помутнение, после которого Трэш почти перестал видеть на одну сторону.

- Какой крепкий мальчик, - безмятежно улыбнулся мужчина и отстранился, исчезнув из поля зрения.

Некоторое время Трэша никто не трогал: не тушил окурки о глаза, не стучал по лицу острой стальной киркой, проверяя на прочность, как те недобрые люди, которые выгружали его из кузова. Счастьем такое спокойствие не назвать, но он начинал привыкать радоваться даже таким мелочам.

Других поводов для радости пока что не наблюдалось.

Самые разные звуки, то и дело раздававшиеся со всех сторон, затмил в один миг возникший механический рев и звон металла. Затем тело его начало мелко дрожать, ноздри уловили омерзительный запах, почему-то вызвавший ассоциацию со смрадом горелых волос.

Он помнит, как воняют горелые волосы? Получается, что да.

Жужжание возле уха продолжалось долго. Пробирающую до костей дрожь, которым оно сопровождалось, приятной не назовешь, но Трэш постепенно начал с ней свыкаться.

А потом резко, неожиданно, никак о себе не предупреждая, левая рука взорвалась столь оглушающей болью, что голову покинули мысли, а из глотки вырвался булькающий хрип.

Боль была немыслимой, непереносимой. Кто-то резал плоть и заливал раны свинцом, причем непрерывно, без намека, хотя бы, на секундную паузу. В смрад горелых волос вплелись новые нотки вони, это его кишечник и мочевой пузырь не выдержали, а боль как разгорелась, так и не думала гаснуть, казалось, она даже усиливается.

- Это что тут у тебя за дела, Мазай?! - строго рявкнули откуда-то со стороны ног.

Жужжание прекратилось, как и дрожь, а боль начала плавно отступать.

- Никанорыч, этого мальчика надо в клетку для начинающих отправить. По частям приходится, целого такого там схарчить не смогут, молодое поколение слабо на зубки.

- Да? Это кто же такой умный распорядился?

- Да Щегол, кто же, кроме него, такое приказать может. Мимо пробегал, сказал в третий ангар зайти, там, мол, пухлый клиент для новеньких. У них ведь кровь молодая, горячая, аппетит на троих, а тут чистого мяса полтонны, надо только помочь им до него добраться.

- И зачем же ты ему руку отнимаешь?

- Ну так я же и говорю, целиком его наши зверушки никак не скушают. Никанорыч, ты только посмотри на него, он ведь чистый танк, у него даже глазища твердые, без диафрагм удары держат. Вон, пилил-пилил, а как до кости достал, пила намертво всталла. Даже не знаю, что дальше делать. Надо ведь одну руку, потом вторую, потом ноги, ну а там и шею, а у меня уже от диска всего ничего осталось. Очень уж тугие пластины. Никогда такую броню не видел, у нее даже рисунок неправильный, с хитрым перехлестом, не сразу и поймешь, как надрез вести.

- Вижу, Мазай, у тебя тут все схвачено и осмыслено.

- Ну Никанорыч, я ведь не первый день в деле, мне иначе нельзя.

- Посадить бы тебя на штраф со Щеглом на пару. Может, покатаетесь по кластерам, посмотрите на стронгов поближе, и не только на них, глядишь, и думать не седалищами научитесь.

- Никанорыч, ну вот зачем меня на штраф? Я ведь человек исполнительный, что мне сказали, то и делаю. Нет моей вины, что пила его

так скверно берет, клиент очень уж жесткий. Говорю же, сам не пойму, что с ним, у него броня, будто проволокой пропитана, не режется вообще, только на волокна лохматится.

- Щеглу было сказано готовить клиента для клетки. Для клетки, а не для клеточных, разницу понимаешь? Неправильно он тебе растолковал, а это косяк.

- Охренеть. А я тут при чем? Со Щеглом и решай.

- А своя голова тебе на что?

- Щегол мою голову не спрашивал. Что сказано, то и делаю.

- Так не на корм надо пускать, а на дело интересное. Зачем бы тебе его живого отдали, сам посуди? Не мог подумать?

- Так мало, что ли, я живых порезал? Никакой математики не хватит такое сосчитать. Щегол сказал, я сделал, что не так?

- А то, что достали вы меня своей непонятливостью и ограниченной исполнительностью. Причем все достали. Давай, в темпе клиента заштопай. Рука хоть не отвалится?

- Ну так кость целая, и броня с другой стороны осталась, а она - тоже опора. Никуда эта рука не денется. И я не понял - как это штопать?

- А так это и понимай. Новеньkim его сделать надобно.

- Новеньkim? - голос Мазая был переполнен скепсисом.

- Ну, хотя бы, не совсем старым. Там подлатать, там подкрасить в черное и страшное. Ну ты сам все знаешь, не первый раз замужем.

- И на кой оно нам надо?

- Ты с внешними тему карьера помнишь?

- Памятью не хвораю.

- Приедут они завтра. Мы им передали, что под них клиент интересный появился. Так мол и так - элитный товар, штучный, красоты неописуемой. За соответствующий подогрев мы готовы его выставить хоть сей момент. Пригодится и для фильма красивого, и для альбома дембельского - до того хорош, что ко всему подходит. Так что завтра твой мальчик должен в карьере петь и танцевать.

- Сложную задачу ты мне задал...

- И что тут такого сложного?

- Погляди сюда.

- И что?

- Что-что: штыри в нем - целых два.

- Ну так вытащи.

- В хребет они забиты, чуть не так поверну, и не станет клиента. Тут хитро все устроено, институтские ему паралич через них делали.

- Мазай, запомни уже - институт в Улье всего один, а то, о чем ты мне сейчас талдычишь - инпостеры, или попросту ипсы. Дебилы они там через одного, а не ученые, много о себе думают, а толку чуть. Так что, если они железки засунули, такой грамотный мужик, как ты, без помех достанет, потому как не глупее некоторых, пусть даже меня умом в последние времена не радуешь. Давай братец, делай все, как надо, заговорился я с тобой.

- Эй, Никанорыч, ты погодь уходить.

- Чего еще?

- Если вытащу, может не успеть срастись. Это же тебе хребет, а не пятка, дело больно тонкое, спешку не любит.

- Внешники завтра прикатят, грэв привезут, а этот мальчик должен за грэв отработать добротно. Покорми его, как следует, мяском свежим, они это любят.

- Нельзя ему мясом кормиться, голод сейчас куда полезнее. Знаю я получше метод, но надо, чтобы он с пустым брюхом сидел или на чем-то легком, вроде сахарка. Поможешь?

- В чем помощь нужна?

- Живчик требуется. Ведро крепкого живчика на ведро молока или масла растительного. Лучше всего оливковое, но главное там - живчик. Залить ему в брюхо, и восстановление влет пойдет.

- Ведро живчика?! Может ты его еще и жемчугом покормишь? Давай Мазай, не стесняй себя в запросах, у нас ведь всего полно, прям не знали, куда добро девать, а тут вдруг ты возник с креативно-разорительными идеями.

- Не знаю, не пробовал такое, кто мне жемчуг даст, шутишь, что ли. А вот живчик - вернейшее средство для таких вот клиентов.

- Для человека это вернейшее средство, а не для них.

- Уж поверь, с ними тоже работает.

- Откуда знаешь?

- Помнишь, когда внешние кино снимали в карьере?

- Они всегда снимают. Любят это дело, там в кого ни плюнь, сам себе режиссер.

- Тогда без игрушек и всяких глупостей с бабами снимали. Просто две камеры большие и вертолет.

- А, вот ты о чем. Помню, конечно. К чему ты это сказал?

- К тому, что образину в тот раз Щегол говорил подготовить. Сказал, что надо шустрости в ней поубавить. Я хлопья и метанол Горику дал, сказал ему развести и залить через катетер, а сам не проследил за дураком.

А потом смотрю, девочка уж больно шустро скачет. Кинулся проверять, и что вижу? Этот безрукий человек метанол отдельно поставил, хлопья отдельно, а потом взял бутыль, которую я развел для братьев-страдальцев и влил в девочку. Там три литра живчика чистого и масло с молоком, все как доктор говорил, строго по рецепту смешивал. Девочка после такого хорошо прыгала, сам же помнишь. А ведь болезная была, как привезли, еле-еле шевелилась.

- Еще бы ей не шевелиться еле-еле, если в нее из крупняка очередь, считай, в упор вбили. Только почему девочка?

- Я так вижу.

- А, ну да, позабыл, что с подарком Улей тебя огорчил, видишь баб, но ни одна не в радость. Значит, целое ведро перевести придется?

- Ну ты посмотри на этого мальчика. Да я даже не знаю, хватит ли ведра, у него рот, что у гиппопотама из Африки.

- Ведро, Мазай, это цельная жменя споранов, а бегемоты, кроме как, в Африке, нигде больше не водятся. Это, чтобы ты знал.

- Можно и без споранов, дело твое, но тогда я не скажу, поднимется ли он завтра. Очень уж болезный, ты на глаза его глянь - сухие и плачут. По углам стекает, а до остального не достает. Плохо это, даже моргать не умеет, сам посуди, на что такой паршивый годен?

- Ладно, уболтал ты меня, будут тебе твои спораны. Нам для нужного дела ничего не жалко, лишь бы с пользой. Только смотри, чтобы мальчик твой всерьез буянить не начал. Он ведь морду лица на семерых нажрал, как бы не вышло чего. Учи, что гости у нас серьезные намечаются, аж из совета директоров. Там шишки не с кедра упавшие, там всем шишкам шишки, покрупнее ананасов будут.

- Не волнуйся за такое, Никанорыч, руки у меня из плеч растут, сделаю в лучшем виде. Полежит на живчике, потом маленько метанола ему добавим, с хлопьями, пускай поспит чуток. Если с дозой не ошибаться, часа по три можно держать сонным, ну а нам больше и не нужно, нам ведь главное, чтобы к нужному моменту подгадать.

- Пойду за спораны скажу, а ты со мной иди, сам и заберешь их. А потом Щегла найду, поговорить с ним хочу. Что-то он много путать стал в последнее время. И общается как-то криво, иной раз не понять его, не нравится мне это.

- Зельем мертвячым балуется, а от этой гадости любой чудить со временем начинает.

- Это да, это до добра не доведет, если не образумится. Вот за то, Мазай, тебя ценю, что к гадости не прикасался и прикасаться не станешь.

- Ну так мы с тобой люди простые, два лаптя деревенских, нам самогона с водочкой хватает, ядом не интересуемся. Слыхал, о чём ребята шепчутся?

- Ну-ка скажи, а то всякого шепота от них много.

- Говорят, что браться мы с тобой. Родные.

- Да ты что? Ох и фантазеры, с чего им такое в головы пришло?

- Разговариваем, мол, одинаково, как быдло из свинарника, бреемся нечасто, а ты вот, вообще, бородищу отрастил.

Голоса удалялись, но Трэш продолжал их различать даже сквозь многочисленные препятствия. Однако, он не прислушивался, все внимание уходило на руку. Жгущий ее огонь чуть притих, но не успокоился и больше не отступал. Терпеть такое невозможно, хотелось прижать обе ладони к груди и взмыть, но об этом не могло быть и речи. Все, что ему оставалось - это мысли. Он силился понять, почему все эти люди так бессердечно с ним обращаются. Кто он такой, откуда взялся, почему знает многое, но при этом ничего не помнит о себе. Но как ни пытался отвлечься на раздумья, это не помогало, боль не отступала ни на шаг, грызла, пусть и без острых приступов, но равномерно-мучительно.

В какой-то момент, в очередной раз попытавшись захрипеть, Трэш в отчаянии представил, как мышцы наполняются жизнью и движением, он легко рвет цепи и тросы, которыми его тело примотано к колесной платформе, вскакивает, обрушивается на Мазая, всем своим весом прижимает его к земле и, глядя в расширившиеся от предсмертного ужаса глаза изверга, произносит два слова: "За что?"

Странно, но такая картина заставила боль отступить на задворки. Всего на секунду, на миг, но заставила.

Трэш не мог это не заметить и воодушевившись, добавил картине красок: пронзительный вопль, вырывающийся из груди Мазая, кровь, хлещущая из его разрываемого тела, отчаянные мольбы о пощаде и прерывистый предсмертный хрип.

Затем Трэш представил, как оказывается в месте, где впервые осознал себя. Представил широко распахнутые глаза Чипа и Дейла, представил, как оба сучат ногами в то время, когда его лапы все туже и туже сжимают их цыплячьи шеи. Представил людей, которые сверлили его тело, чтобы вставить катетер в вену, обливали холодной водой, небрежно грузили на машину, ради забавы ослабляя трос крана, чтобы посмотреть, как Трэш шмякнется об асфальт.

Боль не уходила, но теперь ей приходилось держаться на втором плане, потому что картины разнообразных способов отмщения не оставляли

простора для прочего. Это было не облегчение, а лишь его подобие, но Трэшу ничего другого не оставалось, как лихорадочно подбирать все новые и новые методы расправы с мучителями и представлять во всех подробностях, как именно это будет происходить.

Мазай, увы, отсутствовал недолго. Когда шаги изверга вновь проявились на фоне гудения моторов, матерной перебранки в отдалении, какого-то приглушенного перезвона и таких же приглушенных стонов, раздававшихся, казалось, из-под земли, Трэш мысленно съежился, уже привычно пытаясь раствориться в воздухе, исчезнуть, пропасть навсегда. Да что угодно, лишь бы не повторилась мука, причиненная человеком с добрым голосом и бесконечно жестокими руками.

Тот, приблизившись, уставился как-то странно, с явным недоумением. Зачем-то протер глаза, встряхнул головой, чуть растерянно произнес:

- Чертовщина какая-то. А ведь я трезвый, аки стеклышко. Ну что, мой мальчик, готов к процедурам?

Хотелось бы ответить в том духе, что нет, не готов, и вообще, пусть лучше себе все запланированные процедуры пропишет, но какой смысл, если тебя не понимают?

На этот раз обошлось без жужжания, от которого Трэш уже не мог хрипеть - глотка отказала.

Все оказалось хуже. Худа хуже. Трэш сумел не только захрипеть, он даже издал звук, похожий на приглушенный крик, переполненный страданием сверх всякой меры, от такого у каменной статуи должно размягчиться сердце.

У Мазая не размягчилось. Он чем-то елозил прямо в теле Трэша, разрывая мясо, скрежеща по костям, что-то высверливая громадной дрелью, то и дело ругая каких-то центральных за извращенные выдумки с металлическими стержнями в хребте.

Когда мучитель, наконец, сделал перерыв, Трэш уже ничего не соображал и вновь потерял способность хрипеть. У него больше не было даже намека на тело, оно превратилось в чистую боль. Одни лишь глаза, уставившиеся в потолок из ржавого железа, сохранились, он пусть и размыто, но различал каких-то людей, столпившихся вокруг пыточного алтаря, весело скалившихся, что-то задорно приговаривающих и время от времени тушивших сигареты привычным им жестоким способом.

Мазай все силился куда-то запихнуть черный грязный шланг с пластиковым наконечником. Трэш не мог понять, куда именно, но сильно подозревал, что речь идет о его рте. Возможно, через него намереваются залить концентрированную кислоту или что-то другое, настолько же

неполезное для организма.

Будет очень здорово, если он это не переживет.

Смерть не пугала, Трэш мечтал о ней почти каждую минуту с того момента, когда вчера впервые осознал себя, когда очнулся или родился, страдая от нестерпимой, как ему казалось, боли, разрывавшей затылок.

Вчерашняя боль - смешная ерунда, в сравнении с тем, что происходит сегодня.

Трэш не ошибся, по шлангу и правда полилась жидкость, отдающая кислым и чуть пряным. Добравшись до желудка, она не разъела его в кровавую кашу, не прожгла дыру и не убила в одно мгновение. Поразительно, но она вызвала невыносимо теплое и приятное ощущение, которое начало растекаться по жилам.

Тело, впервые за все время короткой, переполненной муками жизни, начало ощущать что-то, помимо боли.

Мазай, опустошив в воронку очередную порцию из пластиковой лейки, склонился, осклабился добродушно и подмигнул:

- Ну что, мальчишка, понравилось? По глазам вижу, что да. Ты потерпи немного, сейчас у тебя глаз чуток пощиплет. Понимаешь, артерия твоя плоха совсем, и хрящ старую дыру затянул. Не хочу возиться, да и проще по-старому, способ проверенный.

При этих словах зрители начали ухмыляться, а затем Мазай поднес к уголку глазницы сверло все той же дрели и нажал на кнопку.

И только сейчас Трэш понял - все, что он испытывал раньше, было не болью, а лишь ее прелюдией.

Губы Мазая растянулись в гадливой усмешке, а дрель чуть снизила обороты, но не останавливалась, продолжала высоверливать уголок глаза.

Истязатель растягивал удовольствие.

Трэш отчаянно пытался представить, как мучитель страдает во сто крат хуже. Но получалось плохо, мысли отказывались повиноваться, безнадежно путались, хотелось орать и жевать язык, выгибаться дугой, скрежетать зубами до хруста в сокрушающей эмали, сломать жужжащую дрель и кости садистов, с гоготом наблюдающих за действиями Мазая.

За что?!

Глава 3

Придя в себя, первым делом почему-то вспомнил, что у него есть имя, или, хотя бы, его заменитель. Он Трэш, это все, что ему доподлинно известно о себе от всех этих людей. Остальное, высказанное ими, даже знать не хочется, а хочется забыть и никогда не вспоминать.

В какой момент он потерял сознание, Трэш не помнил, потому что, после того, как дрель Мазая разделялась с его глазом, в голове и без того работающей со скрипом, воцарился тот еще хаос. Смутно помнилась прозрачная пластиковая трубка, уходящая в глазницу, и мутная жидкость, по ней стекающая, но уверенности в истинности картины не было. Все это напоминало часть бреда, тело, похоже, сдавалось под неослабевающим натиском мучителей, с ним явно что-то происходило.

Трэш начал его чувствовать. Это было не так, как прежде, то есть, тело ощущалось не как источник болевых ощущений и ничего более. Происходящее сейчас невозможно объяснить словами, вот просто чувствовал, и все. Ничуть не походило ни на первый день, ни на второй, ничего подобного тогда не наблюдалось.

Тогда проявлялась лишь боль, а теперь она исчезла.

Нет, сказать, что сошла на нет, Трэш не мог (да и как это сделать, если говорить не умеешь?). В глазнице, истерзанной дрелью и трубкой, осталось саднящее, невыносимо неприятное ощущение, левую руку в районе локтя скручивало то и дело накатывающими приступами, хребет пекло огнем, но в сравнении с тем, что наблюдалось раньше, это не просто терпимо, это, вообще, ничто.

А еще было тепло. Приятное тепло. Никакой ледяной воды, лишь чистая и сухая теплота. Пахло неприятно - пылью и немытыми человеческими телами. Но примешивались и другие, будоражащие запахи, объяснить их происхождение не получалось, понимание не приходило. Эти ароматы намекали на что-то хорошее, больше о них ничего сказать нельзя.

Трэш раскрыл уцелевший глаз и тут же прищурился, когда яркий солнечный луч прицельно ударил в зрачок. Зрение адаптировалось уже через секунду, он разглядел синее небо, без намека на облака и толстенные прутья ржавой решетки, служившие сейчас крышей.

Эту решетку Трэш не помнил, да и небо увидел впервые в жизни. В том смысле, что в этой жизни. Он не верил, что родился позавчера, он

существовал и до этого, просто с его памятью что-то случилось.

Возможно, ее высыверлили той же дрелью, что оставила его без глаза.

Трэш скосил взгляд, и о чудо - у него получилось. Не сказать, что это сильно расширило кругозор, всего-то и увидел, что те же прутья, только теперь они соединялись в вертикальную поверхность, образуя стену.

Покосившись в другую сторону, обнаружил аналогичную стену и кое-что новенькое - невдалеке за ней к небесам вздыпался разбитый на исполинские уступы каменный склон. В его высшей точке ржавела какая-то колоссальная ржавая конструкция, с нее грязными волосами свисали многочисленные троны и черные обрывки непонятной ленты, похоже, не металлической. Там же, на линии, по которой твердь отделялась от неба, Трэш разглядел колышущуюся на ветру траву и низенькие кустарники.

Это странно, ведь здесь вообще не задувает, полная тишина.

- О, а вот и наш мальчик проснулся, - послышалось где-то неподалеку.

Трэш конвульсивно дернулся, вспомнив и пилу, и дрель, и все остальное. Странное дело, но он действительно чуть шевельнулся - картинка перед глазом едва заметно смешилась.

Да он, оказывается, умеет двигаться.

Вот только это незначительное движение вызвало вспышку боли в истерзанной спине, перед глазом потемнело, изо рта вырвался урчащий стон.

Шевелиться ему не стоит, того и гляди рассыплется.

- Что-то ваш хваленый мальчик плоховато смотрится, - произнесли чуть приглушенно, с особой интонацией, живо напомнившей зеленых людей с прозрачными масками, прикрывавшими самоуверенные холеные лица.

И запах чего-то едкого, плохого, неживого, связанного исключительно с ними, Трэш тут же выделил из богатой гаммы прочих запахов.

Особый аромат, от других людей ничем подобным не пахло.

- Ну так дело тут не в красоте, вовсе, - поспешил протараторил Мазай.

- Этого мальчика, как ни причесывай, завидным женихом не сделаешь, у него и волос-то нет.

- Мне нет дела до его внешнего вида, но до того, как он двигается - есть. Что вы с ним сделали? Зачем глаз вырвали? Почему он не шевелится?

- Господин капитан, да вы не переживайте, все будет в лучшем виде. Глаз у него просто чуточку поцарапали, такое у них мигом застает. У этого, ясное дело, не успеет, ну да зачем ему сейчас два глаза, он и с одним нормально помереть сможет. Кривой или нет - это вашему делу не помеха. За прочее тоже не подумайте плохое - мы его на метаноле с хлопьями

держим, как раз доза последняя на сход идет, дайте ему минут десять, запрыгает, как резвый жеребец. Слово даю, оно у меня верное, не первый раз клиентов готовлю. Вон, Никанорыча спросите, он в курсе, лично добро дал. Мы на эту образину уже целое ведро первоклассного живца перевели. Старались, господин капитан, не жалели ничего, все ведь понимаем.

- Не знаю, как вы там старались, но господину Грею обещали охоту на движущуюся дичь, а не расстрел кучи мяса. Пока что все похоже именно на расстрел, ваша дичь даже приподняться не сумеет.

- Ну так мы ее мигом поднимем, сей момент. Москвич, а ну подтаскивай закуску к клетке! Давай-давай, шевели ягодицами, клиента надо заинтересовать. Пусть жизнь понюхает, не то совсем заскучал.

- Господи, да что же вы творите?!

- Господин капитан, что не так?

- Зачем вам это?!

- Ну так, клиент больно голодный, надо бы его подразнить, сразу подскочит. Средство вернейшее, свежая мертвечина для них, как мороженое для дитя.

- Подразнить?! У вас что, мяса обычного нет?! Уберите это немедленно! Живо! Господин Грей даже не солдат, он всего лишь представитель совета директоров. Идиоты! Да я даже не хочу знать, как он отреагирует, если увидит перед собой выпотрошенную женщину!

- Понял. Сей момент все сделаем. Одну минутку дайте, уберем, все равно клиенту что-то не понравилось, даже не косится куда надо, совсем пришибленный попался. Москвич, а ну бегом назад! Ты что за бойню тут устроил?! Тут людиуважаемые собираются, зачем такое барахло притащил?!

- Ну так ты сказал притащить, я и притащил!

- Думать своей головой надо! У меня на всех мозгов не хватит, мне помогать надо! Утащи эту падаль подальше, чтоб глаза наши ее не видели! Вы уж простите, господин капитан, у нас тут нравы несложные, нам проще такой вот трупец подтянуть, чем мясо искать. Этим ведь даже лучше, они человечину очень уважают. Да и знать не знал, что все так строго, до вас замечаний не случалось. Тут, намедни, господина Калугина привозили, тоже из совета. Так для него вон к тем столбам бабенок голых привязывали. Сочных, ноги о-го-го, ну, вроде как, для красоты пейзажа. Нравится человеку прекрасное.

- Живых баб?

- Само собой.

- А эта мертвя, причем, из нее все потроха вырезали. То есть,

смотрится она плохо. Разницу улавливаете?

- Сказали бы заранее, мы бы подсуетились, живых привезли. Хоть блондинок, хоть брюнеток, у нас полные клетки такого добра, и все непотрошеные. Для вас бы и вымыли, и причесали, и приодели: все в наилучшем виде.

- Просто сделайте свою работу чисто и правильно. Мне не надо сейчас никакой эротики, и трупы раскидывать тоже не надо. Господи, да зачем этот болван цепляет ее к бамперу?! Я надеюсь, он не станет кругами здесь кататься с таким украшением?!

- Кто? Москвич? Да, запросто, если вовремя не остановить. Он и не так чудить умеет. Что с него взять, счастливый человек, ему завидовать надо, мы ему все прощаем. Любимчик он наш общий, прям не парень, а ходячая улыбка. Вот только улыбка у него грустная... Невеликого ума паренек, нехорошо с ним получилось. Только-только успел жениться по большой любви на такой же дурочке, а его в Ставрополь погнали. Командировка важная, срочно понадобился человек из столицы, а то там некому пару гаек закрутить. Малость не доехал, попал к нам, так до сих пор и не понял, что это за место. Думает, что в замкадье везде так живут.

- Да уж, по глазам заметно, что не из одаренных. Такие же сонные, как у этой... у этого...

- Ну да, клиент у нас совсем больной, но зато не из мелких, нечасто к нам такие попадают. Если выпустим из клетки, придется сразу валить, пока не начал безобразничать. Безобразие у них в крови заложено, до этого дела неисправимые. Даже заторможенный метанолом может много чего натворить, вымахал-то знатно. Вы на броню его посмотрите, я первый раз такого тугого вижу. Ну чисто танк на двух ногах, уж не знаю, чем такого страшного пробивать. Я об него уже три сверла сломал, а они, между прочим, не на помойке подобранные - штучный товар.

- Пробить проблем, с этим проблемы не возникнут.

- Фугасными снарядами нельзя, ему это все равно, что петарды - дыма много, толку мало. Только разозлим.

- В пушке вся лента подкалиберными набита, и не что зря, а обедненный уран, такие любую бронемашину навылет прошибают.

- Господин Грэй стрелять-то хорошо умеет?

- Вообще не умеет, он ведь бизнесмен, а не солдат. Все, что от него требуется - нажимать на одну кнопку. Справится.

- Это как так?

- Все сделает устройство, которое на вашего эээ... клиента прицепили.

- Коробочка на пузе? Что-то я ничего понять не могу.

- А вам и не надо ничего понимать. Просто имейте ввиду, что при активации боевого модуля орудие станет автоматически наводиться на маяк-метку и сопровождать ее.

- Интересные дела... А наводится оно быстро?

- Сервоприводы последнего поколения, разработаны для искусственной мускулатуры секс-кукол, но, как видите, порнографические технологии и для военных целей сгодились. Обычно, новое, сперва, у нас обкатывается, только потом на гражданку уходит, а тут вот наоборот получилось - индустрия эротики раньше подсуетилась. Эти приводы способны обеспечить ведение самой маневренной цели даже в движении. Очень удобно против дронов, и против таких вот... клиентов, тоже хорошо работает.

- Теперь понял. Господину Грэю и правда немного работы остается. Ну, тогда, предлагаю погнать клиента вон в ту сторону, прямиком на стену карьера. Забраться на нее он не заберется, там под ней и останется, расстреляет его ваша хитрая пушечка красиво и быстро. Вид глаз радует, ну чисто скала байкальская, картинно свалится и зреющим лежать будет, кино у вас добротное получится. Только за одно беспокоюсь, что станется, если снаряд разнесет вашу коробочку?

- Если в нее попадет снаряд - ваша тварь такое не переживет. Вы лучше подумайте, как ее выгонять из клетки будете. Господин Грэй - ценящий свое время человек, заставлять его ждать, когда подвезут нормальное мясо, недопустимо.

- За это не волнуйтесь, без мяса обойдемся. Мясо, господин капитан - это пряник, но кнут работает не хуже, а иногда и лучше, на то он и кнут. Эти зверушки огня побаиваются, маленько пятки поджарим, в лучшем виде бегать начнет. Клиент со странностями, дикой жизни вообще не знает, огонь для него - самый большой страх. Надо будет, так еще живца добавим, это для него, все равно, что допинг для кривоногого спортсмена. Только отмашку дайте, и сразу им займемся.

- Хорошо, готовность десять минут, господин Грэй сейчас завтракает.

- Это как же он завтракать в маске-то может?

- В маске нет необходимости, его машина оборудована автономной системой вентиляции.

- Рискованное дело, вдруг срикошетит по ней и пробьет.

- Броню не так просто пробить, а если такое все же случится - не смертельно, внутри поддерживается избыточное давление. Заражение если и произойдет, то не сразу, этого времени хватит, чтобы успеть надеть средства защиты.

- Продуманно у вас все. Ну так я пойду ребятишкам насчет огня объясню?

- Идите. Объясните, как следует. Учтите, господин Грэй должен получить исключительно положительные эмоции.

- Да сделаем мы из него великого охотника на элиту. Уж будьте уверены, настоящим мужиком отсюда уедет, со значком золотым и красивым кино. Не первый раз работаем, никто покуда недовольным не уходил.

Трэш сидел и сам не верил, что это у него получилось. Его спину терзало болью вдвое мучительнее прежнего, из глазницы начало нехорошо сочиться, при каждом вдохе в груди что-то неприятно покалывало. Но все это окупалось сторицей, ведь он, несмотря на потерю половины зрения, теперь мог видеть все, а не только доступные статичному взору кусочки картинки.

И нельзя не признать, что эта картина ему понравилась куда больше прежних пейзажей с неизменно непрозрачными потолками и стенками.

Хотя, если говорить прямо, для слова "нравится" в его жизни вообще не предусмотрено места.

Трэш понял, почему в этом месте не ощущается ветер. Грузовик, на платформе которого привезли клетку, добрался сюда по дороге, спиралью спускающейся к донцу исполинской чаши. Люди вырыли этот карьер, добывая какие-то полезные ископаемые, там и сям можно разглядеть различную горняцкую технику, громадные дробилки, транспортерные ленты, потрепанные вагончики-бытовки и прочее хозяйство.

Машины людей, столь последовательно мучавших Трэша, расположились на последнем уступе. Дальше им съезжать некуда, карьер неизвестно сколько времени простоявает, насосы ничего не откачивают, постепенно чаша заполняется грунтовыми водами, в самом низу уже плещется озеро. Но оставшегося незатопленным места вполне хватит для намечающегося представления.

Странно, но все эти люди свободно обсуждают судьбу Трэша, не обращая внимание на его присутствие. Или думают, что он их не слышит? Вон, парочка стоит метрах в девяноста и азартно обговаривает перспективную, по их мнению, идею - когда все закончится, нужно

проверить споровый мешок клиента. А вдруг там что-то отыщется, не может быть, чтобы в таком большом было пусто.

То, что под клиентом подразумеваю именно его, Трэш понимал. Тут многие о нем так отзывались. Странное слово для сложившейся ситуации, но эти люди поголовно ненормальные.

Разве можно так свободно, во всех деталях, обсуждать в присутствии жертвы способ ее убийства? А вдруг она откажется играть по их правилам?

Или того хуже - заставит играть по своим.

Складывалось впечатление, что Трэшу отказано в способности понимать сказанное. Или считают, что на таком расстоянии он ничего не слышит. Но это вряд ли, потому что люди, проходящие в считанных шагах от клетки, общаются так же безрассудно.

Совсем его за глухого держат.

Или тупого.

Люди не обращают на него внимания, то есть, не мучают, и это хорошо. А вот как относиться к тому, чем они сейчас занимаются, Трэш еще не решил.

Потому что они готовятся его убивать, причем его смерть - лишь часть задуманного ими плана.

Трэша планируют при помощи пламени выгнать из клетки и заставить мчаться в направлении дальней стены карьера. Для этого поблизости замерли два пикапа с огнеметными установками, их экипажи встали в кружок среди машин и самозабвенно обсуждают некоторые аспекты полового размножения, не отвлекаясь ни на какие другие темы.

Несмотря на долгое подслушивание, Трэш не выяснил из их разговора ничего, что имело отношение к работе огнеметов. Но проанализировав все, что доступно уцелевшему глазу, пришел к выводу, что это кустарные установки, не отличающиеся дальностью и высокой температурой горения огнесмеси, да и качество самой огнесмеси сомнительное. Что будет, если в него выстрелят из такой штуки, он не представлял.

Как можно такое не представлять? А все потому, что, усевшись, Трэш, наконец, кое-как себя осмотрел и понял, что его отличия от людей куда значительнее, чем он предполагал, пребывая в полностью беспомощном состоянии.

Оказывается, он очень здоровенный, потяжелее пятнадцати человек вместе взятых, и формой походит на людей - те же конечности, голова и туловище, но отличий куда больше, чем сходства.

Вместо кожи его тело прикрывали замысловато скомпонованные щитки различной формы. На тех участках, где это не мешало движению,

они бугрились выступами, напоминающими притупленные полированные рога или даже шипы угрожающего размера и остроты. Богаче всего ими были усеяны предплечья, из-за чего походили на какие-то средневековые орудия пыток, из которых торчали грубые ладони, каждый палец на них заканчивался саблевидным когтем, размером с приличный кинжал.

Как Трэш понял из разговоров, подслушанных до этого, щитки и все прочее, в совокупности, называется броней и надежно прикрывает тело. Но из того, что он сейчас смог увидеть, складывалось впечатление, что защита не настолько уж и качественная. Там и сям виднелись пропилы и высверленные отверстия, из некоторых торчали обрывки пластиковых трубок и проводов. Похоже, какие-то крайне неаккуратные исследователи раз за разом забирались под костяной панцирь, не оздачивая себя последующим извлечением инструмента и устранением нанесенных повреждений.

Некоторые пробоины сочились белесой жидкостью и попахивали подпорченным сыром, под ними побаливало, иногда сильно, иногда не очень. Должно быть, организм пытается справиться с оставленными по небрежности инородными телами, но дело это непростое.

Больше всего беспокоила левая рука, которую Мазай чуть было не отпилил в районе локтя. Мучитель устроил глубокий и узкий пропил на самом сгибе, добрался до кости, хрящей и сухожилий, повредив и то, и другое, и третье. Конечность слушалась скверно и почти не сгибалась. Да и правая недалеко от нее ушла, кое-как двигать можно, но начинает дрожать при малейшем усилии, даже над головой поднять ее не получалось.

Попытка даже не встать на ноги, а хотя бы прикинуть, возможно ли, вообще, это сделать, привела к выводу, что если такое и получится, ждать от себя великих свершений не приходится. Хорошо, если кое-как плестись сможет, спотыкаясь на каждом шагу.

Если Трэш сейчас выберется из клетки, он бездарно умрет на потеху толпе, считающей его неразумной тварью, не понимающей их язык и не имеющей право на жизнь. У него нет ни шанса, эти люди как следует подготовились к закланию жертвы, карьер - ловушка без выхода. Да отсюда даже воде стекать некуда. Единственная дорога завивается спиралью по стенкам, протягиваясь, в общей сложности, на километры, едва живому Трэшу придется по ней ковылять не меньше часа, если не свалится раньше от потери сил.

Но нет, столько ковылять не придется, ведь все закончится гораздо раньше, чем он доберется хотя бы до начала подъема.

Пикапы с огнеметами - не единственные машины, спустившиеся вниз.

Не считая тягача с платформой и автокрана, присутствуют еще четыре. И они другие, больше и опаснее. Одна - грузовик неряшливого облика. Его кабина прикрыта стальными решетками и листами, но кузов вообще ничем не защищен, там даже тента нет. Посредине на громоздкой турели установлен здоровенный пулемет, облокотившись о него, скучает стрелок - плечистый мужчина в черной кожаной куртке и мешковатых камуфляжных штанах.

Грузовик Трэш не считал чрезмерно опасным, а вот три другие машины - считал. Восьмиколесные бронетранспортеры, все вооруженные, причем вооружение на каждом индивидуальное. На одном пушка калибром не меньше тридцати миллиметров, спаренная с ничем не выдающимся пулеметом; второй без артиллерии, зато пулемет на нем очень серьезный, ничуть не уступает тому, за которым скучает тип в черной кожанке, и помимо него установлен блок на четыре ракеты, скорее всего, управляемые; на последнем пулемет аналогичный, а вместо ракет вверх уставилось короткое дульце автоматического гранатомета. Теоретически, эта колонна способна дать отпор самому разному противнику в самых разных условиях. И пехоту может достать, в том числе в укрытиях, и защищенную технику, в том числе танки.

А уж от Трэша один дым останется.

Слоняющиеся там и сям люди почти все обходились без защитных масок, да и одевались разношерстно, в отличие от тех, кого называли внешними или внешниками - тех самых, дышащих очищенным воздухом и жмущихся к бронетехнике. Оружие имелось у всех, но Трэша напрягали лишь противотанковые гранатометы, он не верил, что автоматы да ружья могут серьезно навредить его броне.

Но бронетранспортеры напрягали больше, гораздо больше. Они отличались от прочей техники во всем: новенькие, чистенькие, подчеркнуто смертоносные, без уродливого навесного железа и арматурных шипов, в разной степени пораженных ржавчиной. На них даже эмблемы были другими - не ядовито-красные ромбики, как на грузовике и пикапах, а стилизованное изображение серебристой птицы с непомерно тонкой шеей и чрезмерно массивным клювом.

Непонятно из каких глубин памяти всплыли сухие строчки технического описания. Трэш теперь откуда-то знал, что эти броневики называются "Кайман", и при одинаковости конструкции они могут существенно различаться, потому как созданы по модульному принципу. У этой тройки отсутствуют дополнительные блоки защиты, что значительно уменьшает вес и улучшает ходовые характеристики, а вместо башенок

стоят дистанционно управляемые блоки вооружения. Сам оператор может находиться, как внутри, так и снаружи, или даже ехать в другой машине. Обращаться со всеми этими пушками и ракетами настолько же просто, как играть в компьютерную стрелялку не слишком высокого уровня сложности.

Под нижней грудной пластиной Трэша к шипу брони примотана небольшая черная коробочка, генерирующая радиосигнал, который улавливают хитроумные орудийные системы, автоматически наводя пушку. Так сказал человек, который разговаривал с Мазаем. Тепличные условия для оператора, ему даже не придется целиться, от него и правда требуется лишь одно - жать кнопку активации гашетки. С такой дистанции промах маловероятен, модуль вооружения и правда разворачивается настолько проворно, что если эту коробочку примотать к мячу и как следует по нему врезать, прицел не потеряет мишень из виду ни на секунду.

Трэш не может двигаться, как летящий футбольный мяч, он даже не уверен, что сумеет ковылять. Он не боится смерти, но и не видит смысла встречать ее покорно. Ведь если позволить себе убить, что будет дальше?

Что-что... Дальше он никогда не сможет найти всех этих злобных людей в обстановке, располагающей к доверительному общению.

Особенно сильно хочется остаться тет-а-тет с Мазаем, ведь он больше всех Трэшу не нравится. Не нравится настолько, что при одном воспоминании об этой твари сами собой сжимаются кулаки, с силой упираясь когтями в запястье, а из глотки стремится вырваться рык угрожающей тональности.

Но Трэш сдерживает себя, благоразумно помалкивает. Чем безобразнее он сейчас выглядит, тем лучше, потому что у него всего лишь один шанс выбраться из этого места живым.

Шанс, если честно, так себе, но другого попросту нет.

Этим людям нужна не просто смерть, им подавай смерть красивую. Кто-то, скрытый в недрах одного из бронетранспортеров, ткнет в кнопку в нужный момент, наблюдая на мониторе высокого разрешения, как заточенные урановые стержни вырывают из тела Трэша фрагменты брони и костей. Все это будет сниматься на камеры, вон, по сторонам два оператора замерли у своих треног, удерживая ржавую клетку в видеискателях.

И фото, и видео - все будет, смерть чудовища снимут с разных ракурсов.

И еще будет именной памятный знак для директора Грэя - стилизованное изображение чудовища и короткая подпись - "убийца элиты". Безделушка из желтого металла, пустой сувенир, получить который внешник сможет лишь ценой жизни Трэша.

Но у Трэша на этот счет имеются другие планы. И планы эти требуют от него максимальной самоотдачи. Но о какой самоотдаче может идти речь, если он настолько беспомощен? Ни сбежать, ни напасть, - вообще ни на что неспособен.

Но у Трэша был план, ведь он прекрасно помнил, как по его телу вчера растекалась волна жизни. Ему очень нужно это повторить, причем, немедленно.

Если быть совсем уж точным - Трэшу нужна та субстанция, которую заливал Мазай. Живчик, живец, да побольше, чтобы до каждой жилки дошло, до каждой мышцы. Пусть хоть ненадолго, но это может подарить ему скорость и ловкость.

Минусов в плане хватает, и с первым из них Трэшу вот-вот придется столкнуться. Эти люди недовольны тем, что он не выбирается из раскрывшейся клетки и даже не шевелится. Более того, перестал сидеть, - лег, как лежал в самом начале. Они вот-вот заставят его страдать.

Но это терпимо, страдать он уже привык.

Волна пламени сошла, оставив на ногах и левой лапе пляшущие язычки. Болью свело лишь след от пилы на локте, во всех прочих местах броня не поддавалась огню и достойно справлялась с отводом тепла. Трэша лихорадило, он ощущал нестерпимую жажду и сильно хотел выбраться из клетки, однако, терпел, не шевелился, раз за разом выдерживая ослабленные залпы огнеметов - ему не хотели навредить, всего лишь пугали.

Да хоть заживо сожгите, но выбираться только ради того, чтобы какой-то господин Грэй обзавелся званием убийцы элиты, Трэш не станет.

К тому же, в перерывах между пыткой огнем, он подслушивал много чего интересного. Похоже, у людей иссякает терпение, а Трэш добивается именно этого.

Пока что все идет по плану.

Огнеметы угомонились, но их раструбы остались наведенными на клетку. А люди, стягиваясь со всех сторон к грузовику с пулеметом, один за другим плескали из своих фляжек в ржавый таз, притащенный от одного из вагончиков. Ненавистный Мазай, присев рядом с неказистой посудиной, что-то размешивал в оранжевой каске, по такому случаю превращенной в

импровизированный котелок.

До Трэша доносились запахи спирта и кое-чего еще, кисловатого, приторного, липко-жирного, заставляющего напрягаться мышцы и жилы.

Они помнили, каково это - напитаться силой живца.

Даже лежащий неподвижно с закопченными ногами Трэш пугал настолько, что люди не рискнули приближаться к его клетке, они поставили таз шагах в пятнадцати от нее, после чего торопливо отступили. Некоторое время он делал вид, что ничего не осознает, дабы не выдать свою информированность и крайнюю заинтересованность. Лишь выждав приличную паузу, повел головой, якобы принюхиваясь к заинтересовавшему его запаху.

И расслышал, как Мазай, стоя возле дальней камеры, сказал оператору:

- Это им, как медок для пчел. Без ног без рук поползет, если, как следует, расprobовал.

Трэшу хотелось подняться и помчаться со всех ног, но он сдержался, пополз нелепо, неловко, зарываясь костяной головой в щебень, переваливаясь с боку на бок, при этом все сильнее и сильнее убеждаясь, что готов на куда большее.

Похоже, зараза, пропитавшая его кровь, отступила, он, пожалуй, сумеет не только ковылять, он и бегать сможет. Правда, недолго и небыстро. Но торопиться с этим не стоит, бодрящий живец - прежде всего.

Жадно осушая таз, покосился в сторону бронемашин. Убедился, что самая опасная, выдвинутая чуть вперед, навела пушку точнехонько на него, можно разглядеть зрачок дульного среза на всю его глубину.

По телу прошла волна, заставляя непроизвольно сокращаться мышцы. Трэш понял, что еще минута, и он будет готов встретить, как смерть, так и свободу.

О мести он мог лишь мечтать, нечего и думать в таком состоянии разделаться со всей этой техникой и гранатометчиками. К тому же, на шум, который неизбежно поднимется, могут нагрянуть другие убийцы. Нет уж, будет несправедливо отомстить лишь некоторым обидчикам и затем остаться навсегда в ловушке карьера, ведь сверху он простреливается прекрасно.

Люди тоже поняли, что жертва готова к закланию, приникли к оружию и камерам, уставились во все глаза. А некоторые разными словами выражали одну мысль - сейчас начнется, сейчас чудовище вскочит и побежит в сторону живописной каменной стены, где и умрет, изрешеченное подкалиберными снарядами.

Пикапы, фыркнув двигателями, чуть подъехали, огнеметы синхронно выплюнули жаркие струи, поторопливая Трэша, заставляя испуганно вскочить и помчаться прочь.

Трэш и правда начал подниматься с колен, ведь именно это от него и ждали. И даже проурчал: жалобно, с ужасом, дрожи в голос подпустив.

А потом одним слитным движением зажал между пальцами шип под нижней грудной пластиной, и провел ими к кончику, срывая инородный предмет, заставляя его свалиться в подставленную ладонь.

Убедившись, что задуманное удалось, Трэш, чуть размахнулся, запустил черную коробочку в ближайший огнеметный пикап, и, срываясь с места, успел убедиться, что пушка, отвернув смертоносный зрачок, проворно поворачивается за летящей приманкой.

Сработало.

Глава 4

Несмотря на малое расстояние и приличные габариты пикапа, Трэш промахнулся, и в этом нет ничего удивительного. Передвигаться он, возможно и научился, но пока что неуверенно, ни о какой точности движений не может быть и речи. Да и с конечностями у него, возможно, все плохо, не зря ведь о них отзывались, как о слишком коротких, неполноценных. К тому же, отсутствие одного глаза мешает определять дистанцию, а без этого разве можно говорить о меткости бросков?

Нельзя.

Но при всем при этом, совсем уж позорным промахом случившееся не назовешь, потому как, притягивающая смерть коробочка, ударившись о камни, прокатилась немного и остановилась на линии, соединяющей пикап с пушкой.

Именно в этот момент господин Грэй, уставившись в свой монитор, решил, что кадр обещает получиться достаточно живописным, ждать вариант получше не имеет смысла. Счищая с уголков рта прилипшие крошки, представитель совета директоров придавил кнопку.

Пушка, неотрывно следящая за черной коробочкой, плюнула огнем и обедненным ураном, двигательный отсек, оказавшийся на пути короткой очереди, ярко вспыхнул, разбрасывая куски как родной, так и дополнительной обшивки, а также обломки мотора. Машина, получив жестокий удар в скулу, резко дернулась, от неожиданного рывка огнеметчик не удержался на ногах, вывалился из кузова и заорал, напороввшись на длинные стальные шипы, под разными углами торчавшими из навески пикапа во многих местах.

Что там было дальше, Трэш не увидел, поврежденная машина выпала из поля зрения, а крутить головой лишь любопытства ради - несвоевременно.

Нет, проконтролировать обстановку в той стороне, конечно, не помешает, но у одноглазых не настолько хороший обзор, чтобы им размениваться. Все внимание приходится уделять важнейшим задачам, а второстепенные пускай подождут.

Если, вообще, дождутся.

Должно быть, господин Грэй сейчас удивляется, не понимая, почему Трэш продолжает бежать, как ни в чем ни бывало. Ну да, пушка выпустила

еще одну очередь - веселье продолжается, хотя пикапу и его экипажу сейчас точно не до радости. Но вечно эта сказка тянуться не может: или до стрелка дойдет, что дело нечисто, или кто-то, более компетентный, возьмет управление оружейным модулем на себя.

И тогда даже без черной коробочки Трэшу не поздоровится.

Но у него был план. Хороший план. И он продолжал ему следовать.

Абсолютно все собравшиеся в карьере люди готовились к тому, что измученное чудовище помчится прочь, подстегиваемая огнем, и дальше его красиво успокоят. Страхуя господина Грэя, в нужную сторону уставились стволы пулеметов и раструбы огнеметов, пара гранатометчиков, забравшихся на крышу огромного экскаватора, уставилась туда же, держа трубы наготове.

Все внимание приковано к финишной прямой для чудовища.

Вот только, Трэш не побежал прочь, он, проигнорировав огнеметный выстрел непострадавшего пикапа, направился прямиком на толпу. Помчался на все эти машины, на людей, собирающихся его убить, даже не пытаясь сбить с себя пламя, урча от боли и страха, подстегнутый выбросом адреналина или того, что его заменяет. Ему нужно успеть преодолеть около семидесяти метров до того момента, когда мучители подкорректируют свои планы.

Откровенно говоря, Трэш не очень-то верил в успех задуманного. Люди не выглядят заторможенными, они быстро поймут, что к чему и начнут действовать. Но даже если его предсмертный порыв всего на миг их напугает - это уже неплохо.

Ну а если господин Грэй успеет натворить дел с пушкой - вообще замечательно.

Нет, Трэш, на всякий случай, запланировал действия на случай того, если успеет добраться до машин, вот только детализация этих планов хромала. Увы, но не было времени на обдумывание каждой мелочи, да и тяжело всерьез размышлять над тем, во что почти не веришь.

Поэтому, все же добравшись до ближайшей бронемашины и не словив при этом ни одной пули, Трэш сильно изумился. Однако, это не помешало ему сменить безоглядный бег на деструктивную деятельность.

И да, бег, ничего так, получился. Он не ожидал от себя такой прыти. Это просто полет стрелы, это гимн реактивной авиации, это почти фантастика. Никто, включая гранатометчиков, не успел развернуться, осознать происходящее, лишь некоторые, даже не пытаясь стрелять из своего слабого оружия, врассыпную помчались прочь, причем очень медленно.

На порядок медленнее Трэша.

Подпрыгнув, он здоровой, правой рукой, ухватился за ствол орудия, сгибая его силой мышц и тяжестью массивного тела, одновременно вдавливая в недра модуля. На миг даже пожалел, что приходится калечить пушку, ведь она до сих пор куда-то постреливает, причем, явно не в Трэша. Но нельзя оставлять такую штуку позади, если не планируешь обзавестись коллекцией пробоин в спине.

А в планах Трэша места им не нашлось.

Модуль на второй бронемашине резво развернулся, готовясь встретить цель ливнем тяжелых пуль, но хваленые внешником сервоприводы оказались не настолько резвыми - сравняться с чудовищем не смогли.

Мимоходом свернув пулемету ствол, Трэш, не колеблясь, изменил направление движения, рванув к экскаватору. Как ни жаль, но грузовик и последний бронетранспортер придется пощадить, форы иссякает, люди приходят в себя, вот-вот, и начнется та еще пальба. Увы, но он не успевает вывести из строя всё самое опасное оружие.

Ну и ладно, то, что Трэш сейчас успел сделать, уже выходит за рамки самых дерзких его планов.

Далеко выходит.

Экскаватор был огромным. Грубая коробка без намека на колеса, под днищем располагается что-то, похожее на лыжи, но сомнительно, что это именно они. Да и зачем знать, каким способом исполин передвигается по карьеру, главное, что надо иметь ввиду, - он может прикрыть от оставшихся за спиной пулеметов, и на нем расположилась пара с противотанковыми гранатометами.

А вот и они, опасно резво подбираются к краю, собираясь встать там и открыть огонь по приближающейся цели. Быстро в себя пришли, к тому же, это люди, а не техника, с ее инерцией и неповоротливостью, именно они сейчас самая главная опасность для Трэша.

Несмотря на разворот, скорость он не потерял и даже сумел ее нарастить, напрягая все силы, совершая невозможное, удивляя самого себя неожиданно вовремя открывшимися возможностями. Трэш едва успел, до гранатометной стрельбы осталось не больше секунды, оба уже вскинули свои трубы на плечи, ловя его тело в прицелы.

Слишком поздно. На полной скорости он ударил в борт экскаватора, где просматривалось что-то вроде двери или люка, легко вмял створки внутрь, ввалившись следом и сметя со своего пути какой-то тяжелый агрегат.

За спиной, наконец, грохотнуло. Нет, не пушка, ее ствол повис черной

соплей, а в парализованном оружейном модуле вовсю искрили изувеченные сервоприводы последнего поколения. Пулемет. Или с не тронутого Трэшем бронетранспортера, или из грузовика - явно не ручной. Стреляли метко, в сумрачном нутре экскаватора замелькали трассеры, пули, ударяя по металлическому оборудованию, высекали снопы искр, рикошетили. Потянуло химическим дымком и запахом электросварки, где-то в дальнем углу занялось пламя, стена вокруг сорванного люка покрылась россыпью отверстий, через которые ударили солнечные лучи, будто лучи прожекторов, выискивающие скрывшееся чудище.

Вот только Трэш никуда не скрывался. Ухватив непонятный агрегат, удачно сорванный в момент проникновения в сумрачные недра экскаватора, он закинул его на плечо, примерился, и резко отправил полетать с таким расчетом, чтобы тот врезался в крышу под ногами гранатометчиков. Достать их даже не мечтал, железный лист так не пробить, но пусть хотя бы понервничают, заподозрив, что страшная образина лезет за ними. Глядишь, хоть на несколько секунд можно будет о них забыть.

Ударил второй пулемет. Трэш, падая на пол, поймал сразу две пули, а может и все три, короткая очередь пришлась в позорно-нижнюю часть спины, толкнула резко и неожиданно, заставив приложитьсь мордой о железный пол. Разбираясь с последствиями попаданий некогда, вот-вот экскаватор из успешного элемента плана превратится в безвыходную западню.

Вывалившись по другую сторону через очередной сорванный люк, Трэш первым делом подхватил большую металлическую бочку, заполненную какой-то жидкостью под горловину, взвалил на плечо, резко распрямив правую руку. Примерился и закинул увесистый подарок на крышу экскаватора, чтобы гранатометчики не сильно там скучали. В этот миг пролетевшая через все препядства тяжелая пуля ударила его чуть ниже того самого шипа, на котором секунд тридцать назад закреплялась черная коробочка.

Попадание вышло болезненным, но пришлось на момент, когда Трэш осознал, насколько он силен и потому не обратил на боль внимание, заорав во всю мощь:

- Спасибо за живец, твари!

Из глотки, увы, вырвалось лишь злобное урчание, похожее на торжествующий рев изголодавшегося тигра-людоеда, забравшегося в клинику, специализирующуюся на лечении крайних форм патологического ожирения. Еще одна пуля, тоже пролетев сквозь экскаватор, чиркнула по скуле, голова дернулась. Боли не было, вскользь прошло, но заставило

ссутулись.

Трэш знал, что голова - самое опасное место. Одно удачное попадание, и он труп.

Откуда пришло это знание? Да оттуда же, откуда все остальное.

То есть, неизвестно откуда.

Этап с экскаватором позади, а вот дальше начинается скользкий момент - прикрываясь терзаемой пулеметами железной коробкой, нужно добраться до стенки карьера и забраться на дорожный уступ, который тянется метрах в семи выше. И если со скоростью Трэш разбрался, то насчет навыков альпинизма у него остаются нешуточные сомнения. К тому же, карабкаясь по отвесной скале, он в какой-то момент поднимется выше укрытия, на радость пулеметчикам и прочим.

Рискованно. Очень рискованно. Но то, что он уже успел сделать, было не менее рискованным.

Вжимая голову в плечи, осматривая скалу единственным глазом в поисках возможностей забраться на нее побыстрее, Трэш мчался вперед, вздрагивая от молотящих по его спине и затылку пуль - три человека, стоявшие у дальней камеры, сейчас прекрасно его видели и прицельно лупили из своих автоматов. Боли нет вообще, броня держит, но раздражает неимоверно. Очень хочется развернуться, побежать к гадам и доказать им всю глубину их неправоты.

Нет времени. Вообще ни на что нет.

На последних шагах Трэш прыгнул, планируя дотянуться правой рукой до выдающегося из обрыва камня, после чего упереться ногами в полку чуть ниже и начать забираться, используя всего лишь три конечности - от изувеченной Мазаем толку ждать не приходится.

Расчет не оправдался - Трэш, неожиданно для себя, прыгнул куда выше, чем запланировал. Он-то голову ломал, каким образом успеть преодолеть половину подъема до того, как его прицельно расстреляют из тяжелого вооружения. Но нет, все пошло не так, взмыл на добрый метр больше рассчитанного, едва не стукнулся о другой выпирающий камень, уберегая лицо, оттолкнулся от него, забросив себя еще дальше, ухватившись за самый край обрыва.

Вот и все, выше уже ничего нет, та самая дорога тянется, он добрался.

Неистово урча, подтянулся на одной лапе, изогнулся, уложив себя на край. Есть, забрался! Подниматься не стал, покатился с боку на бок, осыпаемый выбивающим пулями каменным крошевом. В бок попали, вырвав болезненный стон, над глазом мелькнуло что-то неуловимо-быстрое, изрыгающее пламя, ударило чуть дальше, в обрывистую стену

уступа, вызвало приличный обвал, слегка накрывший ноги Трэша, но ничем ему не помешавший.

Все равно, что щебенкой осыпало - ерунда.

Откатившись на несколько метров, он скосил взгляд и понял, что находится вне досягаемости, враги не могут его достать. Они остались внизу, его прикрывает край уступа, если не подниматься, Трэша попросту не увидят.

Но и просто лежать - не самая лучшая идея. Он ведь не ради отдыха сюда рвался, цель у него другая.

Главное сейчас - выбраться из проклятого карьера, где таких, как Трэш, убивают ради потехи. Значит, надо двигаться, причем двигаться безо всякого плана, так далеко его замыслы не доставали ввиду их объяснимой пессимистичности.

Трэш пополз на четвереньках, припадая на левую руку, прижимаясь правым боком к стене обрыва, тянувшегося до следующего уступа, оставляя за собой кровавый след, - бок все же зацепило всерьез, и поделать с этим ничего нельзя, надо просто сцепить зубы и терпеть.

За спиной хлопнул не впечатляющий разрыв, и почти сразу еще один. Спустя несколько секунд облачко взметнулось метрах в десяти впереди, в лицо ударило что-то мелкое и злое. Трэш понял, что избежавший наказания бронетранспортер открыл огонь из автоматического гранатомета, это оружие способно поражать цели за укрытиями или складками местности. Осталось лишь пожалеть родителей стрелка, ведь большое горе, когда в семье рождается откровенный недоумок, не понимающий, что цель не из тех, которые можно поразить подобным вооружением, тем более, вслепую.

Очевидно, среди экипажа нашлись люди посмышленее, обстрел прекратился. Трэш рискнул на секунду приподняться, чтобы узнать, чем занимаются враги. Тут же вернувшись в прежнее положение, пережил еще один камнепад, куда серьезнее, потому что, разглядев цель, снизу начали бить из всего, что есть, это добро прилетало в стенку уступа, а некоторые булыжники там и без того на честном слове держались.

Один, особо острый и увесистый, с такой силой приложился по затылку, что Трэш чуть носом в укатанную дорогу не встриял. Разозлившись, ухватил обидевший его камень, зашвырнул в сторону стрелков и тут же, озаренный перспективной идеей, отправил следом еще несколько. Благо, недостатка в метательных снарядах здесь не было, спасибо щедрым людям, не жалеющим патроны и гранаты.

Стрельба тут же почти сошла на нет. Сомнительно, что кого-то задело, а вот озадачило точно многих, никому не хочется получить двухрудовой

глыбой по голове.

Пользуясь относительным затишьем, Трэш еще раз приподнялся, потому как, при первой попытке, толком ничего не успел разглядеть.

На этот раз все прошло удачнее, людей и правда неприятно озадачили брошенные камни. Хотя Трэш схлопотал пулю из винтовки рядом с уцелевшим глазом, это того стоило, он успел узнать главное.

Грузовик стоит на месте, пулеметчик в его кузове возится со своим оружием. Непохоже, что ленту меняет, должно быть, возникли технические неурядицы. Два поврежденных бронетранспортера остались там, где их покарала рука Трэша.

А вот третий...

С третьим все плохо, он сорвался с места и явно намеревается добраться до подъема, откуда выедет на дорогу и помчится вслед за ускользнувшей жертвой.

И что теперь? Нечего и думать продолжать передвигаться на четвереньках, и трети оставшегося пути так не одолеет, как будет расстрелян из крупнокалиберного пулемета. К сожалению, броня такие пули держит не всегда, они, должно быть, специальные, вроде тех - урановых.

Трэш подавил в себе панический порыв и приподнялся сознательно, расчетливо, резко распрымляя ноги, стрелой срываясь с места. Помчался дальше, даже не пригибаясь, со всей возможной скоростью, так, как делал это внизу, а может даже быстрее.

Опыт дает многое.

Снизу его, разумеется, увидели и поприветствовали жестоким салютом из всего, что было. Металл бил в скалу впереди и позади, да и Трэшу доставалось, несмотря на то, что он старался непредсказуемо изменять скорость. Но это он главным образом против гранатометчиков старался, их ракеты летели не столь быстро, движущуюся некрупную цель из них можно поразить с приличным шансом, только если она мчится на тебя или от тебя. Во всех прочих случаях вероятность успеха - так себе.

Пули из легкого оружия уже не пугали, он напрягся лишь тогда, когда вновь заработал пулемет в кузове грузовика. Но к тому моменту успел подняться еще выше, на следующий виток, теперь целиком Трэша разглядеть не могли, разве что плечи и голову, попадать стало гораздо труднее, да и неудобно, оружие приходилось сильно задирать.

На следующем, последнем витке дороги, пулемет и вовсе замолчал. Тут уже не в видимости дело, похоже, турель не способна работать под таким углом. Да и гранатометчики притихли - или закончились

боеприпасы, или осознали бесперспективность обстрела.

Теперь напрягал лишь бронетранспортер. Сейчас он находился на противоположном краю карьера, успев добраться до предпоследнего витка. Это опасно близко и едет он быстро, не отвлекаясь на стрельбу, хотя пулемет неотрывно следит за Трэшем.

Замысел экипажа очевиден - намереваются сократить дистанцию до минимума и в упор расстрелять. Разумная затея, если вспомнить, что модуль изнутри перезарядить нельзя, и вообще - это хлопотное дело. Так что боезапас лучше приберечь для гарантированного поражения цели.

А еще второй пикап, не пострадавший от демонстрации великих стрелковых талантов господина Грея, ухитрился обогнать бронемашину до сужения подъема и мчался сейчас в сотне метров от нее, видимо, боясь далеко отрываться.

Возникла было мысль остановиться и устроить баррикаду. Но каким образом? Камней на дороге валяется немного, никто больше не устраивает обвалы - обстрел поутих: у кого-то ствол перегрелся, у кого-то патроны закончились, а кто-то на таком расстоянии и в небоскреб не попадет. В общем, материалов для создания преграды почти нет, всего-то один приличный камень в поле зрения. Да и бронемашина отличается высокой проходимостью, остановить ее способно лишь серьезное препятствие.

Идея заняться строительными работами, как зародилась, так и умерла, а через секунду и вовсе забылась под неудержимым натиском свежих впечатлений.

Как всегда - негативных.

Навстречу Трэшу в карьер спускался здоровенный черный пикап. Мощный огнемет в его кузове заработал на ходу, с дистанции, запредельной для такого оружия, заставив попытаться от докатившейся волны жара, тоскливо заурчать от страха и отчаяния.

Рванувшись вправо, Трэш вжался в скалу, выгадывая себе несколько секунд покоя и лихорадочно прикидывая, что же делать дальше. Назад хода нет, оттуда надвигаются похожий пикап и бронетранспортер, впереди всего лишь одна машина, но дорога изгибается досадно-плавно, почти ровно. Врагам нет смысла приближаться, издали начнут поливать огненной смесью. На этот раз люди церемониться не станут, Трэш вспыхнет от пяток до макушки, сомнительно, что его броня сможет защитить от такого. Пламя, пусть и не убьет мгновенно, но заставит свалиться от шока, ослепнуть, скрутиться клубком и завывать, с неистовым нетерпением дожидаясь прихода смерти.

Трэш с тоской покосился наверх. До края карьера по вертикали

оставалось не больше пятнадцати метров, можно в деталях рассмотреть выглядывающую оттуда травку и веточки кустарников. Но скала чуть ли не идеально гладкая, не за что ухватиться, нет опор для ног, даже с обеими рабочими руками забраться очень трудно, а под обстрелом, вообще, невозможно.

Ну и что теперь делать?! Не вниз же прыгать?!

Вниз... А ведь это идея. Нет, прыгать, конечно, бессмысленно, Трэшу там делать совершенно нечего, а вот вернуться немного назад - почему бы и нет.

Ровно до того места, где он задумался о сооружении баррикады. Там валяется кое-что, что, возможно, сможет помочь с возникшим впереди затруднением. Что пикапы, что бронетранспортер, продвигаются неспешно, дорога очень уж некачественная и опасная - слишком узкая, одно неосторожное движение, и можно сверзиться на следующий уступ. Он должен успеть, не так далеко ушел, всего-то на сотню метров придется вернуться.

Огнемет заработал, как только Трэш выскочил из скальной ниши и помчался назад. Все еще слишком далеко, да и темп с ходу набрал приличный, разрывая дистанцию, но спина начала петь в нескольких местах - отдельные брызги достали. Пока бояться нечего, страх придет, если начать вдумываться в детали очередного плана.

Поэтому Трэш старался не вдумываться.

Камень был большим и плоским, лишь немногим уступал площадью капоту черного пикапа. Ухватившись за бока глыбы, Трэш поднапрягся, вскинул рывком - даже для него тяжеловато. Сложно сказать, каков вес, может триста килограмм, а может все полтонны, или даже больше. Но терпимо, удерживать можно спокойно.

Камнем он прикрыл голову и грудь. Главное, что сейчас требуется - не позволить залить огнем последний глаз. Там, вроде как, серьезное веко защищает, но насколько эффективна его защита - неизвестно.

Развернувшись, Трэш, медленно разгоняясь, направился назад, морально подготавливаясь к очередной порции мучений и ориентируясь по краю дороги. Она узкая, а препятствие впереди всего одно - тот самый черный пикап. Сбиться с пути невозможно.

Врага Трэш не видел, но прекрасно слышал. Шум мощного мотора, шуршание шин и клацанье камней под ними, лязг металла.

И пробирающий до костей монотонный выдох заработавшего огнемета.

Первый удар Трэш перенес легко, всего-то несколько капель достали

до ног, да в носу запершило от удушливого запаха сгорающих нефтепродуктов и какой-то едкой химии. Не сказать, что приятное ощущение, но нормально, разгоняться не мешает.

Второй выстрел залил и ноги, и низ живота, и пальцы, обхватившие камень по бокам, и даже на голову немного сверху пролиться ухитрилось. Пламя, взметнувшись снизу, лизнуло по глазу, заставило завыть, заурчать протяжно, с всхлипывающими остановками. Каждая, даже самая незначительная пробоина в броне, превратилась в дрель Мазая, наматывающую нервы на раскаленное сверло.

Трэш попытался изменить положение камня, защитить лицо, но тут ударили второй выстрел, залило все, проигнорировав смехотворную защиту, даже по спине потекло. Закрыв глаз и завывая втрое громче, он подстегиваемый нестерпимой болью, побежал, не обращая внимание на неудобство и тяжесть камня, встречая им все новые и новые потоки пламени. Видеть ничего не видел, ориентировался исключительно на звук работы двигателя и жестокого оружия. Дорога прямая, если не ошибаться и не сдаваться, с пути не сойдет.

Сдаваться Трэш не намерен, это не по плану.

Тональность шума двигателя изменилась, одновременно послышался звук переключения передачи. Все понятно - атака пылающего чудовища стала чрезмерным испытанием для психики водителя, он пытается уйти задним ходом.

Взревев так, что само пламя должно испугаться, Трэш, чувствуя, как камень начинает вываливаться из обгорающих пальцев, припустил, уже не думая ни о чем, выжимая из себя жалкие остатки сил.

И со всего маху врезался ногами в силовой бампер, легко согнув наваренные на него шипы. От неожиданности пальцы отказали окончательно, камень выскользнул, по инерции полетел дальше. Глаз, на миг рефлекторно приоткравшись, успел разглядеть, как тяжеленная глыба, сокрушив прикрывающую лобовое стекло решетку и проехавшись по сминающейся крыше, небрежно снесла и огнемет, и стоящего за ним человека. Должно быть на лице у того промелькнуло то еще выражение, но посмотреть на это не получилось, его прикрывала защитная маска с непроницаемо-черными очками.

Жаль, быстро отмучался. Садист.

Трэш, забросив себя на капот, потянулся вслепую, стукнул кулаком, доламывая стекло со стороны водителя. Просунул руку дальше, нашупал что-то мягкое, дергающееся и надрывно орущее, сдавил, и, несмотря на сожженные нервные окончания, ощущил, как ломаются до смешного

хрупкие кости. Продолжая гореть живым костром, с воем перебрался через машину, завалился на дорогу, начал перекатываться с боку на бок, оставляя на камнях потеки пылающей огнесмеси.

И шелуху от рассыпающейся брони он тоже оставлял - тело своими методами пыталось сбить пламя.

Ему бы в воду сейчас нырнуть, или, хотя бы, в песок зарыться, но чего нет, того нет. Трэш катался и катался по камням, не осознавая, что делает это опасно близко от края пропасти. Увы, но в голове не осталось ничего, кроме неистовой жажды избавиться от пожирающего его огня.

Возможно, он бы так и продолжал елозить телом по камням до подъезда палачей, но вмешались другие люди. Точнее - всего один.

Протрещала автоматная очередь, пули начали бить по затылку. Не сильно, но чувствительно, заставив, хотя бы, частично очнуться, вынырнуть из бездны боли, избавиться от власти безумия, подскочить застигнутым врасплох зверем, разворачиваясь к угрозе. Глаз открылся, Трэш сквозь слезы различил, что возле распахнутой дверцы черного пикапа стоит выбравшийся пассажир. Лицо у человека было бледным и переполненным нехорошими предчувствиями, что вполне объяснимо, ведь он только что расстреливал беззащитную, по его мнению, мишень, и вдруг оказался наедине с до крайности обозленным чудовищем, желающим ему зла.

Человек развернулся и опрометью бросился вниз по дороге. Трэш, устало пригнувшись, поднял сорванный с кузова тяжеленный огнемет, выпрямился, швырнул вслед.

Попал.

Броня Трэша почернела во многих местах и дымилась, как залитый водой уголь. От него омерзительно воняло обожженными волосами и неописуемо-отвратительной кислятиной, из ран вытекала бурлящая кровавая пена, кое-где все еще мелькали язычки пламени. Болело абсолютно все, но жалеть себя некогда, ему надо продолжать действовать по плану.

Пикап переворачиваться, как надо, не захотел. Поэтому Трэшу пришлось его передвинуть капотом к обрыву, зайти с боку и опять поднатужиться. На этот раз все прошло без сложностей, машина за два подхода легла колесами кверху, перегородив узкую дорогу.

Возможно, бронетранспортер сумеет сходу преодолеть такую преграду. Возможно и нет. И не надо забывать про второй пикап, он уже где-то неподалеку. Вот он-то точно здесь остановится, усугубив затор.

Дорога-то узкая.

Развернувшись, Трэш, прихрамывая на обе ноги и жалко поскуливая, направился наверх, преодолевая последние метры подъема. Прилетевшая издали не такая уж тяжелая пуля заставила его пошатнуться, перед глазом на миг потемнело.

Он слишком вымотан, ему очень больно, сил нет противостоять даже мелким напастям.

Впереди показалось обширное ровное пространство, поросшее чахлой травой и испещренное колеями от колесных машин и гусеничной техники. Слева вздымаются отвалы пустой породы, справа сереют бетонные коробки производственных зданий. А сзади...

Назад, на карьер, Трэш оглядываться не стал. Он и без этого прекрасно знал, что там остались люди, зараженные одинаково жестоким желанием - догнать и добить.

Желательно - жестоко.

Глава 5

Спускаясь по склону степного оврага, Трэш позабыл о своих размерах, за что тут же поплатился. Рыхловатый глинистый склон посыпался под его весом, заставил задергаться в попытках сохранить равновесие. Но тщетно - полуторатонное тело покатилось вниз, легко сминая подворачивающиеся по пути кустарники, в отдельных случаях очень даже приличные.

На дне Трэша поджидала высохшая лужа. Высохнуть-то она высохла, но это можно сказать лишь о воде. Грязи там хватало, замарался он знатно. Это его ничуть не расстроило, даже наоборот, порадовало, потому что слегка остудило жжение в пораженных огнем местах. Будь у него время, он бы еще больше извозился.

Импровизированная грязетерапия.

Но увы, времени нет вообще. Трэш отчетливо различал звуки моторов - к оврагу направлялась все та же пара из огнеметного пикапа и бронетранспортера. На ровной степи его заметили издали, он самую малость не успел доковылять до спасительной низины.

Промелькнула было мысль подкараулить технику на краю оврага и устроить ей аварию с жертвами, но тут же ее отбросил. Трудноосуществимо, да и вряд ли враги подставятся одновременно, в крайнем случае вышлют на разведку проворный пикап. Да и состояние у Трэша таково, что ему сейчас не до активных боевых действий, тем более, с участием бронетранспортера. Дошло до того, что о клетке начинает вспоминать с ностальгией, там хоть и мучили, но полежать позволяли.

А здесь, мало того, что мучают, здесь бегать до полного изнеможения приходится.

Невыгодно получается.

Бронетранспортер - машина повышенной проходимости, но этот овраг ей не по плечу, спуститься не сможет. А вот Трэш наоборот - не сможет вылезти, потому как, обрыв осыпается под его весом, и к тому же сразу попадет под обстрел.

Здесь, внизу, он еще побарахтается.

Размазывая грязь и копоть по кустам, поковылял дальше по самому дну. Заросли тут густые, но даже истерзанному телу они ни почем, почти не сказываются на скорости передвижения.

И это прекрасно, ведь скорость и без того далеко не блестящая.

Стремительность движений, пришедшая после таза с живцом, потерялась где-то по дороге, вместе с пластинами отстрелянных фрагментов брони и потеками пролитой крови; колени стреляли болью при любой попытке их согнуть; некоторые мышцы, временами, отказывались работать, доходило до частичного паралича, когда одна или обе ноги неожиданно превращались в непослушные протезы. В такие моменты Трэш не всегда удерживал равновесие и поэтому частенько падал. Так что густые заросли - во благо, здесь он сможет помогать себе руками.

А заросли, чем дальше, тем больше тянулись ввысь и редели. Появились первые деревья, их кроны укрывали Трэша с головой, это радовало.

Если овраг выведет на открытую местность, повода для радости не будет, а будут боль и смерть, потому как, люди знакомы с местностью, именно там подстерегут. К тому же, у них имеются средства радиосвязи, возможно, уже вызвана подмога, обложат со всех сторон, где угодно, даже в самом густом лесу.

Спасти Трэша может лишь скорость, но отказывающие ноги и откровенно предсмертное самочувствие не оставляют ни шанса. Он помнил разговоры людей в том месте, где впервые осознал себя, они что-то говорили о том, что у него ненормальные конечности, слишком серьезно защищены, в сравнении с телом. Должно быть, это их сильно задевало, потому как, они иссвертили и изрезали их во множестве мест. Неповрежденные участки достойно сопротивлялись огню, там лишь наружные слои брони осыпались и осталось неприятное саднящее ощущение. А вот в местах, где имелись хотя бы малейшие отверстия, дела далеко не блестящи.

Там и боль, вышибающая слезы, и судороги, и приступы паралича. Трэш продолжал идти на голом упрямстве, уже почти не веря, что у него получится отделаться от людей. Слишком медленно он движется, ему бы ускориться раз в пять, тогда шансы появятся. А сейчас, все, что он может - чуточку оттянуть неизбежное.

В открытой взглядам степи его загонят безо всякой подмоги, для этого достаточно уже имеющихся машин.

Кустов становилось все меньше и меньше, а вот с деревьями ситуация обстояла в точности до наоборот. Даже если преследователи сейчас посматривают вниз, вряд ли сумеют определить местонахождение беглеца. Местами Трэшу, с его габаритами, непросто пробираться, не тревожа ветви, но он старается ничем себя не выдавать, и сомнительно, что они разглядят его через густую листву.

Главное не свалиться. Главное, не позволить себе сдаться. Надо в зародыше избавляться от мыслей оставить все, выбраться на открытое место и присесть, позволить подъехать поближе, и пускай расстреливают в упор.

Уж очень хотелось дать себе слабину, отмучаться. Ведь выживать, это не просто больно, это, оказывается, еще мучительнее, чем сидеть в клетке беспомощным растением, игрушкой для садистов.

Но Трэшу пока удавалось держать себя в руках, волю дурным мыслям не давал, пускай злые люди сами в клетке посидят. Не для того он вырывался, чтобы сдаться. Если уж умирать, так умирать зверем рычащим.

Не дождутся.

Впереди посветлело. Трэш остановился, не рискуя выбираться на открытое пространство. Он продолжал слышать двигатели бронемашины и пикапа, они находились где-то левее, приблизительно в полутора километрах, и непохоже, чтобы приближались. Но уверенности в точности определения расстояния не было, опыта в таких расчетах не хватает, да и слух работает скверно. В одно ухо будто тугую пробку забили, почти ничего им не слышит, все заглушает звон монотонный, да и кровь из него подтекает. Должно быть, досталось при слишком взрыве. Тогда, в самом начале, обстреливали очень даже серьезно, в том числе из гранатометов или даже ракетных установок.

Слышно, как сзади, издалека приближается третья машина, похоже, немаленькая. Логично предположить, что это грузовик с пулеметом выбрался из карьера, а можно и что-то другое заподозрить - похоже и поопаснее. Там, внизу, он стоял с заглушенным двигателем, так что, Трэш его по шуму идентифицировать не сможет.

Что бы это ни было, но оно усилит преследователей, а они и без того сильны. И самое плохое в этой ситуации то, что, чем дольше он стоит на краю зарослей, размыщая об этом, тем ближе к нему подбираются.

Овраг оказался ответвлением громадной балки, именно она открылась впереди. Дальше склоны резко расходились в стороны, становились пологими и постепенно сливались с бортом главной низменности. Серьезная растительность в ней почти отсутствовала, зеленели лишь отдельные кусты и некрупные деревья, тоже одиночные. Трава низкая, что

с учетом наличия пятен коровьих лепешек неудивительно, спрятаться в ней даже у человека не получится, а Трэш несопоставимо больше.

С его позиции невдалеке внизу просматривалась дорога, тянувшаяся вдоль ручья, протекавшего по дну балки. Судя по нарастающему гулу мотора, именно ее используют преследователи. Должно быть, собираются не позволить беглецу спуститься, задумали удержать в овраге, запертым среди глинистых обрывов. Не торопятся, планомерно обкладывают, у них тут целая операция по его уничтожению. Очень уж нервирует звук третьего мотора, он временами становится двойным, а то и тройным. Если предположить, что это группа машин, получается, враг устраивает кольцо окружения.

Овраг - единственное место, где есть укрытия, других таких поблизости Трэш не знает. Но это одновременно и ловушка, там не так много мест, откуда можно выскочить. Да и сверху он просматривается отлично, его легко взять под наблюдение малыми силами, не позволяя беглецу даже нос высунуть. Значит, возвращаться туда нельзя, хочешь не хочешь, а придется выбираться.

Прикидывая варианты дальнейших действий, Трэш уловил звук еще одного мотора, откровенно странный, не похожий на все прочие. Что-то явно некрупное, и направление на источник с трудом определяется.

Разобрался с причиной он быстро, как только сумел разглядеть, что двигатель установлен на мотодельтаплане. Ажурное летательное средство, приблизившись, начало описывать круги, держа овраг под контролем.

Ну все, теперь что ни делай, заметят. Но это, возможно и к лучшему, не то Трэш уже задумал деревце с густой кроной вывернуть из земли и прикрываться им от взглядов врагов, которые вот-вот могут показаться на дороге.

Теперь подобные ухищрения бесполезны, вряд ли бегающее дерево укроется от взглядов с воздуха. Даже обнаружения с земли избежать таким способом - маловероятное везение. Значит, можно не тратить время на малоэффективные хитрости.

Трэш решительно развернулся направо, вышел из зарослей, и, ковыляя изо всех сил, начал взбираться по склону оврага. Здесь он все еще оставался крутым, но нет отвесных обрывов, как в самом начале, даже в сложных местах можно удерживаться на ногах.

Если они в этот момент не устроят очередную забастовку.

Спроси сейчас Трэша, какое существо в мире является самым пакостным он бы, не задумываясь, назвал мотоцикл. И что с того, что это техника, а не живое создание?

Ведь действительно, пакостнее не придумаешь.

Если быть точнее, пакостили ему два мотоциклиста, а техника, конечно, лишь косвенный виновник происходящего. Но Трэша сводил с ума именно стрекот мотора.

Людишки выбрали примитивную и беспрогрышную тактику. Пользуясь тем, что беглец двигался по лишенной укрытий степи, они подъезжали к нему метров на пятьсот, после чего спешивались и открывали огонь из огромной крупнокалиберной винтовки. Попадали не всегда, но частенько. Пули броню не пробивали, но лупили по ней с такой дурью, что удары в корнях зубов отдавались и хотелось жестоко наказать виновников.

Трэш, поначалу, пытался. В смысле - наказать пытался. Но стоило ему только дернуться в сторону обидчиков, как трусливые твари забирались на мотоцикл и не сильно торопясь начинали удирать. Догнать их, ковыляя и все на свете проклиная, нечего и думать, зрявшая потеря времени. Приходилось разворачиваться.

После разворота история повторялась: парочка подъезжала метров на пятьсот и начинала обстрел.

Оставалось одно, - мчаться от них, что есть сил, надеясь, что виднеющийся вдалеке провал окажется для них непреодолимым. В любом случае им приходилось то и дело оставлять винтовку в покое и раз за разом забираться на мотоцикл, чтобы уже не убегать, а наоборот, сокращаться дистанцию. Эти действия выгодны для Трэша, можно отдохнуть от колотящих по броне пуль.

Мотоцикл остановился в очередной раз, но стрельбы не последовало. Трэш, наконец, добрался до провала. Он не прогадал, это очередной заросший зеленью овраг. Вряд ли мотоциклисты через него переберутся в этом месте, им придется делать объезд.

Надо успеть за выигранное время добраться до по настоящему безопасных мест, пока еще кто-то не появился. Уши улавливают не такой уж далекий гул серьезных моторов. Преследователям на машинах тяжело приходится среди лабиринта овражно-балочной сети, но они не отстают.

Дельтаплан нервировал, пролетая на недосягаемой высоте, не выпуская то шагающего, то бегущего корявой трусцой Трэша. Он не оставлял его в покое от того самого оврага, быстро разглядев, поразительно быстро. Такое впечатление, что на этот легком аппарате установлен радар, замечающий костяную броню, или что-то другое.

Спасибо, что вооружения там нет, в таком случае Трэш бы далеко от оврага не ушел.

Да он и так не очень то успеет от него удалиться, ведь рев двигателей нарастает, боевые машины забираются по крутым склону балки, скоро они окажутся наверху. И тогда Трэш умрет, потому что прятаться здесь негде. У него всего одна надежда, один шанс - впереди виднеется понижение, возможно, это очередной овраг и, возможно, его не успеют быстро обложить, оставят возможность ускользнуть.

Хотя надежды на это маловато, ведь шум нарастает и за спиной. Те самые, еще ни разу не показавшиеся машины, подключились к преследованию. Должно быть, у дельтапланериста есть рация, и он их наводит.

Впереди на траве что-то белело во множестве мест, ничего подобного Трэш до сего момента здесь не замечал, и потому подобрался, изготавливаясь к новым напастям. Но это оказались всего лишь кости коров и телят, они почему-то дружно умерли на пастбище, или их останки зачем-то сюда привезли. Последняя версия вызывает сомнения, потому что, в таком случае, разбрасывать их по округе нет никакого смысла, но картина именно такова - разбросали.

За спиной, в направлении ни разу не увиденных машин, загрохотали пулеметные очереди. Слишком далеко, чтобы испугать, явно не по Трэшу отрабатывают, но все равно напрягло.

Чего это они расшумелись? От нетерпения в воздух палят?

Все, он почти добежал, вот-вот, и долгожданный овраг.

Лишь бы только он оказался таким же заросшим, как и первый, все прочие варианты приведут к быстрой гибели.

Выскочив на край, Трэш настолько удивился и был сбит с толку, что даже остановился, не понимая, что же делать дальше. А все потому, что вместо оврага перед ним открылось нечто другое - река.

Широченная, не меньше пары сотен метров, если верить единственному болезненно слезящемуся глазу. Течет меж возвышенных,

местами обрывистых берегов, причем правый, тот, на котором сейчас стоит Трэш, лысый, а вот левый порос густым молодым сосняком, где дельтаплану придется худо. Там тяжело будет наблюдать за землей, а машинам вообще делать нечего, не проедут.

Контраст между берегами разительный, складывается впечатление, будто они принадлежат разным планетам, или, как минимум, местностям. Выжженная летним зноем степь и сочно-зеленый сосновый бор - какое-то странное соседство, нестандартное.

Как же сильно хочется там оказаться...

Трэш понятия не имел, почему он хорошо ориентируется в некоторых далеко не очевидных вещах: в названиях боевых машин; в калибрах вооружения и принципах его действия; прекрасно понимает язык мучителей и определяет совсем уж скрытые от взора детали. Вспомнить хотя бы монитор, на который, по мнению Трэша, таращился господин Грин из совета директоров. Пустяк?

Если бы...

Ведь Трэш никогда не видел такие мониторы, но почему-то знает об их существовании, знает как они работают, знает даже то, что у них бывает высокое разрешение, и оно улучшает качество изображения. Он знает множество разнообразных мелочей, но не знает самое главное: кто он такой, откуда взялся, почему все эти люди так бессердечно к нему относятся?

Хотя, похоже, они и друг друга не очень-то любят. Вспомнить женское тело, которое зачем-то подтащили к его клетке, а затем поспешно уволокли, после недовольных высказываний безымянного капитана в маске с фильтром.

Это тело было выпотрошенным, с ввалившейся брюшиной и грудью. Должно быть, женщину пытали так же изощренно, как и Трэша.

Но вряд ли настолько же долго.

Люди слабы, до него им далеко. Но, возможно, в голове у них больше порядка. Потому как, знание о себе - не единственное, чего ему остро не хватает. Трэш многое не знает, важного и не очень, в том числе не знает ответ на простейший вопрос - умеет ли он плавать.

Без этого ответа бросаться в широкую реку не хотелось.

Повернул голову вправо, затем влево, увидел там дорогу, выходившую из балки. Далее она никуда не сворачивала, протягивалась прямиком к реке. Точнее - к переброшенному через нее мосту.

Мост выглядел так же чужеродно, как и лес на другом берегу. Слишком широкий, красивый в своей подчеркнуто-голой

функциональности. Гора железа на него израсходовали, выглядит новехоньким. Но, при этом, его первый пролет чуть искривлен, его оконечность неловко упирается в береговой откос, дальше тянется полоска скучной травы шириной около метра, и лишь потом начинается дорога. Дорога невзрачная, грунтовая, с лужами, подсохшей грязью и глубокими колеями, ради такой никто не станет возводить столь серьезную переправу.

Но дело даже не в разнице качества, а в той самой полоске травы. Это что получается? Машины, доеzzя до нее, перепрыгивают и летят до самого моста? Или останавливаются и сдают назад? Как такое может быть?!

И сама полоска выглядит чужой. Начать с того, что это вообще не полоска, это клин, или, скорее - сильно вытянутый треугольник, острой вершиной вбитый между мостом и дорогой. С высоты прекрасно видно, как он расширяется дальше, зелень на нем не похожа на степную, насыщенно-зеленым цветом даже вдалеке от степного фона отличается.

Складывается впечатление, что река с мостом и лесом за ней, пустошь с грунтовой дорогой и этот зеленый треугольник являются тщательно сшитыми лоскутами. Вот, по шву даже оползень случился, береговой откос частично обрушился, частично наклонился, огромная трещина зияет.

Все это Трэш обдумывал уже на ходу. Наверху он и секунды не постоял, некогда время терять на любование необычными пейзажами. Мост - его шанс, ведь благодаря ему лезть в воду не придется. Как-нибудь в другой раз выяснит, хороший ли он пловец, а сегодня нет настроения экспериментировать.

Выжить получится лишь в одном случае - если Трэш доберется до леса и оторвется там от погони. Потом надо будет что-то сделать со своими ранами, катастрофическое ухудшение самочувствия тревожило куда больше, чем боль. Боль можно просто стерпеть, спасибо "добрым" людям, у него это уже начало входить в привычку, а вот отказывающие ноги с онемевшими ступнями, горящая огнем и негнущаяся спина, кровь и омерзительная пена, продолжавшие сочиться из ран - пугали и наводили на мысли похоронной тематики.

Метров триста до моста, еще столько же по нему, а там шагов сто, ну может сто пятьдесят, и можно будет показать дельтаплану неприличный жест.

Ерундовое расстояние в сравнении с уже пройденным, но истерзанное тело очень некстати начало капризничать конкретно. Ноги заплетались так, что Трэш то падал, то на четвереньки припадал, то кубарем скатывался с крутых участков склона. Зрение меркло, по-настоящему оно работало

отдельными проблесками, слух перестал выдавать информацию о машинах преследователей, к горлу подкатил тошнотворный ком, мешая дышать.

Пытаясь заставить работать легкие, Трэш начал надсадно кашлять кровью. В этот момент зрение, в очередной раз, прояснилось, он увидел, что дельтаплан обнаглел через край, приблизился. Похоже, наблюдатель решил, что добыча находится при смерти.

Получается, даже с воздуха заметно, что дела плохи.

Чтобы попытаться хотя бы себе доказать обратное, Трэш ухватил подвернувшийся под руку окатанный камень размером чуть побольше кирпича и метнул его в дельтаплан. Разумеется, промазал, но наблюдатель отлетел чуть подальше, струсили.

Вот то-то.

Последний участок склона Трэш преодолел кувырком, даже не пытаясь зацепиться за сминаемые его телом кусты. Ноги подвели, катился до самого подножия. Решил, что так и быть, проще подчиниться гравитации, чем с ней бороться, ведь она каждый раз побеждает.

Остановился резко, приложившись плечом о стоящую на грунтовке машину. Удар вышел таким, что легковушка сдвинулась на пару метров, а Трэш зарылся головой в грязь. Подняв лицо, сплюнул попавшую в рот жижу, продрал глаз, увидел, что на него в упор таращится проломленный человеческий череп, окруженный россыпью на совесть изгрызенных костей.

Картина чужой смерти настроение Трэшу не испортила, ведь оно и так хуже некуда, а вот то, что ноги отказались поднимать тело, напрягло, заставило извиваться в грязи, стучать кулаками по коленям и бедрам в попытках заставить мускулатуру прийти в себя.

Ничего не получалось, и даже хуже того, чем больше Трэш сутился, тем хуже ему становилось. То и дело накатывало так, что он терялся в пространстве, заваливался, не в силах осознать, где находится земля, а где небо. Предательская слабость, навалившись так некстати, грозила сорвать столь простой и обнадеживающий план. Дошло до того, что голову начали покидать связные мысли, Трэш бездумно ворочался в грязи, урчал, стонал и жалко скулил.

Но нет, одна мысль все же зацепилась за угасающий мозг - отсюда надо сваливать. Как угодно, но надо. Или его кости останутся лежать здесь, вперемешку с человеческими.

Даже мертвый он не желает иметь ничего общего с этими омерзительными созданиями.

Натерпелся от них при жизни, с него хватит.

Трэш пополз.

На одних лишь руках, почти ничего не видя и не слыша, не обращая внимание на то, что мотодельтаплан опять обнаглел, летает, чуть не задевая голову. Трэш вонзал в грязь когти правой руки, подтягивал тело, помогая непослушными ногами, после чего повторял все заново.

И так раз за разом. Рыча, хрипя, кашляя кровью, но он упрямо продвигался к мосту, уже почти забыв, зачем ему это надо.

Грязь сменилась той самой полоской твердой земли, поросшей сочной травой, затем ползти стало тяжелее, потянулось покрытие моста. Слишком твердое, у Трэша не хватало сил вбивать в него кинжалы когтей, он лишь царапины наносил, да и рука тоже грозилась отняться, если ей немедленно не предоставят отдыха.

Это плохо, ведь левая ни на что не годится, ползти с ее помощью не получится.

Положение безвыходное, пришлось остановиться, уткнуться лицом в мостовое покрытие, уставиться вдаль, почти ничего не видя. Лишь синева небес и что-то зеленое под ними, вот и все, что смог разглядеть глаз.

Зеленое - именно туда Трэшу и надо. Там лес, там спасение.

Здравая мысль, рожденная после жалкой минутки отдыха, заставила Трэша встрепенуться, на миг стать, если не таким, каким он вырвался из клетки, то, хотя бы, не совсем уж печальной развалиной.

Уши заработали. Заработали плохо, не сравнить с тем, что было, но этого хватило, чтобы расслышать главное.

Шум машин. Даже не шум, почти рев, они уже подъезжают. И подъезжают не торопясь, люди знают, что погоня окончена, израненная дичь выбилась из сил.

Глядишь, еще и на камеру убийство чудовища заснимут, наверстают упущенное в карьере.

- Хрен вам, а не кино! - сквозь зубы выдавил Трэш.

Разумеется, ничего кроме урчания из глотки не вырвалось, но важен сам принцип - он сказал то, что требовалось сказать, после чего, рыча, начал перекатываться с боку на бок, успев разглядеть, что с левой стороны до края моста немного ближе.

Уткнувшись в преграду, он вновь потерял способность видеть, начал шарить руками вслепую и пытаться хоть как-нибудь помочь одеревенелыми ногами. Это помогло, Трэш, сам себя удивив, ухитрился перевалиться через ограждение, зависнув на нем в неустойчивом равновесии - сейчас или назад упадет, или вперед. Силы иссякли до последней капли, ничего не может сделать.

Решение остается за гравитацией.

Однако нет, за нее решили люди - завидев, что дичь уходит, они открыли огонь. Тяжелая пуля ударила Трэша в плечо. От сильнейшего толчка тело дернулось вперед, и, поймав еще одну пулью, уже в бедро, полетело навстречу речным водам.

Глава 6

Хотя слух после очередного кратковременного отдыха частично восстановился, Трэш не смог определить, сколько именно машин понеехало на мост. Складывалось впечатление, что он забит транспортом по всей его протяженности: и грузовым, и легковым, и вообще, непонятным.

У Трэша не было возможности изначально следить за собиравшимися здесь людьми, потому что, рухнув в воду, он на некоторое время выпал из реальности и не слышал, как, кто и откуда приехал.

Придя в себя, обнаружил, что, подвело его лишь сознание, а не тело. Оно, даже будучи неуправляемым, ухватилось за обрывок по предела ржавого тонкого троса, свисавшего с опоры моста, и поэтому Трэш не отправился на дно.

А ведь он и правда мог быстро утонуть, его туша отказывалась держаться на поверхности, ее упорно тянуло вниз. Не сказать, чтобы сильно, но ощутимо. Если отпустит трос и не станет барабататься, уйдет под воду с хорошей скоростью.

И как тогда отсюда выбираться? Трэш так и не выяснил, насколько он хороший или плохой пловец, но при этом, пока полз, ухитрился добраться чуть ли не до середины моста. То есть, до суши далековато.

Но это так - теоретические рассуждения, ни о какой попытке добраться до одного из берегов пока что не может быть и речи. Мост плотно забит машинами и людьми, сомнительно, что они не обратят внимание на заплыв чудовища, который будет происходить под их ногами. Придется подождать, не вечно же они собрались его караулить.

Трэш болтался, вцепившись в трос и держа над водой лишь часть головы. На макушку он, для маскировки, набросал водорослей, которых много росло на опоре. Теперь, если не шевелиться, издали могут принять за мокрую корягу. Мелкие рыбки его совершенно не боялись, доверчиво лезли к многочисленным ранам, их привлекала сочащаяся кровь, окружившие его стайки усиливали сходство с безобидным объектом. К тому же, он держался под центром широкого моста, чтобы разглядеть его сверху, придется опасно свеситься, похоже, никто до этого не додумался.

Почти не прилагая усилий к тому, чтобы не утонуть, Трэш потихоньку отдыхал. У него почти на всю мощность заработало зрение, вода приятно

охлаждала раны, но и создавала проблемы - уж очень сильно охлаждала. Он начинает замерзать, со временем это грозит вылиться в новую проблему.

Как будто ему старых не хватает.

Слух восстанавливался не спеша, но верно, и вскоре настал момент, когда Трэш начал до последнего слова понимать, о чем говорят люди над его головой:

- ...реально полтинник дают за такое?

- Реально. Можешь нырнуть и подцепить тушу, неплохо подогреешься.

- Да имел я ввиду, в эту реку лезть.

- А что так?

- Крокодилы там.

- Брехня, откуда на таких кластерах крокодилы.

- А я откуда знаю? С зоопарка сбежали, или из Африки приплыли.

Мало ли. Годя сам их видел.

- И ты ему веришь?

- Да он же тупой, врать не умеет. Сам погляди, какая толпа, и никто нырять не торопится. Боятся.

- С этого моста "БелАЗ" черных навернулся, ушел под воду целиком, будто и не было его. Глубоко тут, водолазов ждать надо.

- И где же водолазов найдут?

- А это уже не твоя забота, и не моя.

- Щегол как-то крутиться будет?

- Подготовка клиента на нем висела, а он почти все на Мазая спихнул.

Вот ему теперь и крутиться по этой теме.

- Он вчера чуть ли не с утра до вечера под спеком проторчал. Вмазался, и вперед, глаза никакие, всякую ересь нес. Потом к Бобру пристал, мол, свари ему компот из арбуза и соленых огурцов. Все дела бросай и срочно вари. Хуже дурака, честное слово, мозги конкретно набекрень.

- А то я не знаю? Он каждый день на спеке, торчок конкретный. Как его на такой должности терпят, не понимаю.

- Он на фильтрации рулит, на нем, считай, все висит, тянет легко. Там никто долго не задерживался, собачья работа. Он первый такой.

- Ну так это ему Улей подарил, повезло просто. За одно везение, получается, и не трогают.

- Еще как трогают.

- Не помню я такого.

- Ты тут и полгода не просидел, не знаешь, что до тебя было. Ему за

разные косяки Мичман яйца отрезал и в термосе отправил.

- Да ты что?!

- Так оно и было, любого из старииков спроси, если не веришь. И сказал, что будет резать их и дальше по мере роста, если косячить продолжит. Если сегодняшнее до Мичмана дойдет (а оно дойдет), опять Щеглу фальцетом петь придется.

- Нормальные такие у Мичмана порядки...

- Мичман - человек-скала, свой в доску. Не будет косяков, он тебя со всех сторон прикроет, живи, как в танке. Так что, на него бочку катить не надо, на нем все держится.

- Да я и не качу. Слушай, а кто, вообще, тему с водолазом замутил? Зачем нужна эта дохлятина, в ней же, говорят, ничего нет, пусто. Полтинник споранами за кучу мяса - как-то это не по-людски.

- А ты видал, как петухи заволновались? Дрон запустили, вниз по течению ищут, нашим у них доверия нет. Какая-то крутая шишка в обиженных оказалась.

- А чего так?

- Да еще одного жирного вывезли пульнуть из пушки по живой мишени, а мишень навешала всем и в степь подалась. Тот обделался, небось, по самые плечи, пока эта туша над его головой броню гнула. Для петухов теперь вопрос принципа. Я слышал, как их капитан отчитывал, орал, что если еще раз кто-то дурака включит, лично маску сорвет. Им клиент для какой-то отчетности нужен.

- А что там за косяк был?

- Я не видел, но сам посуди, как почти дохлая туша покалечила им два броневика? Это реально косяк.

- И долго нам тут еще торчать? Что, и в натуре водолаза ждать будем? Прапор это серьезно сказал?

- Можешь сам понырять. Вперед, за это удовольствие еще и конкретное лавэ отсыпают: река большая, вода мутная, наплаваешься, почти как на Канараках. А это еще что за... Мент, это что там такое?!

- Твою же мать, не было печали... Похоже, Плотинный перезагрузился.

- Не понял?! Что за Плотинный?!

- Сейчас узнаешь...

Трэш, жадно подслушивая беседу стоявших на краю моста людей, был всецело поглощен горестными мыслями, связанными с осознанием крайне печального факта - никто не намеревается уезжать, все собравшиеся ждут водолаза, который займется обыском дна в поисках туши чудовища. Даже мертвому не собираются давать покой, вот ведь пристали... Естественно,

это грозит нешуточными неприятностями, и голова занята обдумыванием перспектив их избежать.

Поэтому, Трэш не сразу понял, что насторожило говоривших. Даже на себя нагретил, решил, что его маскировка не сработала, заметили каким-то образом. Несмотря на крайне скверное состояние, нашлись силы ощутить что-то, весьма бледно походившее на приступ ярости. Все, на что его хватило - сорвал с себя комок мокрых водорослей, злобно отшвырнул в сторону, распугав резким движением сновавшихся вокруг рыбок. При этом крики наверху усилились, но их тональность и содержание слегка озадачивали, складывалось впечатление, что причина шума не в обнаруженному беглецу, людей переполошило что-то другое.

А нет, вот прокричали конкретно в адрес Трэша:

- Я засек! Засек его! Элита здесь! Под мостом! Клиент под мостом, живой!

Странно, но при этом ни с одной из сторон никто не выглядел. Это как-то же его могли заметить, если не видят? И что за шум нарастает? Странный, рокочущий гул, угрожающий, усиливающийся синхронно с воплями людей на мосту. Похоже, он напрягает их гораздо больше, чем обнаружение Трэша.

Повернувшись в сторону источника непонятного звука, только и успел выдохнуть:

- Ну за что мне все это!

Естественно, изо рта вырвалось лишь невнятное урчание. Ну да какая разница, ведь за поднявшимся шумом все равно тяжело расслышать.

А через секунду тяжело превратилось в невозможное, - высоченная пенная волна, невесть откуда взявшаяся на спокойной реке, врезалась в Трэша всей своей массой. Он только и успел, что предположить катастрофическое разрушение высоченной дамбы, удерживавшей воды огромного водохранилища где-то выше по течению, а дальше связные мысли поспешно покинули голову, - удар вышел настолько мощным, что ржавый и тонкий трос не выдержал, лопнул, как лопается перетянутая гитарная струна.

Трэш и моргнуть не успел, пробкой вылетел из-под моста на гребне пенного потока, изо всех сил молотя в полторы руки, неуклюже барахтаясь, даже зубами пытаясь вцепиться в воду, не позволить затянуть себя на дно. То, что это не случилось сразу, можно объяснить лишь чудом, пловец из него и правда не ахти, если не сказать хуже.

Но уже через несколько секунд пришлось изменить свое мнение, пережив самое трудное - первый удар непонятно откуда взявшегося

разлива. Дальше Трэш оседдал волну и держался на поверхности очень даже уверенно, несмотря на проблемы с физическим состоянием. По сути, одной рукой работал, остальные конечности, скорее, имитировали деятельность, чем помогали. Время от времени, правда, зарывался в воду с головой, но всякий раз выныривал без чрезмерных трудностей.

В одном из завихрений тело Трэша перевернуло на спину. Выгнувшись, он сумел разглядеть быстро удаляющийся мост и заметил вспышки выстрелов на нем - люди, стоявшие у перил, палили ему вслед безо всякого успеха, в этом буйстве стихии невозможно определить, куда прилетают пули.

Их слабое оружие не страшило, куда больше беспокоила техника. Но тут на стороне Трэша сыграли конструктивные особенности моста - машины не смогли приблизиться к краю, к тому же им мешало высокое заграждение, обзор заслоняло. Преследователи это понимали, по обеим сторонам просматривалось движение, транспорт поспешно выбирался на сушу, откуда и видимость хорошая, и погоню устроить можно.

Вновь перевернувшись, Трэш злорадно осклабился - река делала поворот, на таком течении он уже через четверть минуты окажется в безопасности. В спину ударило что-то увесистое, но не слишком опасное, броня пусть и отреагировала болезненно, но выдержала. Это оказалось первым и последним попаданием - тело едва не встряло в береговой обрыв, а затем его потащило вдвое быстрее, буквально выдергивая из-под обстрела.

Но не успев обрадоваться, пошел ко дну. Конкретно пошел, угодив в водоворот, из которого вряд ли смог бы выскочить, даже работая четырьмя полноценными функционирующими конечностями. Неистово барахтаясь, он погружался все глубже и глубже. Легкие жгло огнем, в ушах нарастала режущая боль, титаническими усилиями сдерживал желание разинуть пасть и залиться по самые брови, захлебнуться, отдохнуть, наконец.

Ноги ударились о дно и безвольно подогнулись, Трэша куда-то продолжало тащить, причем быстро. С силой приложившись головой о корягу, он каким-то невероятным образом успел от нее оттолкнуться рукой, после чего случилось чудо - его понесло к светлеющей поверхности с прежней стремительностью.

Высунувшись из воды, Трэш сделал столь рокочущие звучный вдох, что ласточки, испуганно мечущиеся перед своими затапливаемыми норками, начали верещать вдвое сильнее. Шумно простища легкие, обернулся, убедился, что обрыв, в омут под которым его только что затянуло, остался позади. Ни моста не видать, ни людей, не машин, -оторвался. Но

расслабляться рано, преследователи вряд ли сдадутся настолько легко, непременно попробуют догнать. Надо до последнего использовать эту непонятно откуда взявшуюся волну, пусть унесет, как можно дальше.

Преследовали напомнили о себе тут же. Ласточки, продолжавшиеся в панике носиться во всех направлениях, вдруг дружно метнулись врассыпную. Трэш, задрав голову, увидел стремительный ажурный летательный аппарат, жужжащий парой хитроумно скомпонованных моторов. Похож на самолет странноватой конструкции и слишком мал, чтобы на него поместился хотя бы один пилот, даже если он будет совсем уж рекордным карликом.

А еще Трэш разглядел знакомую эмблему - ту самую птицу с длинной шеей и непомерно огромной головой. И разговор, подслушанный под мостом, вспомнил.

Очень может быть, что над головой кружит упомянутый невидимыми собеседниками дрон, а его хозяев из-за эмблемы принято называть петухами.

Разглядывая небеса, Трэш отвлекся от куда более важных вещей, и взбесившаяся река его тут же наказала - жестко приложила об коряжник. Тяжелое тело легко разметало завал, рука успела ухватить увесистое корневище, после чего злобно швырнула его в противно жужжащий самолетик. Промах, но, честно говоря, бросок вышел неплохой, чуть-чуть не достало.

Похоже, у Трэша открылся талант метко бросать предметы, в того автомата на выезде из карьера он тоже попал уверенно, несмотря на крайне скверное самочувствие в тот момент. Да и отсутствие одного глаза не могло не сказываться.

Воодушевившись открытием, Трэш начал сознательно отламывать палки от всех встречающихся по пути коряг, одну за другой отправляя их в направлении дрона. Поначалу очень даже метко получалось, как минимум, пару раз почти попал, самую малость разминулись. Но, чем дальше, тем хуже становились результаты, рука, и без того работавшая вполсилы, сдавалась все больше и больше, что сказывалось и на качестве заплыва - голова то и дело погружалась, приходилось постоянно глотать мутную воду, при полном отсутствии жажды.

А еще Трэш замерз не на шутку, у него даже зубы начали постукивать. Похоже, его тело не приспособлено к подобным испытаниям, очень хотелось выбраться на берег и больше никогда не забираться в воду.

Нельзя, где-то позади по обеим берегам мчатся машины преследователей, и спасти Трэша может лишь скорость волны.

Которая, кстати, очень сильно сдала и вот-вот сойдет на нет. Фактически - уже почти сошла, но осталось чуть усилившееся течение, оно продолжает тащить беглеца.

Зрение вновь начало работать с перебоями. Тут и потеря крови с опасными ранениями, и ожоги по всему телу, и изнуряющий холод - все сразу навалилось.

А еще в голове настойчиво билась странная, будто навязанная извне мысль. Она требовала, уговаривала, настаивала немедленно насытиться, в противном случае угрожая самыми негативными последствиями.

И этой мысли Трэш почему-то верил абсолютно.

Глаз отказал в очередной раз, и это было очень серьезно. Пришлось вслепую барахтаться не меньше минуты. Ноги задели за твердое, а затем и руки. Трэш встал на колени, попытался на ощупь сориентироваться, но ничего не получилось, он не понял, куда попал - отмель это, или один из берегов. Но одно очевидно - надо сматываться отсюда, как можно быстрее, покуда из гранатомета в спину не подтолкнули.

Ну почему же ему так плохо? Почему не возвращается зрение, почему желудок выворачивает наизнанку? Трэш обессилено полз по мелководью, его живот то и дело скручивало, прямо на ходу приходилось извергать из себя выпитую перед этим речную воду.

Даже после того, как его обстреляли из огнемета, он ощущал себя получше. Неужели и правда придется умереть непонятно где?

Зрение смилиостивилось, когда дно ушло из под рук и ног. Трэш вновь поплыл. Увидел, что его и правда занесло под самый берег, течение здесь слабое, надо бы чуть в сторону уйти, там быстрее понесет.

Метрах в трех впереди и левее в воду упало что-то стремительное, молниеносное, глаз успел заметить лишь длинный цилиндрический хвостовик с пластинами стабилизаторов, приделанный к чему-то основательному. Определенно - какой-то непростой снаряд, но почему-то лишь грандиозный всплеск устроил, не взорвался.

Обернувшись на увесистый звук выстрела, Трэш увидел, что на мысе, вдающимся в реку за странно-черным обрывом, стоит приземистая бронемашина с кургузым орудием. На ее башне в этот миг расцвел огненный цветок - заработал спаренный с пушкой пулемет, от него потянулись трассеры.

Нырнув, Трэш, сколько смог, держался под водой, затем приподнялся всего лишь на несколько секунд, чуть отдышаться. Этого времени хватило, чтобы преследователи еще раз выстрелили из пушки, с тем же результатом - снаряд упал со зреющим всплеском, но без взрыва.

Зато пулемет Трэша достал - стукнуло в спину, когда нырнул во второй раз. Ерунда, скорее пощекотало, чем всерьез ударило. Толща воды смягчила последствия, или оружие не из опасных - неизвестно, но все равно держался под водой до последнего.

Еще четыре раза пришлось изображать из себя аквалангиста, а затем зрение вновь отказалось, Трэша понесло вслепую. Одно хорошо - мыс, на котором устроилась бронемашина, к тому моменту остался позади, и обстрел прекратился.

Холодно, тошно и больно, ничего не видно, да еще и правая рука отказывает. От левой и раньше толку не было, а сейчас, вообще, будто чужая стала. Только и получалось, что удерживаться на поверхности, благо, тело не настолько уж свинцово-тяжелое, как казалось поначалу.

Течение в очередной раз вынесло на мель. Неуклюже по ней пробираясь, Трэш начал различать проблески света - зрение просыпалось. Складывалось впечатление, что оно категорически отказывается работать в воде, ведь стоит только ощутить твердь, почти мгновенно начинает подавать признаки жизни. Может, всего лишь, совпадение, но лезть в реку хочется все меньше и меньше.

Перед глазами прилично прояснилось, Трэш разглядел, что его прибило к берегу. Обрыв остался позади, здесь вздымался песчаный подъем, над ним нависали кроны склонившихся к воде сосен.

Но не это бросалось в глаза. Первое, на что пришлось обратить внимание - это на цвет. Коряги на берегу, редкие стебли тростника, песок и сосны наверху - все было угольно-черным, поблескивающим, неживым и не настоящим. Антрацитовые копии реальных объектов, ничем иным это являться не могло. Единственно диссонирующее с фоном пятно виднелось метрах в пятидесяти правее - там на склоне лежал дрон, на вид неповрежденный, только один винт отсутствовал. Возможно, отломился при посадке.

Неужели Трэш сумел его сбить? Сомнительно, он ведь ни разу не попал. И почему бронетехника преследователей остановилась? Не может проехать через лес?

Воспоминание, за которое, как и за все прочие, не получилось ухватиться, подсказало, что техника в такое место не полезет. Пусть воспоминание выглядело неправдоподобным, однако, Трэш ему поверил.

Как верил в другие подсказки, то и дело порождаемые его сознанием.

Итак, он жив, он оторвался от погони и забрался в неприятное место, где его непрерывно тошнит, и откуда хочется умчаться, сломя голову.

А еще ему надо поесть, причем срочно.

Пошатываясь, приподнялся, на нетвердых ногах просеменил до уреза воды, ухватился за метелку тростника, и с удивлением увидел, как та рассыпалась в черную блестящую пыль, опавшую на того же цвета песок.

Тоскливо осмотревшись, Трэш, угрюмо произнес:

- Перспективы обеда не радуют.

Их глотки, как обычно, не вырвалось ничего, кроме бессмысленного урчания. Ну да какая разница, все равно слушателей здесь нет.

Надо отсюда уходить. Быстрее уходить. Что-то подсказывает - задержавшись, рискуешь стать черным и блестящим.

И неживым.

Глава 7

Трэш, шагая по земле, захваченной блестящим углем, давно уже потерял счет времени. Иногда ему казалось, что он бредет сутки, а то и больше. В такие моменты он спохватывался, обессилено поднимал голову, слезящимся глазом выискивал солнечный диск. Тот далеко не всегда проглядывал сквозь сплошную облачность, доходило до почти полной уверенности, что наступила ночь, а хорошую видимость можно легко объяснить окончательно взбесившимся зрением.

Оно, кстати, стало вести себя предсказуемее, чем на реке. Если и отказывало полностью, то на считанные секунды. Но значительно ухудшилось, предметы, отстоявшие на какие-то полсотни метров, выглядели размытыми, а то, что располагалось на вдвое большей дистанции, вообще не определялось.

Сплошная бесформенная чернота, давящая со всех сторон. Даже взгляд не может через нее проникнуть.

Из антрацитового мрака проявились заросли кустов, за ними, вроде как, светлеет. Похоже, лес из черных сосен заканчивается.

Так и оказалось, Трэш вышел на опушку и не сразу сумел определить, что за местность простирается дальше. Ровное чистое поле, на котором аккуратными рядками расставлены странного вида круглые предметы неизменно-черного цвета. При такой окраске они выглядели настолько необычно, что не сразу получилось опознать в них самые обыкновенные капустные кочаны.

Невозможно представить, что же случилось с этой землей. Как самые обыкновенные овощи, изначально, вне всякого сомнения, зеленые, превратились в такое...

Но Трэш не сильно забивал голову подобными вопросами, его куда больше заинтересовала возможность проверить черные кочаны на предмет съедобности. А ну как они не целиком такие, вдруг, сердцевина сохранила питательные свойства? Присев, он стукнул когтем по одному, затем по второму и третьему. Во всех случаях результат оказался плачевно-одинаковым, - капуста разлеталась в черную пыль и поблескивающие угольные обломки. Желание попробовать их на вкус не возникло.

Да и аппетит, если честно, куда-то запропастился. Трэшу приходилось заставлять себя думать о еде, он просто знал, что ему очень срочно нужно

перекусить и желательно, досыта. Но он не понимал, каким образом это осуществит, даже если сумеет отыскать пищу в настолько унылобесперспективном месте. Дело в том, что мертвый мир угнетал не только зрение, но и все остальное: желудок взбунтовался не на шутку; периодически наваливающиеся приступы тошноты заставляли рвать воздухом; в брюхе ничего больше не осталось, если не считать свисавших в моменты слабости жгутов тягучей слизи. Рот по запаху стремился уподобиться деревенскому нужнику, не вызывало сомнений, что попытка проглотить, хотя бы, маленький кусочек неважно чего, вызовет столь серьезный спазм, что придется, как следует, на черной земле поваляться, неприглядно пуская слюни и бессильно урча.

Кстати, о поваляться - это ведь не обязательно, можно просто сидеть и ничего не делать, уставившись в одну точку. Это ведь так приятно, это тепло и расслабленность, это успокаивает, отгоняет мрачные мысли. И даже черное окружение уже не кажется настолько пугающим, как поначалу, когда у Трэша сердце высакивало из груди на каждом шаге.

Здесь хорошо, здесь невыносимо хорошо, здесь есть то, что ему надо больше всего... На черной земле можно сидеть долго, очень долго, хоть целую вечность...

Да, правильно, вечность, это ведь так здорово, так прекрасно, а стать частью мира поблескивающего мрака - это то, ради чего стоило пойти на все эти мучения, на отчаянный рывок к свободе, на кровь свою и чужую, на пожирающий тебя огонь, на крики ярости и боли, невольно рвавшиеся из груди. Теперь все это осталось далеко позади, он нашел то, что искал... он нашел вечность...

Трэш встрепенулся, стряхивая с себя то, что ему гипнотически нашептывала мертвая земля, взревел смертельно раненым зверем, замахал обеими лапами, разнося в труху антрацитовую капусту. Даже левая при этом слушалась, чуть ли не прекрасно, настолько сильно ее пробрало.

Поднявшись, он начал озираться с паникой, с яростью и тоской, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в тесно обступившей его тьме. Не для того Трэш выскочил из западни карьера, чтобы оставаться здесь навечно. Нет, он обязательно выберется, он ни за что не сдастся, это не его путь.

Каков его путь, он пока что не представлял, зато точно знал, - конечная остановка может оказаться, где угодно, но только не здесь.

Зрение прояснилось, всего на несколько секунд оно почти пришло в норму и вернулось в прежнее состояние так же быстро, еще до того, как Трэш успел хорошенько оглядеться. Кругозор начал стремительно сокращаться, дальние предметы поплыли, размазываясь в однородную

черноту. Именно в этот миг он увидел что-то чужеродное, цветом не похожее ни на сереющие небеса, ни на поглощенную углем землю.

Трэш разглядел что-то, похожее на россыпь зеленых пятнышек. Но они тут же исчезли, без остатка рассосались на фоне придинувшейся тьмы.

Были ли они вообще? Реальны, или обман зрения? Неизвестно. Есть ли у него другие варианты? Вообще ни одного.

Давя капустные кочаны, спотыкаясь и периодически падая, Трэш направился в ту сторону, где ему привиделось что-то, похожее на место, до которого еще не добрался всепоглощающий угольный мрак.

Зрение стало стремительно улучшаться на первом же шаге, сделанном по зеленой траве. Это навело Трэша на мысль, что торопиться с исследованиями местности не стоит, мало ли на кого можно нарваться вслепую. Увы, но опыт короткой сознательной жизни подсказывал, что вряд ли его где бы то ни было встретят с распостертыми объятиями. Поэтому, присев, он несколько минут ничего не предпринимал, предоставив глазу возможность прийти в себя, если такое, вообще, возможно.

Оказалось, возможно. А еще желудок перестал капризничать так же быстро. Похоже, что чернота действует подобно насосу, выкачивая саму жизнь. Лишь стоило из нее выбраться, как общее самочувствие резко пошло на поправку.

Ну да, там Трэш был почти мертвецом, а сейчас, если дело и дальше так пойдет, станет полуторупом.

Какой-никакой, а прогресс налицо.

Встав, покрутился, приподнимаясь над кустами, которые использовал в качестве укрытия. Хватило нескольких взглядов по сторонам, чтобы осознать - он снова очутился в странном месте. Не антрацитовом, что несомненный плюс, но незначительном по площади, а это плохо. Почти равносторонний треугольник гектара на полтора при самом оптимистичном подсчете. Своей зеленью и несовпадением элементов ландшафта он сильно выделяется на фоне обступающей его со всех сторон черноты и напоминает травяной клин перед злополучным мостом - такой же подчеркнуто-чужеродный. Все границы идеально ровные, углы четкие, природа так не работает, это что-то откровенно-искусственное.

Но вот трава здесь очень даже естественная, как и растительность посерьезнее. Даже птички какие-то порхают, не пересекая границы, угольная тьма им явно не по душе.

На ладонь приземлился крохотный кузнечик, расселся, будто у себя дома, уверен, что здесь он в полной безопасности. Осторожно отступив, Трэш протянул руку к мертвой земле, насекомое тут же сигануло в противоположную сторону.

Понятно, - ему там тоже не нравится.

Единственное место, где просматривались хоть какие-то перспективы найти что-то съедобное, располагалось на противоположном конце "треугольника". Там виднелись невразумительные развалины. Похоже, когда-то, очень давно, они были сооружениями далеко не капитальной постройки, поэтому рассыпались в жалкий хлам, превратились в кучи мусора, что там было изначально - понять не получалось. Если бы не поблескивающие там и сям куски стекла, их можно принять за природные образования.

Нет, здесь определенно жили люди, и они возделывали поля или, как минимум, сады. От последних сохранились фруктовые деревья и ягодные кусты. Растения выглядели плачевно: некоторые стояли засохшими, кора с них осыпалась, остальные зеленели лишь частично. Лишь громадный корявый абрикос посреди тотального увядания выглядел на шесть баллов по пятибалльной шкале. Его ветви склонились под тяжестью многочисленных ярких плодов, земля под ним была усыпана ими чуть ли не сплошным слоем.

Распугав жужжащих над лакомством мух, Трэш впервые за все время присел не с целью отдохнуть или осмотреться.

Вряд ли это можно назвать обедом, явно вечереет, так что, пускай, будет ужин. Трэш собирал прилично выглядевшие плоды с земли, один за другим отправлял их в рот, иногда сплевывая косточки, а иногда глотая вместе с ними. Когда "стол" оскудевал, следовал удар по стволу, при этом абрикос падало много, поток их начал оскудевать лишь приблизительно через час трапезы.

Да, Трэш предавался чревоугодию именно столько времени. Должно быть, он засыпал в себя несколько ведер, но насыщение не ощущал, мысли

прекратить работать челюстями не возникали. Зато начал беспокоиться - не столкнется ли с проблемами из-за такой диеты. В животе очень уж угрожающее бурчало, да и прилива сил не наблюдалось, а ведь до этого был уверен, что так и случится, стоит лишь набить брюхо.

Похоже, он жует совсем не то, что требуется.

В попытках разнообразить меню, Трэш обошел остатки одичавшего сада. От мысли заняться ягодными кустами отказался сразу. Да, там есть, что взять, но для его туши это смеютворные крохи. Несколько яблок, кисловатых и подпорченных червями, не сильно вдохновили, как и мелкие дубово-твердые груши, - им еще зреть и зреть. Сливы порадовали чуть больше, но почти сразу разочаровали: они не желали массово осыпаться при ударах по древесным стволам, а рвать их - слишком медленное и утомительное для ватных ног занятие.

Обдумывая сложившуюся ситуацию, Трэш, непонятно откуда, вспомнил, что энергетическая ценность плодов садов невелика. А раз так, ему, пожалуй, здесь не прокормиться, ведь не без причины, набив живот, он чувствует себя голодным. К тому же, в этом месте совершенно нет воды, даже крохотной лужи не нашлось, а жажда, после кисло-сладкой кормежки и предшествующим ей многочисленным приступам рвоты, разрослась ненужно. Во рту неприятно пересохло, в глазу ощущалась острые резь - слезы иссыкли.

Здесь ему не выжить, урожая абрикос и на пару дней не хватит. Плюс, отсутствие воды уже сейчас донимает и, самое главное - нет никаких перспектив. Увы, но жалкий клочок заброшенной земли не прокормит столь огромное и прожорливое существо.

Но все равно спасибо этому месту, оно, похоже, спасло, потому что панический голос, настойчиво требующий его накормить, затих. Трэшу было очень плохо, болело абсолютно все, зрение и слух работали, так себе, но он может позволить себе сделать паузу, устроить, как минимум, час-другой отдыха.

Ему очень надо, хотя бы, чуточку восстановиться, иначе далеко пройти по высасывающей жизнь черноте не получится.

Но перед тем, как позволить себе вырубиться под душистыми кустами смородины, надежно скрывавшими его тушу, Трэш обошел "треугольник" по всем его сторонам, взглядываясь вдаль, вытягиваясь при этом на цыпочках, становясь на едва заметные бугорки.

Зелень он заметил лишь в одном направлении. Ее пятно не впечатляло размерами, зато располагалось не так уж далеко. Километра четыре, может, пять или, максимум, шесть. Это даже для едва плетущегося чудовища -

терпимо. Просматривается прекрасно, потому что располагается на склоне прилично вздымающейся холмистой гряды, резко доминирующей на фоне однотипно-степного пейзажа. Ну и глаз, отдохнув на нормальной земле, стал видеть пусты и не идеально, но приемлемо.

Скоро все изменится, Трэшу вновь придется ступить на землю, где зрение работает скверно.

Как и все остальное.

До зелени он добрался уже в глубокой темноте. Трэш даже начал опасаться, что сбывается с направления, ориентир в виде двуглавой вершины холма мог затеряться во мраке.

Но нет, даже с одним глазом продолжал его видеть. Мир просто стал черно-белым, других неудобств ночь не принесла. Если вдуматься, почти все последние часы он таким и был - чернота земли и серость небес. Так что, ничего нового для Трэша в изменившемся освещении не было. Начальные проблемы с качеством картинки, на время, или постоянно, остались позади, зрение пусты и работало скверно, но дальние объекты, хоть как-то, показывало, а не размазывало до бесформенного вида.

Как он и предполагал, клочок зелени оказался совсем уж крошечным, даже меньше предыдущего. Всего лишь, узкий клин длиной меньше полутора сотен метров и шириной не больше пятнадцати в основании, от которого быстро сходил на нет, "затачиваясь" до почти игольного состояния. Со всех сторон его окружала вся та же чернота, на которой Трэш уже успел растерять немалую часть съеденных даров заброшенного сада, ведь выворачивало его по пути чуть ли не на каждом шагу.

В-общем, нечего даже думать продолжать путь. Да, он видит и во мраке, но зрение работает исключительно в черно-белом диапазоне, потому, разглядеть зеленые острова не получится, а идти наобум - слишком опасно. Трэш уверен, что дай черноте время, она сумеет заставить свою жертву остановиться, присесть и умереть.

Значит, придется дожидаться утра.

На двуглавый холм Трэш забрался перед рассветом, встретив на вершине первые лучи восходящего светила. С высоты он разглядел, что преследователи загнали его почти в сплошное царство черноты, лишь кое-где скучно расцвечено зелеными оазисами. Некоторые из них были не такими уж мелкими, не исключено, что там получится найти еду покачественнее и в куда более приличных количествах. Но такая перспектива не заинтересовала.

Потому что просматривается куда более интересный вариант, - шагать навстречу солнцу. Там, на грани возможностей барахлящего зрения, получилось разглядеть сплошную зеленую зону, такую же обширную, как окружающая Трэша область мрака. Сколько до нее километров? Десять? Двадцать? Больше? Получится ли у него столько преодолеть?

Если не переться напрямую, а спланировать путь от одного зеленого клочка до другого - должен суметь. Надо лишь разобраться в ориентирах и направлениях, ведь стоит ему спуститься, и картишка пропадет. Снизу, с равнины, он мало что сумеет разглядеть.

Но память у него хорошая, он запомнит, как и куда идти, также хорошо, как лица Мазая и прочих ненавистных ублюдков. Мысль о том, что когда-нибудь Трэш с ними встретится на своих условиях, по мотивирующему эффекту превосходила голод, жажду, боль и дикую усталость вместе взятые.

Прекрасный кнут, если надо себя подстегнуть.

Он дойдет до этой зелени и обязательно отыщет на ней полноценную еду и отдых. Ему нужно восстановиться, иначе встреча с Мазаем и остальными принесет радость только им, а не Трэшу.

Глава 8

Трэш ступил на территорию большой зелени в вечерних сумерках, и состояние его к этому моменту находилось на отметке, близкой к начальной стадии трупного окоченения. Очень уж удручающе затянулся путь по черноте, она, проклятая, все силы высосала, коих и без того имелось немного. Одно то, что последний отрезок пути он преодолевал то на четвереньках, то перекатываясь с боку на бок, указывало на проблемы, с которыми он до сей поры не сталкивался.

Один плюс, - тошнить почти перестало. Мутит слегка, но уже не выворачивает наизнанку.

Должно быть, - желудок умер.

Переборов дичайшее желание валяться на траве до утра или даже больше, Трэш приподнял голову, повел ею из стороны в сторону, пытаясь даже не разглядеть еду и воду, ведь глаз почти не работал, а хотя бы унюхать нужное. Однако, саднящий нос ощущал лишь пыльный запах мертвых земель, он был настолько въедливым, что заглушал все остальное.

Нужно удалиться от границы, может, тогда хоть что-нибудь найдется.

Дела дошли до столь плачевного состояния, что Трэш, то и дело, начинал испытывать проблемы с памятью. Нет, их до этого хватало, но затруднения не развивались настолько, чтобы, составив хоть какие-то планы, начать их забывать уже через минуту. И когда, все также, на четвереньках, выполз к ухабистой грунтовой дороге, чуть было не направился дальше, ни на что не обращая внимание. Повезло, что зрение не совсем уж отказалось и сумело достучаться до отупевшего мозга.

Он заметил кое-что важное - воду. Серия длинных луж в глубоких колдобинах, до ближайшей из них жалкие несколько метров.

Трэш пил жадно, даже не задумываясь о качестве воды, не обращая внимания на запах тины и дрянной привкус. Жажда изнурила его настолько, что он грязь готов был сосать, лишь бы в ней присутствовала хотя бы капля влаги.

Напившись, позволил себе около двух минут просидеть на четвереньках, решаясь на крайне сложное в его состоянии усилие. Но, странное дело, задуманное удалось превосходно - он поднялся на ноги с первой попытки, и, пусть при этом его сильно шатнуло, сумел устоять. Голова почти не кружилась, и даже зрение начало работать относительно

прилично, пусть взгляд фокусировался с трудом, но, при желании, разглядеть удаленные объекты получалось.

- Надо бы запомнить это место, водичка здесь волшебная, - обессилено проурчал Трэш, и, пошатываясь, направился вдоль дороги.

Вода, это, конечно, прекрасно, но ему еще и еда требуется, причем срочно. А здесь с ней никак, разве что на траву переключиться, но, несмотря на дикий голод, эта идея не вызывала энтузиазма. Нет, дело не во вкусовых качествах, просто не верилось, что таким кормом можно насытиться.

Все дороги должны куда-нибудь вести, вот и эта, петляя среди поросли молодой акации, вскоре пересеклась с другой. Тоже грунтовой, но куда более широкой, накатанной получше, и луж на ней не видно. За ней протягивалось огромное поле, усеянное подсохшими кукурузными листьями, чуть левее виднелся крохотный несжатый клочок, на нем стоял комбайн. Похоже, остановился, чуть-чуть не доделав работу.

Комбайн - это плохо. Машины принадлежат людям, а люди Трэша очень не любят. Поэтому он не стал маячить на открытом месте, засел в зарослях карликовой акации и принялся наблюдать.

Это занятие очень быстро надоело, но он не подавался давлению нетерпения, заставлял себя сидеть дальше. Минуты текли одна за другой, но по-прежнему безрезультатно - со стороны комбайна ни звука не доносилось, движение там тоже не просматривалось. Как и в других местах, куда ни посмотри, везде царят тишина и спокойствие. Лишь однажды показалось, что, где-то за полем, прогудела машина, но уверенности в этом нет, слишком далеко, да и слух работает не блестяще, доверять ему в тонких моментах нельзя.

Укрытие покинул, лишь когда мир окончательно стал черно-белым. Это должно затруднить видимость вероятным противникам, помимо этого, все тот же неведомый источник познаний, время от времени выручавший Трэша, намекнул, что ночным зрением могут похвастать далеко не все живые создания.

Комбайн встретил Трэша тишиной и смрадом разложения, источником которого являлись разбросанные там и сям кости, вперемешку с обрывками донельзя грязного тряпья. Вырванная "с мясом" дверца и разбитые стекла довершали картину, намекая на некие насилистственные действия, ставшие причиной гибели одного или нескольких человек.

Мертвецы Трэша не пугали, а вот то, что можно повторить их судьбу, пугало очень сильно, поэтому он не стал подниматься и к несжатой кукурузе добирался на корточках. В этот момент от горизонта оторвался

диск странно выглядело небесного светила - желтоватое, как начищенная латунь, в верхней части сильно затемнено, но не полностью, все еще просматривается, просто краешек диска выглядит подернутым слабо проницаемым туманом. Что-то в открывшейся картине было неправильным, но что именно, понять не получалось.

Вот неправильно, и все. Может, эта штука квадратной должна быть?

Непонятно.

Трэш и до этого видел неплохо, а сейчас качество картинки лишь чуть-чуть не дотягивало до дневной. Он с разочарованием убедился, что кукуруза слишком молодая. На многих стеблях виднелись лишь зачатки початков, на других размеры их были досадно скромными, явно незрелые и, скорее всего, бесполезные. Раньше чем через месяц урожая ждать не приходится, странно, что уборка началась так рано. Может, людям требовалось не зерно, а зеленая масса? Наверное, так и есть.

Вот только Трэш зеленью не насытится.

Но нельзя же уйти, не проверив? Очистил от листьев первый початок, Трэш увидел, что зерна присутствуют - мелкие, белые и мягкие, на вкус будто молоком пропитанные, что тут же напомнило живец Мазая.

Воспоминание о живце понравилось, ведь ему сейчас не помещает взбодриться, а вот что касается Мазая... Об этом изверге вспоминать не хотелось.

Трэш не меньше часа потратил на сбор, очистку и поедание молодых початков. Сомнительная и безвкусная пища, вот только нет душевных сил ее бросить. Он бы и подольше здесь задержался, проверив все до последнего початка, но небо стремительно заволокло тучами, загремело, задули порывы ураганного ветра, заставляя кукурузу гнуться, чуть ли не до земли.

А затем ударила дождь - бешеный ливень с увесистыми зернами града. Он вымочил в один миг, заставил класть зубами от холода и отказаться от мысли продолжать возню с неказистой пищей. Что-то подсказывало, - овчинка не стоит выделки, он больше потеряет энергии на поддержание температуры тела, чем получит от переваривания этой малокалорийной гадости.

Трэш попытался было укрыться в комбайне, но безуспешно, - кабина оказалась слишком крохотной, полностью такую тушу в ней не поместить. Да и ветер заносит потоки воды через разбитые стекла, поэтому обстановка лишь немногим комфортнее, чем снаружи.

Выбравшись, решительно зашагал через поле. Да, направление угрожающее, именно в том направлении, недавно проехала машина, если

уши не обманули. Но там же располагались заросли каких-то высоких деревьев, может под ними удастся укрыться, потому как холод пробирал до костей и вымораживал мозг. Наваливалась нездоровая апатия, не хотелось ни о чем думать, даже живот, набитый недозрелыми початками, отказывался бурлить, жизненные процессы будто затухали.

Непохоже, что организм впадает в спячку, чтобы потом проснуться бодреньkim. Дела явно плоховато попахивают.

Двигаться к определенной цели ночью, во время сильнейшего ливня, непросто. Причина проста - нихрена не видно. Трэш сейчас ориентировался исключительно по направлению ветра, благо, на это указывал наклон с силой лупящих дождевых струй. Если не задует с другой стороны, мимо деревьев не пройдет.

Чавкая когтистыми ступнями по раскисшей почве, Трэш, внезапно, рассыпал впереди схожие звуки. Даже неистовство бури и шум бьющей воды не помешали, посторонние шумы легко выделились из этого фона, уши временами все же начинали работать достойно.

Присев и превратившись в сплошной слух, попытался определить направление и происхождение. Похоже, впереди передвигаются один или два неизвестных существа. И они удаляются примерно в том же направлении, по которому Трэш двигался до этого момента, или забирают правее. Увы, точнее определить не получается.

Нос уловил бледный намек на тошнотворный коктейль из тухлятины и фекалий - где-то поблизости гниют кости или что-то другое, например - тела. Это насторожило еще больше - если тут умер один или несколько, то и Трэшу может достаться на орехи.

Выждав еще пару минут, он решительно развернулся градусов на сорок пять влево. Глядишь, и все же выйдет к тем деревьям, пусть и не напрямик, а к дальним. Это его вполне устраивает, ведь не придется красться вслед за непонятно кем, прошлепавшим перед ним в пропитанном ледяной водой мраке. Неизвестно, кто это и что у него на уме.

Или глаза Трэша обманули, или он все же перепутал направление, но, вместо ожидаемого густого лесного массива, вышел к жидкковатой полоске из далеко не впечатляющих деревьев. Дождь к этому моменту ничуть не поутих, нечего даже думать укрываться под такими. Ох зря он, вообще,

сюда пошел, уж лучше бы вернулся к тем акациям у первой дороги. Они пускай и мелкие, однако, толку от них, наверное, побольше.

Ну и куда дальше? Из-за ливня видимость упала до смешных значений, к тому же, Трэш уже до того закоченел, что зубы перестали стучать неумолкаемым перфоратором - челюсти промерзли полностью и вынужденно угомонились. И это не единственная проблема: зрение отказывалось выдавать четкую картинку, даже с близкими объектами беда, а слух отчетливо различал, разве что, нескончаемые раскаты грома - молнии начали бить угрожающе часто, того и гляди, влепят по макушке. Торчать в такую погоду на чистом поле, где ты - самый высокий объект, чревато.

Ни пожрать, ни согреться, еще и небесным электричеством убить может... да уж... Спасибо, что хотя бы с жаждой проблема снялась, воды у него теперь - хоть бедуинам продавай.

Кто такие бедуины? Неизвестно, из непроглядных глубин сознания уже не первый раз всплыла необъяснимая и бесполезная информация. Все, что Трэш мог сказать - эти непонятные существа, возможно, заинтересованы в поставках воды, другой информации нет.

Дальше двинулся в прежнем направлении, ведь оно ничем не хуже других, одинаково не просматривается. И уже через несколько шагов заметил изменения, главным образом, связанные с земной поверхностью. Напрягая глаза, прошел пару шагов в одну сторону, затем в другую, и понял, что полоска деревьев не просто так посажена, она протягивается вдоль широкой асфальтированной дороги.

Уйти отсюда, покуда не нашел новые приключения? Да он и так их уже нашел, что-то подсказывает, что до утра обессилеет до плачевного состояния, из инвалида превратится в полного овоща. И тогда нечего даже думать о поисках еды, что приведет к совсем уж печальному результату. Конечно, уверенности в этом нет, но проверять не хочется. Замерзающее истерзанное тело сжигает остатки скучных запасов, вот-вот и начнет пожирать само себя. А куда деваться, ведь ему приходится поддерживать высокую температуру и нормальную жизнедеятельность, под холодным проливным ливнем без калорийной пищи и серьезной одежды это невозможно. Трэш, оказывается, отвратительно переносит воду.

А это что там белеет?

Крадучись и припадая к асфальту, Трэш медленно преодолел несколько шагов и сквозь завесу дождя рассмотрел развороченный легковой автомобиль. То, что с ним приключилось, не походило на аварию: машина стояла посреди дороги, вдалеке от препятствий, причем,

развернутой боком по направлению движения; ее передняя и задняя части не выглядели сильно поврежденными, а вот крыша очень даже выглядела. Складывалось впечатление, что кто-то крайне неровно подрезал ее с трех сторон, отделив от кузова а затем потянул вверх, отогнув в сторону, открыв, таким образом, салон и устроив из седана уродливое подобие кабриолета.

Приблизившись, Трэш не удивился, почуяв запашок тухлятины. Не надо быть великим умником, чтобы догадаться - крышу срывали не просто так, а чтобы добраться до водителя с пассажирами, и вряд ли этим занимались только для того, чтобы пожелать им счастливого пути, ведь после такого, как правило, не остаются развалы гниющих костей.

До конца оторвав крышку капота, Трэш поднял ее над головой и чуть изогнулся. Получилось убогое подобие шляпы, дождь через нее не проникал. Верхняя часть тела теперь защищена, в вот с нижней все обстоит почти также плохо, как и прежде, - ветер то и дело заставлял ливневые струи двигаться чуть ли не горизонтально, прикрываться надо сразу с двух направлений, иначе без толку.

То же самое проделал с крышкой багажника, но не для улучшения "гардероба", на эту роль она подходила хуже. Просто нос подсказал, что внутри находится съестное.

Обоняние не подвело, Карат обнаружил пакет, в котором лежало две буханки хлеба. Обе засохли почти до консистенции монументального гранита и напичканы какой-то пекарской химией, из-за которой на них даже плесень жить отказывалась. Но нечего тут к мелочам придиরаться, чуть ли не с кошачьим урчанием захрустел, с потрясающей скоростью уплел обе и тщательно обыскал багажник на предмет добавки.

Ничего, увы, не нашел, зато додумался до перспективной мысли: что же такое произошло с этой машиной, и не могло ли подобное случиться с другими транспортными средствами? На первую часть вопроса ответа не было, на вторую тоже, но почему бы его не поискать.

Прикрываясь от дождя крышкой капота, Трэш, ковыляя и оступаясь на ровных местах, поплелся по дороге.

До грузовика он добрался после того, как обнаружил еще две легковые машины. Возле одной тоже благоухали человеческие останки, в ней он ничем не разжился, рядом со второй костей не оказалось, в ней нашлась

большая бутылка сладкого газированного напитка и пакет с омерзительной тухлятиной, которую пришлось отшвырнуть за обочину.

Пластиковую бутылку Трэш пробил когтем, после чего залил в распахнутую пасть содержимое. Оно, как и съеденный до этого хлеб, тоже отдавало химией. Да, гадость несусветная, но хоть какие-то калории с нее перепадут, сейчас не та ситуация, чтобы привередничать.

Фура заставила резко заволноваться, - уж очень она здоровенная, возможно, в ней полным-полно еды. Кабина ничем не порадовала, хотя в ней и попахивало съестным, но Трэш, как ни извивался в тесноте, свернув руль и выдавив стекло, обнаружить источник заманчивых ароматов не сумел и списал учужнное на застарелые, въевшиеся в обшивку запахи.

Ну да и ладно, зато в таком огромном прицепе непременно что-нибудь сыщется.

С этими мыслями Трэш когтями разделялся с замками, и распахнул двери. Внутри оказалось темновато, зрение, и без того барахлившее, окончательно стало бесполезным. Отвернувшись, убедился, что, если не считать помехи от дождевых струй, видимость приемлемая. Должно быть, глаз так скверно работает только в замкнутых помещениях или причина в чем-то другом.

Но даже с некачественной картинкой Трэш понял, что здесь полным-полно картонных ящиков: маленьких и больших, разных форм, причудливо сложенных по всей площади. И, что самое паршивое, едой в прицепе не пахло совершенно.

В ящиках обнаружились различные бесполезные предметы: сантехническое оборудование, керамическая плитка и прочее в таком духе. Сам себе не веря, Трэш разодрал десятка три, но без малейшего толка.

Полный облом.

Присев на груду рассыпавшегося из ящиков содержимого, уставился на вход с разочарованием. Но тут же голову осенила замечательная мысль, скрасившая осколки разбитых надежд.

Жаль, конечно, что она не склеила их, но хоть что-то.

Здесь ведь сухо, ни одна капля не попала, только возле входа их ветер заносит. Достаточно прикрыть двери, и можно позволить себе полноценно отдохнуть, а не бродить по дороге в поисках жалких крох, прикрываясь при этом гнутой железякой. При столь отвратительной видимости он, даже если не нарвется на неприятности, вряд ли отыщет пищу в количествах, достаточных для компенсации потерянной на ее поиски энергии, слишком уж погода неподходящая.

Итак, решено, эта машина, как минимум, на одну ночь станет

пристанищем Трэша. Очень плохо, что она не оправдала надежды разжиться едой, однако, защита от непогоды тоже дорого стоит.

Однако, с питанием надо что-то решать, причем, срочно. Диета с употреблением абрикос и недозрелых кукурузных початков быстро доконает Трэша без посторонней помощи. Внутренний голос подсказывает - полученные ранения сами по себе не залечатся, потребуются, как минимум, две полноценные вещи: продолжительный комфортный отдых и усиленное высококалорийное питание.

Этому голосу Трэш доверял безоговорочно, ведь тот его еще ни разу не подвел.

Глава 9

Проснулся от угрожающего звука - громко пророкотал автомобильный мотор. Машина, судя по звуку, тяжелая, проехала опасно близко, складывалось впечатление, что еще бы чуть-чуть и по уху чиркнула. Инстинктивно дернувшись, Трэш болезненно заурчал - резкое движение вызвало вспышку боли в простреленном боку. Тут же заныли и запекли обожженные места, стало тошно, а во рту проявилось омерзительное послевкусие, заставившее заподозрить, что всю ночь он занимался тем, что жадно грыз встреченные по пути гниющие кости, закусывая это дело отборнейшим дерьмом.

Кстати, насчет ночи - а она ведь прошла. На дворе стоит ясный день, и, судя по углу наклона солнечных лучей, пробивающихся в щелку между створками дверей и внутренним ощущениям, он даже не в разгаре, а приближается к вечеру.

Это сколько же Трэш провалился вот так, на всеми видном месте, посреди дороги, где разъезжают непонятные машины?!

Великое чудо, что его до сих пор не добили. Вот как можно пережить такие трудности и в итоге вести себя столь беспечно? Холод и усталость - не оправдание.

Глупо. Крайне глупо.

Трэш, стараясь двигаться аккуратно, дабы не выдать себя хрустом раздавливаемой сантехники, пробрался к дверям, посмотрел через щелочку между створками и не увидел за ней ничего подозрительного: ровная лента дороги уходит вдаль; те самые тополя, к которым он вышел в пропитанном водой мраке, тянутся вдоль нее одним реденьким рядком; асфальт успел просохнуть.

Да уж, и правда кучу времени потерял.

Уши, похоже, оголодали и начали капризничать, как и все остальное, поэтому работали скверно, ничего не подсказывали. Так что, Трэш не торопился выбираться, колебался. Даже начал подумывать, что лучше остаться здесь до темноты, она прикроет его рывок к лесополосе, примеченной по другую сторону от дороги. Но этот вариант не понравился, ведь кто знает, что за люди здесь разъезжают, вдруг они решат проверить фуру.

В то, что вернется водитель, после найденных ночью развороченных

автомобилей и человеческих останков не верилось совершенно. Непонятно, что здесь происходит, зато понятно, что просто так машины посреди дороги бросать не станут (а уж свои кости - тем более).

Наконец, набравшись решимости, рывком распахнул обе створки и спрыгнул на асфальт.

Пожалел об этом тут же, причем сильно. Спину при приземлении свело столь неистовой судорогой, что Трэш непроизвольно засипел, заскулил, выгнулся затылком назад, припав на колено. Выматывающий приступ, набросившийся ни с того, ни с сего, сдавал позиции неохотно, отпускал понемногу, неспешно, растягивал извращенное удовольствие, уподобившись мучителю Мазаю.

Трэш, приняв позу покалеченного морского конька, все еще продолжал постனывать, неуклюже пяться в сторону зарослей, когда до ушей донесся угрожающий звук. Резво развернулся и неприятно поразился - фуру объезжала машина: темно-синяя, легковая, низко посаженная. Водитель и пассажир таращились на возникшее перед ними чудище глазами по размерам превосходившими рекордные тыквы, а когда проскакивали мимо, чуть шеи не свернули, изворачиваясь, чтобы не потерять из виду.

Проклиная невыносимую судорогу, так некстати отключившую слух, Трэш поковылял на ватных ногах в сторону лесополосы, на ходу поскучивая от боли и, несмотря на это, с недоумением размышляя над очередной странностью.

Проехавшая машина похожа на те, которые он находил брошенными неподалеку. Ни намека на неброскую пятнистую раскраску, нет сеток на окнах, стальных пластин, шипов и прочего, чего хватало на транспорте преследователей. Те немало усилий потратили на его неказистую переделку, а здесь ощущалась первозданность замысла, а не его уродование. Пассажир и водитель одеты в легкомысленные легкие рубашки, а не камуфляж или кожу, вооружения Трэш у них не заметил, и по всем подмеченным признакам предположил, что у них его нет.

Чудные какие-то, совсем на Мазая и прочих непохожие. Может, зря он так торопится к зарослям, может, они ему не враги?

Нет, нельзя быть настолько доверчивым, ведь ситуация полностью непонятная. Уж, лучше поспешить, не стоит дожидаться, когда шкура украсится новыми отметинами, ему и старых хватает.

До поросли молодого ясения Трэш добрался вовремя - мимо, не заметив его, проехала еще одна машина, выглядевшая настолько же абсурдно-мирно на дороге, засыпанной разгромленным транспортом и человеческим останками. Он разглядел пожилую женщину на пассажирском сиденье.

Даже не понял, кто это, но внутренний голос подсказал, что до этого их не видел, мучили его исключительно мужчины.

Или видел, но забыл, с памятью у него несомненные проблемы.

Начал было думать, в какую сторону податься, но тут случилось одновременно два события: с той же стороны появилась очередная машина, такая же легкомысленная, а правее, метрах в ста, из лесополосы на дорогу выскочили два крайне странно выглядевших человека. Оружия не видно, одежда не выглядит воинственной - легкие и местами цветастые тряпки, причем сильно грязные и мятые, на одном, к тому же, ноги голые. Движения у обоих дерганные, проворно крутят головами, будто насторожившиеся птицы.

Люди мчались наперерез крохотному автомобилю, а тот, подъезжая, загудел двигателем, торопясь нарастить скорость. Трэш понял, что безобидная с виду парочка намеревается атаковать машину, и это крайне его удивило - он совершенно не понимал, что здесь происходит.

Странные люди вдруг резко остановились у обочины, обернулись в сторону лесополосы, и, потеряв всякий интерес к машине, начали вести себя столь же необъяснимо. Они будто принюхивались, то и дело скользя взглядами по кустам, за которым засел Трэш.

Молодая женщина в предельно-короткой ярко-красной юбке с уродливо свалившимися волосами вдруг замерла, протяжно, с нотками тревоги заурчала.

И тут прямо в голове послышался монотонный голос:

- *Не ешь меня. Еды много, еда близко, еда вкусная. Я невкусная, не ешь меня. Вкусную еду ешь. Вкусной еды много, ее на всех хватит.*

Пораженный до глубины души столь удивительным способом коммуникации, Трэш не удержался и произнес в ответ:

- Как ты это делаешь?!

Из глотки, естественно, не вырвалось ничего, кроме бессмысленного урчания, но женщина поняла, ответила мгновенно:

- *Что я делаю? Я иду туда, где появилась вкусная еда. Все туда идут. Приду туда и стану есть вкусную еду. Еды много, еда вкусная. Не ешь меня. Я - невкусная еда. Ешь вкусную. Много вкусной еды. Она рядом, ее много.*

- А как ты говоришь со мной?

Женщина продолжала урчать столь же бессмысленно, как и Трэш, но фразы при этом звучали вполне осмысленно, пусть и примитивно.

Вот только уши в диалоги не участвовали, это походило на прямой обмен мыслями, где урчание, всего лишь, не играющий роли фон.

- Я говорю. Я умею говорить. Я полезная, я могу сказать, где много вкусной еды. Он не может. Съешь его, не ешь меня.

Это как понимать? Неумытая дамочка предлагает Трэшу полакомиться своим спутником? Похоже на то. Да она совсем спятила, вон, даже отстранилась от него и продолжает урчать, будто заведенная:

- Совсем глупый, совсем не говорит. Есть умеет, говорить не умеет. Бесполезный. Съешь его, а я пойду дальше. Еда нужна, пойду к еде. Там ее много, там еда вкусная. Всю не съем, завтра доедать буду.

- И где же это у вас так весело? - заинтересовался Трэш.

Вопрос питания волновал его чрезвычайно.

- Там, близко. Хорошая еда, много еды.

Ответив, женщина, перестав урчать, быстрым шагом направилась по обочине в ту сторону, откуда приезжали машины. Всякий интерес к диалогу у нее улетучился, похоже, решила, что договорилась, и дальнейшее общение бессмысленно.

Ну да, так и есть. Вон, бесштанный мужчина стоит, где стоял, поглядывая на укрытие Трэша с тупой тоской обреченной жертвы. Даже не пытается убежать, помалкивает, по всему видно, что понимает - его назначили блюдом на ужин и с этим придется смириться.

На редкость покорный псих.

Мир, и без того непонятный, резко усложнился, и Трэш не понимал, к добру это, или к худу. Что делать дальше, обдумывать не стал, просто развернулся и поплелся вслед за целеустремленно вышагивающей странной женщиной.

По всему заметно, что, в отличие от Трэша, у нее имеется четкий план, и она что-то знает.

Шагать пришлось около трех километров, что для теперешнего состояния Трэша - прилично. Он быстро потерял странную женщину из виду, та, несмотря на закончившийся разговор, явно опасалась, что ее продолжают хотеть съесть. Не убежала, просто шагала быстро, резко перебирая ногами, чуть склонившись вперед и не оглядываясь.

А Трэш едва плелся, так что без шансов - продолжить беседу не получилось.

Но дальше последовали встречи со схожими людьми - одетыми, кто во

что горазд, но обязательно без камуфляжа и кожи. Все в разной степени грязные, двигались необычно, дергано, пахло от них отвратительно, будто они дружно вывалились в нечистотах. Заметив или унюхав Трэша, они с явной опаской его избегали. Поговорить удалось лишь с одним, все прочие от его урчания шарахались.

Этот, ответивший, выглядел ненормально. Одежды на нем почти не осталось, мускулатура уродливо-несимметрично деформировалась, с костным аппаратом тоже что-то неладное приключилось - плечи ненормально раздались, выдались вперед, заставляя скрючившиеся руки неприглядно свешиваться. Лицо расширилось снизу, позволяя челюстям непропорционально разрастись, кожа приобрела неприглядный желтовато-серый оттенок, стала болезненно-морщинистой. А еще на затылке у него вырос безобразный ребристый бугор, выглядевший чужеродным, будто к голове исполинская мокрица присосалась.

Собеседник оказался столь же неболтливым, как и ушедшая вперед женщина. Попытки разузнать у него суть происходящего ни к чему не привели. Увы, тот не интересовался ничем, кроме еды, и постоянно повторял, что она близко, ее много и вся она очень вкусная.

По-поводу последнего утверждения Трэш начал сомневаться уже через несколько минут после разговора, когда стал свидетелем в высшей степени омерзительного зрелища. На дороге стояла машина с распахнутыми дверцами, семь странных людей сгрудились рядом с ней вокруг двух плохо выглядевших человеческих тел.

Почему они так выглядят, вопросов не вызывало - грязные урчащие фигуры неловко елозили слишком слабыми для такого дела зубами, разгрызая кожу, вырывая клочья мяса, из прорех в брюшинах голыми руками вытаскивали требуху и тут же начинали жадно ею давиться.

Трэш начал орать на них, надвигаясь с грозным видом. Трусоватые людоеды бросились врассыпную, но далеко не ушли. А один, голый и уродливый, оказавшийся говорящим, был столь любезен, что разрешил есть сколько угодно, но попросил хоть немного оставить ему, потому как, сильно нуждается во вкусной пище.

Общаться с этим корявым страшилой Трэш не захотел, молча пошел дальше, сам не понимая, почему увиденное его так задело. Какое ему дело до этих странных людей и их вкусовых пристрастий? Не получается объяснить суть происходящего и не нравится то, чем они занимаются? Ну и что с того? Зачем вмешиваться, если это тебя не касается?

Не успел удалиться от места трапезы каннибалов, как стал свидетелем погони. Мальчишка лет двенадцати мчался со всех ног, то и дело

оглядываясь на преследователей - парочку привычно-грязных мужчин. Чуть в отдалении за ним бежали еще несколько странных людей, но они передвигались слишком медленно, некоторые то и дело переходили на шаг, не в состоянии долго поддерживать приличную скорость.

Завидев Трэша, мальчик истошно закричал, резко свернул и скрылся в зарослях лесополосы. Погоня в полном составе повторила его маневр и быстро удалилась из виду.

На дороге стало пустынно, но ненадолго - показалась очередная нестрашная машина, забитая людьми с перепуганными лицами. Причем испугались они не Трэша, а странного человека, их преследующего - голый, очень высокий, тело безобразно искорежено, кожа потемнела чуть ли не до цвета обеднённой перегноем глинистой почвы, на пятках будто подковки прибиты, очень уж громко цокает.

Проехали, едва не зацепив, а звонко бегущий тип шарахнулся в последний момент - слишком увлекся, только сейчас заметил Трэша.

Странно, но почему-то Мазай и прочие теперь представлялись другими людьми, отдельным их видом, а вот эти, раскатывающие на машинах в чистой одежде или поедаемые - явно особенные. И не факт, что они враждебно настроены по отношению к Трэшу.

Тогда, получается, существует еще и третий вид - грязные, дерганные, урчащие, иногда жутко уродливые, считающие, что сырая человечина - это вкусная еда.

Трэш так не считал. Несмотря на дикий голод и панические подсказки внутреннего голоса, то и дело утверждавшего, что если он срочно не поужинает, последствия окажутся скорыми и печальными, в мыслях не возникло желание присоединиться к трапезе каннибалов.

Но голод увы и правда силен. Вспомнив кое-что, Трэш чуть не проклял себя за вопиющую забывчивость и направился назад, вспугнув вернувшихся к своему занятию людоедов. Игнорируя нехорошо выглядевшие тела, сорвал крышку багажника, ничего там не найдя, занялся салоном. Здесь повезло чуть больше - на заднем сиденье обнаружилась коробка с небольшим кремовым тортом. Растигивая счастье, слопал его в два укуса, из вредности перевернул машину на одно из тел, тут же об этом сильно пожалев - спина на усилие отреагировала столь жестоким спазмом, что метров двести пришлось шагать вприсядку, оглашая округу тоскливым урчанием.

Жалкий торт не стоил таких мучений.

Город открылся неожиданно. Только что Трэш шагал по краю лесополосы, опасаясь выбираться на открытые места, и вдруг впереди посветлело, деревья поредели, открылось чистое пространство, за которым с одной стороны от дороги поднималась серая бетонная коробка огромного цеха, с другой тянулась стена из плит, а чуть дальше над ней возвышалась россыпь не впечатляющих промышленных сооружений, и возвышался козловой кран.

Где-то вдалеке грохнул одиночный выстрел, затем еще два. Это заставило Трэша насторожиться, замереть на краю зарослей. А вот дурно пахнущие люди, продвигающиеся в открытую по дороге, припустили еще быстрее, будто пальба являлась для них сигналом к некоторым действиям.

Может, так оно и есть, откуда ему знать.

А это еще кто такой?!

Торопящихся по дороге людоедов обогнал не то, чтобы странный тип - его вообще тяжело человеком назвать. Лысое, стремительное, неестественно сгорблленное создание с пастью чуть ли не от ушей на деформированном капустном кочане, вместо головы. Чудище какое-то.

Чудище?..

Трэш разглядел уже знакомое образование на затылке безобразного создания, оно выглядело куда крупнее, чем у остальных, но узнаваемо. А еще изменения в мускулатуре и скелете казались крайними стадиями того, что он уже замечал у второго сегодняшнего собеседника и того типа, который, звонко цокая, преследовал машину.

Так эта косорылая образина все же человек?! Ну и странные же дела тут творятся...

А это что? Прямоугольный металлический указатель справа от обочины, а на нем единственное слово - "Ралецк". Чуть дальше виднеется грубая бетонная фигура, по низу которой из окрашенных камней было выложено такое же слово.

Это что получается? Трэш умеет читать? Выходит - да. И даже понимает, что означает это бессмысленное с виду слово.

Название города, куда его привела дорога.

Город - это интересные перспективы. В каждом городе имеются жители, которые должны чем-то питаться. Вряд ли друг другом, эти странные каннибалы явно пришлые: может из психлечебницы массово сбежали; или отравились чем-то совсем уж нехорошим, вон как некоторых

из них корежит; или даже телевизора пересмотрели до усыхания мозга за ненадобностью, очень уж примитивно общаются. Причем далеко не все способны, хотя бы, на столь ущербное выражение своих мыслей, - большинство ни слова проинстри не может. Такие если и урчат, то совершенно бессмысленно.

Телевизор? Что это такое? Мысль полностью непонятная, но надо запомнить. Мало ли, вдруг это загадочное оружие массового мозгового поражения применят и против Трэша.

Не связываясь с бесперспективно выглядевшими промышленными зданиями, направился к возвышавшимся в отдалении многоэтажным домам. Все они выглядели жилыми, хотя, каким образом Трэш это определил, он понятия не имел.

Да как и все остальное, - в голове иногда находились ответы, иногда нет, предсказать появление полезных подсказок не получалось, как и вытащить что-нибудь насильно.

Случалось, хватался за кончик ниточки воспоминаний, но она каждый раз хитро ускользала.

Его грубыми когтями такую мелочевку не удержать.

Жилые кварталы - это интересно. Люди, в них обитающие, нуждаются в пище, и Трэш почему-то уверен, что их еда его не смутит, а наоборот - обрадует.

Остается надеяться, что по пути не нарвется на старых знакомых. Этих, новых, разъезжающих по местам, где их могут съесть, на смешных машинах, Трэш не опасался совершенно, как и тех, которые на них охотились.

Что те, что другие, - не противники и одинаково его боятся, несмотря на слабость и жалкий внешний вид. Со вторыми все понятно, - они почему-то поголовно уверены, что Трэш мечтает их съесть. А с первыми что? Неужели они тоже подозревают его в дурных пищевых пристрастиях?

Да Трэшу тошно о таком даже думать, вот ведь смешные.

До многоэтажных домов и половины расстояния не преодолел, когда пришлось остановиться - местность резко изменилась.

Пробираясь через производственную территорию, то и дело замирая при близкой и дальней стрельбе из разного оружия, Трэш неожиданно

вышел к здоровенному зданию с огромными стеклами во всю стену. На автостоянке перед ним странные люди, сгрудившись урчащими кучками, поедали легкомысленных, пойманых возле своих ни на что не годных машинок. Причем, среди первых хватало медлительных, будто страдающих от серьезных заболеваний опорно-двигательного аппарата. Он таких уже замечал, они, обычно, выглядели почище всех прочих, бросаясь за счет этого в глаза. Но со столь серьезными количествами, до сих пор, не сталкивался.

Они здесь доминировали, бродили повсюду, причем, быстрые их не всегда жаловали, то и дело отгоняли от своих омерзительных "пиршественных столов". Страсти кипели настолько нешуточные, что, при этом, иногда доходило доувечий.

Трэш направился было к стоянке, уж при таком-то количестве машин непременно отыщется сытная пожива - не меньше пары десятков нетронутых багажников. Но, бросая взгляды по сторонам, в какой-то момент по-новому взглянул на большое здание. В голове всплыло слово "супермаркет", оно почему-то стойко ассоциировалось с неимоверным количеством разнообразной пищи.

Своему внутреннему голосу он доверял и потому не колеблясь направился прямиком к зданию. Толстое стекло выдержало первый удар. Трэш, опасаясь чрезмерно напрягаться из-за возникающих судорог и вспышек боли, начал аккуратно молотить кулаком по краям листа, заставив его вывалиться из рамы с грохотом, прогремевшим на всю округу.

Сомнительно, что люди примчатся выяснить, кто здесь хулиганит, ведь тут хватает личностей, вытворяющих куда более противоправные вещи, но все равно воровато обернулся и убедился, что никто не торопится мчаться к источнику шума. Странные люди продолжали опасаться Трэша: ближайшие так и улепетывали во всю прыть, оставив в покое не до конца обгрызенные тела, находившиеся подальше косились настороженно.

Грозно покосившись в их сторону, он забрался внутрь, оказавшись в громаднейшем помещении заставленном невысокими стеллажами с разнообразными предметами. Стеклянные банки и бутылки, жестянки всех размеров, цветные коробки, туго набитые пластиковые пакеты и бумажные пачки.

А в нос ударила целая гамма запахов, значительная часть из которых чуть не заставила желудок завизжать от предвкушения недурственного праздника.

Еда. Настоящая вкусная еда, а не та омерзительная гадость, которую дружно нахваливали сумасшедшие каннибалы.

Ухватившись за первую попавшуюся банку, Трэш покрутил ее, читая этикетку. Консервированная кукуруза - вовсе не то, о чем он мечтал, еще свежа в памяти тоскливая трапеза возле комбайна.

Вскрыв боковину когтем, высипал содержимое в рот и изменив первоначальное мнение, одобрительно проурчал:

- А ведь неплохо.

Да уж, жаль, что такая сочная сладость не растет на стеблях. В сравнении с теми жалкими початками, эта кукуруза - мечта всей жизни.

Вскрыл еще одну банку, затем вторую, а на третьей дошло, что питается нерационально. Пока проткнешь одну, пока задерешь голову, пока вытрусишь все, стараясь мимо рта не просыпать - кучу времени теряет и лишние силы тратит.

Нет, так дело не пойдет.

Трэш, с сожалением прервав пиршество, отправился в сторону примеченных стеллажей с хозяйственными товарами, откуда быстро вернулся с синим пластиковым тазиком.

Теперь дело пошло веселее. Он разом навалил целую кучу банок на пол, уселся среди них и начал раздирать одну за другой, вываливая содержимое в принесенную посудину. Консервированная кукуруза и зеленый горошек, оливки и маслины, маринованные шампиньоны и крохотные огурчики, - все смешивалось и при наполнении тазика жадно поедалось.

В голове иногда возникала стыдливая мысль, что так нельзя, он ведь не свинья непрятательная. Нет, понятно, что голод не тетка, но зачем же устраивать винегрет из всего, что под руку подворачивается? Но устоять никак невозможно, слишком велик голод, слишком сильно он затянулся, это уже не Трэш, это тело неразумное, мечтающее лишь об одном - заполнить себя всей этой едой под горло.

На каком-то этапе дала знать о себе жажда - обильная и зачастую соленая пища требовала воды. Трэш к этому моменту осоловел, в сон сильно тянуло, тратить время на поиски не стал, перебрался до близлежащих стеллажей с алкогольной продукцией и отправил вслед за едой несколько пластиковых бутылок пива. Гадостное и химией отдает, как и некоторые другие продукты, но пищевод смочило, что и требовалось.

После хмельного заливания он осоловел уже конкретно. Пришлось прилагать немалые усилия, дабы не позволить себе свалиться прямо напротив выдавленного стекла. Слишком опасное место, с улицы хорошо просматривается, очень не хочется, чтобы кто-нибудь застал врасплох сонного.

Трещ поплелся в дальний угол зала, где залег за подобием огромной витрины, заставленной ящиками с овощами и фруктами. Полежит минут пятнадцать, чуть-чуть подремлет, и потом подумает об обеспечении безопасности, как следует.

В столь изобильном месте, определенно, стоит задержаться.

Глава 10

Проснулся Трэш явно не через пятнадцать минут и даже не через час. Солнце к тому моменту успело зайти, потемнело, мир стал черно-белым. Опасаясь, что за время затянувшегося отдыха в зал могли пробраться недружелюбно настроенные личности, проигнорировал настойчивое приглашение желудка немедленно посетить стеллажи с вкусной едой. Замер, прислушиваясь. Если верить ушам, рядом ничего не происходит, даже мухи не жужжат, тишина мертвая. А вот снаружи донесся отдаленный выстрел, а затем что-то, похожее на протяжный человеческий крик. Причем, оборвался он подозрительно резко, будто кричащему кто-то рот заткнул в один миг.

Добравшись до витринного проема, оставшегося без стекла, Трэш, осмотрев прилегающую территорию, убедился, что странные люди покинули автостоянку, оставил на местах своих пиршеств россыпи костей и черепов. Рядом не просматривается ни намека на движение, подозрительные звуки тоже не раздаются.

Хотя нет, вон, где-то в отдалении, проехала машина, выдав себя взвизгом шин при торможении, мотор не слышно совершенно.

Сходил до угла, высунувшись, уставился в сторону многоэтажных домов. В одном из них бушевал пожар, огонь вырывался сразу из десятков окон, и незаметно, чтобы кто-нибудь торопился его тушить.

Этим интересные зрелища не исчерпывались - по дороге, вырывавшейся из скопища промышленных строений, двигался человек. Шагает медленно, подволакивая ноги, характерно раскачивая торсом и все время суетливо двигая головой. С этим все понятно - очередной "странный", и нет сомнения, что похож на обычного человека, как внешностью, так и чистотой одежды, по неповоротливости заметно.

А вот что промелькнуло там, за детской площадкой по другую сторону дороги? Что-то похожее на чересчур крупного человека, но очень уж быстрое, движения резкие, выверенные, а походка необычно-подпрыгивающая. В поле зрения непонятное существо попало на долю секунды, но этого хватило, чтобы заставить занервничать.

Все непонятное может оказаться опасным, а Трэшу сейчас требуется абсолютный покой.

Где-то правее и не так уж и далеко треснула короткая, на два патрона,

автоматная очередь, вслед за этим по небу на низкой высоте промелькнуло что-то крестообразное, быстрое, жужжащее, напомнившее погоню по реке, когда за Трэшем следили с воздуха. Вот только этот дрон (если это действительно он) выглядел охотящимся хищником, а не беспомощным наблюдателем.

Насторожившись еще больше, крадучись и прячась за любым намеком на укрытие, обошел по периметру немаленькое здание, знакомясь с окрестностями, изучая схему выходов и наблюдая за то и дело появляющимися в поле зрения "странными". Все они двигались в одном направлении - в сторону горящего многоэтажного дома.

Изучив супермаркет по периметру, начал подробно исследовать подходы к зданию и выходы из него, легко расправляясь с замками. Обнаружил удобные и малозаметные лазейки в торговый зал, осмотрел некоторые служебные помещения, ничего подозрительного нигде не встретилось, везде тихо и спокойно. Складывается впечатление, что об этом месте все позабыли, судя по стрельбе и прочему, главное веселье происходит где-то дальше в городе, там явно творится что-то невообразимое.

Короткая прогулка изрядно вымотала. Несмотря на обильную еду и длительный сон, силенок у Трэша особо не прибавилось, ведь жизнь трепала его долго и упорно. Придется надеяться, что здесь и дальше тишину не разбивают неприятные события, потому как, неизвестно, сколько времени займет восстановление.

Да и сможет ли он вообще восстановиться после такого? Не факт. Пока спал, отвалилось несколько фрагментов броневых пластин, а из дыры в левом боку натекла немала лужа гноя. С этой раной дела откровенно плохи, а как себе помочь, Трэш не представлял. Только и сумел, что обтереться пачками бумажных полотенец.

Направляясь к знакомым стеллажам, уже не первый раз обратил внимание на то, что они лишь одни из многих, похожих друг на дружку съедобным содержимым. Чуть отъевшийся организм начал наглеть, настойчиво намекая насчет разнообразия, и Трэш, остановившись, ухватил самую большую жестянку. В помещениях, как помнилось еще по фурам, он видел хуже, чем на открытом воздухе, но не настолько уж плохо, чтобы, напрягая глаз, не различить текст.

Что значит "тушенка"? Съедобно ли это вещество? Если да, то каково на вкус?

Проверил самым примитивным способом - пробил дыру когтем и принюхался. Пахло интригующе - специями и чем-то незнакомым, но

намекающим на что-то невыносимо приятное, заставляя желудок заволноваться. Попытался высыпать содержимое в рот, но оно оказалось слишком плотным и покидать банку отказалось.

Расширил дыру, встряхнул энергичнее, и в рот плюхнулся сочный комок. Трэш заворочал языком и челюстями, а затем замер, неожиданно ощущив то, что не ощущал до этого ни разу, даже близко ничего подобного с ним не случалось.

Он в один миг осознал, что кукурузные початки, сухой хлеб, консервированный горошек, маслины без косточек, маринованные шампиньоны и даже кремовый торт - это вовсе не вкусная еда.

Да это, вообще, не еда, это, почти что, отходы жизнедеятельности.

Настоящая еда - тушенка!

Величайшее сокровище мира!

Бальзам для истерзанного лишениями желудка!

Лучшее лекарство, заставляющее забыть о боли и слабости!

Это именно то, что хочется уплетать целую вечность, без перерывов на сон!

Трэш не успокоился, пока не прикончил все, до последней банки. Не везде тушенка оказалась настолько же качественной, как в первой, но даже в самых печальных случаях она не шла ни в какое сравнение с оливками, грибами и прочей смехотворной ерундой.

Он не ел, он смаковал и наслаждался.

По мере наполнения желудка, крепла непонятно откуда взявшаяся уверенность, что это не просто еда, это еще и лекарство. Питаясь тушенкой, Трэш сможет быстро восстановить самые страшные раны, вернуть былую скорость и силу.

Жестянки закончились, но он нашел похожие. Назывались они по-другому, и в написанном мелкими и неудобными буквами составе не значились ни свинина, ни говядина. Рыба в масле, в томате, в собственном соку, жирная и пахнущая совершенно иначе. Но тоже ничего, есть можно, желание вернуться к консервированной кукурузе не возникло.

Хотя, все эти банки можно без жалости обменять на единственный кусок тушенки.

Пошатываясь от съеденного, заставляя себя держаться, не падая, где стоит, Трэш направился к углу, который, после проведенной рекогносцировки, счел наиболее безопасным. Стеллажи здесь не сплошные, через щели в них можно обозревать зал, и завалены они хлебобулочными изделиями. С точки зрения нового, просветленного тушенкой чудовища - никчемный продукт, следовательно, если кто-то за

ним и заявится, то в последнюю очередь, перед этим перепробовав все прочее.

Остается надеяться, что Трэш выспится раньше, чем это случится.

Пробудившись, даже не сразу понял, что это явь. Давно так себя не ощущал, или даже вообще никогда.

Ну да. Точно. Никогда такого не было. Поразительно, но, впервые за все время, у Трэша ничего не болело. Да, печет в левом боку и на спине, но не сильно, даже не раздражает, почти ласково. И еще тело зудит в тех местах, где сильнее всего пострадало от огня. Но это ни капли не напрягает.

Может ему снится счастливый сон? Уж очень похоже на то.

Приподнимаясь, услышал звон и звук катящегося небольшого предмета, явно свалившегося с его тела. Посмотрел на пол, брезгливо поморщился - там и сям натекли гной и сукровица, все это было усыпано обгорелыми фрагментами брони и выглядело отвратительно.

А это еще что такое?

Трэш присел, протянул руку вниз, зажал кончиками когтей валяющийся кусочек металла, поднес к глазу, и не сразу понял, что это деформированный сердечник бронебойной пули. Внимательно изучив пол, приметил еще один, похожий, и несколько совсем уж невразумительных осколков, возможно - частички разрушившихся оболочек.

Начиная догадываться, в чем тут дело, осмотрел раны, до которых смог дотянуться. В одной, проделанной дрелью еще до знакомства с Мазаем, заметил посторонний предмет, подцепил его когтями и вместе с порцией кровавого гноя легко вытащил пластиковую трубку, заканчивающуюся толстенной пустотелой иглой.

А ведь раньше тут ничего не торчало, он ведь не первый раз себя осматривает. Это что же получается, организм столь грязным способом избавляется от инородных предметов? Ничем другим объяснить происходящее не получается.

Если вспомнить подсказки внутреннего голоса, тот так и говорил, что необходимо сытно питаться, и тогда все неприятности со здоровьем быстро останутся позади.

Трэш пошевелил левой рукой. Послушно задвигалась, лишь в локте

ощущается стесненность. Пропил, сделанный Мазаем, стал заметно тоньше, будто броня по краям за время сна частично затянула повреждение. Хотел было потрогать ослепший глаз, но понял, что когтями скорее навредит себе, чем что-нибудь нашупает.

Встав, направился к главному выходу. Именно возле него при ночной разведке заметил то, что ему сейчас требуется - магазин одежды. Тогда его в нем ничего не заинтересовало, но сейчас один из элементов интерьера будет очень даже кстати.

Не прошло и минуты, как Трэш стоял перед громадным зеркалом, впервые разглядывая себя по-настоящему. Нет, он и ночью, когда устроил разведку окрестностей, не упустил возможность полюбоваться собой, но тогда ничего не понял. Увы, но в темноте зрение работало как-то специфически, отражение расплывалось, просматривался лишь силуэт, заполненный мраком. Сейчас все иначе, пробивающиеся через стекла солнечные лучи помогают разглядывать картинку в цветах и со всеми подробностями.

Оказывается, Трэш выглядит настолько грозно, что сам себя перепугался. Огромный до такой степени, что целиком себя разглядеть не сумел. Рожа угловатая, чем-то неуловимо похожая на сейф, стиснута грамотно расположенными массивными фрагментами брони, между ними с перехлестом пристроилась целая система мелких пластин, обеспечивающих подвижность челюстей и устрашающую мимику. Глазницы походили на амбразуры, при попытке зажмуриться они частично или полностью прикрывались не только веками, но и крепкими на вид диафрагмами, выползающими с трех сторон. Похожим способом, при необходимости, можно защитить и рот. Ушей не видать, волос тоже нет, вместо них к затылку тянутся три массивных зубчатых гребней из негнущейся кожи, между ними протянулась сеть мелких, на их пересечениях проросли шипы разной длины.

- Да вашу мать, что же я такое?! - удивленно проурчал Трэш.

Внутренний голос отвечать не стал, а кроме него, увы, говорить здесь некому.

Подняв руку, Трэш потер когтем слепую глазницу. Ее полностью затянула ссохшаяся корка, под которой неприятно чесалось, очень хотелось туда добраться. Осторожно поддев преграду, надавил, медленно сворачивая в сторону. Ожидал увидеть под ней, что угодно, самое неприглядное, но все же оказался не готов к последовавшему сюрпризу, зажмурился изо всех сил, а броневые щитки диафрагмы, автоматически сомкнувшись, сухо щелкнули.

Ну как было не зажмуриться, если в глаз, отвыкший от света, будто ослепляющей кувалдой врезали.

Да-да - в тот самый глаз, над которым шесть дней назад вдоволь поиздевался Мазай. Или не так уж сильно навредил, или организму такого срока достаточно, чтобы излечить даже столь тяжелую рану, что, с учетом перенесенных за этот период лишений, радует. Получается, нормально отдыхая и питаясь, можно выздороветь куда быстрее, в этом Трэш почти уверен.

Глаз восстановился, но не полностью, яркий свет его слепил, даже через щелочку смотреть не получалось. Пришлось во время поисков держать его закрытым сожалея, что преждевременно отодрал корку.

Трэш искал тушенку, он не мог поверить, что ее больше нет. Ведь это настолько замечательный продукт, что спрос на него обязан быть колоссальным. По-логике, не меньше половины торгового зала должны были отвести исключительно под нее, ну или оперативно пополняли стеллаж по мере разбора.

В ходе поисков он не забывал присматриваться к другим продуктам и вскоре сделал еще одно приятное открытие - оказывается, окорок ничем не хуже тушенки. Грудинка - тоже ничего, сало чуть похуже, но тоже сойдет, колбаса бывает разной, в основном не очень, сыр тоже попадается всякий, в том числе очень даже вкусный, особенно, если он твердый. И еще, закусывать его нужно сливочным маслом, перемешанным с икрой.

Трэш постепенно и уверенно открывал в себе гурмана.

Холодильники потекли, кое-где пошел нехороший запах, но некоторые продукты остались замороженными или хотя бы охлажденными. Трэш высыпал в рот упаковку креветок, и они ему ни капли не понравились, в отличие от очищенных мидий. К пельменям он даже прикасаться не стал - ни вид, ни запах не понравились, складывалось впечатление, что это фальшивая еда, ну или он что-то в них не понимает. С интересом принюхался к мясу, каким-то образом догадался, что это вкусно, но употреблять имеет смысл только после термической обработки. Ради эксперимента сжевал один кусок, понял, что желудку это понравилось, но вот об удовольствии говорить не приходится, лучше уж к сыру вернуться.

Продукты, которыми Трэш набивал брюхо, зачастую оказывались солеными или острыми, а уж жирными - почти всегда, поэтому организм начал требовать воду тем настойчивее, чем больше его загружали пищей. С пивом связываться больше не хотелось, сходил к стеллажам, забитым водой, заодно прихватив ведро, которое использовал в качестве стакана. Залившись, вернулся к магазину одежды, забрал оттуда несколько рубашек,

с их помощью протор пол в том месте, где спал.

Бронированному телу все равно на какой поверхности валяться: мягкой, твердой или даже утыканной острыми предметами, но очень уж брезгливо устраиваться на грязном.

Место Трэшу нравилось, оно и правда самое удобное во всем здании. Отсюда и зал неплохо просматривается, и можно уйти по коридору к выходу с другой стороны. До широкой двери всего-то несколько шагов, путь к ней он прикрыл от посторонних взглядов щитами с рекламными материалами.

Здесь он и устроился на дневку, которая, скорее всего, перерастет в ночевку. Чувствовалось, что организм нуждается в продолжительном отдыхе, не все раны залечены, не все посторонние предметы удалены.

Интересно, как долго придется восстанавливаться? Да, запасы торгового зала велики, не поспоришь, однако, не беспредельны, а аппетит непомерно велик. К тому же, Трэш сейчас снимает сливки, поедая самое вкусное.

Как бы вскоре снова не пришлось консервированной кукурузой с оливками давиться.

Проснулся после заката, с удовлетворением отметив, что именно так и задумывал. Организм, приходя в норму, перестал теряться во времени, "внутренний будильник", наконец, начал срабатывать.

Выбравшись из здания, привычно обогнул его по периметру, а затем устроил несколько коротких вылазок чуть подальше, в отдельных точках, которые присмотрел, как пути отхода на случай опасности. Некоторые пришлось забраковать, остальные, скрепя сердце, одобрил и слегка приспособил на случай неприятностей. В здании он чувствовал себя защищенным, но понимал, что это очень уж неудобное место, хорошо просматривается с разных сторон. Если кто-то ищет пищу, сюда направится в первую очередь. И тогда Трэшу придется принимать бой за лакомства, или убегать.

Слишком слаб для серьезной схватки. Значит, вероятнее второй вариант...

Да ладно, у любого варианта можно найти минусы, в том числе у этого. Ведь бросать супермаркет не хочется, здесь еще много чего вкусного

осталось.

Само собой, что Трэш проделывал это не без помощи глаз и ушей, поэтому заметил много чего. В городе все также постреливали, причем, однажды, настоящий бой разгорелся, - ожесточенная пальба продолжалась не меньше пары минут. Где-то правее многоэтажек и гораздо дальше, что-то ярко полыхало, чуть ли не полнеба освещая, возможно, именно из-за этого пожара в воздухе ощущался запах гари.

Вокруг супермаркета царило спокойствие, "странные" попались на глаза лишь дважды. Причем, в первом случае, стоявшая парочка, заметив приближающегося Трэша, резко вспомнила о наличии неотложных дел и удалилась с завидной быстротой.

В зарослях за дорогой, где до этого однажды видел кого-то большого и шустрого, вновь засек движение. На этот раз это оказался всего лишь человек обычного роста и телосложения. Пробирался он крадучись, прячась за деревьями и кустами. Уткнувшись в стену промзоны, начал удаляться вдоль нее, явно не желая показываться на открытом месте.

Ночная мгла - невеликая помеха. Трэш понял, что это мужчина средних лет, не по сезону одетый в зимнюю куртку и зачем-то обмотавший рукава толстым слоем темного тряпья. В руках топор, но хоть это тоже оружие, вряд ли осторожного человека можно относить к тем, которые передвигаются на технике с красными ромбами.

Скорее всего, это один из легкомысленных. При помощи скрытного поведения старается избежать знакомства с зубами каннибалов. В таком случае он - единственное исключение, все прочие его сородичи, замеченные Трэшем, вели себя куда беспечнее.

Куда это он, интересно, на ночь глядя, направляется?

Да нет, не так уж это и интересно. Есть занятие куда увлекательнее, чем размышлять над сутью чужих поступков. Надо срочно вернуться в торговый зал и завалиться на прежнее место. Так Трэш и поступит.

Только вначале, как следует, перекусит.

Глава 11

Трэш, пробудившись, первым делом осознал тревожный факт - в супермаркет, который он уже начал считать своей единоличной собственностью, забрались посторонние. Первой мыслью заподозрил вторжение "странных". Днем, пока искал вкусную еду, замечал их неоднократно на автостоянке и в стороне, примыкающей к дороге, да и после заката пару раз на глаза попались. Во всех случаях, они не приближались к зданию, как правило, путь их лежал все в том же направлении - в сторону многоэтажных домов, один из которых до сих пор дымился, неприглядно чернея выжженными оконными проемами.

Прислушиваясь, понял, что поторопился с выводами. Слишком тихие шаги, даже восстановившийся слух, способный различить жужжание мелкой мухи почти за десяток метров, едва их улавливает. "Странные" передвигаются совсем не так, если бы не их трепет при виде Трэша, можно заподозрить, что им принадлежит весь мир. Очень уж уверенные в себе, никогда не прячутся, всегда движутся по кратчайшему пути, ни капли не задумываясь о создаваемом ими шуме.

Эти не такие, эти осторожные, не хотят, чтобы все узнали об их присутствии.

Охотники подкрадываются? Если так, надо срочно уходить. А если нет? Если это всего лишь какой-то "странный" унюхал Трэша и теперь из-за страха пытается тихо уйти. Будет обидно бросить настолько замечательное место из-за глупейшей перестраховки.

Очень медленно приподнявшись, Трэш перенес вес тела на мягкие подушечки, обволакивающие ступни в отдельных местах. Он знал, на что они способны - даже такая тяжелая туша могла передвигаться на них почти бесшумно. Приблизился к стеллажам с хлебом, где заранее оборудовал несколько наблюдательных точек, уже на второй обнаружил пришельцев.

Нет, это явно не "странные". Троє, передвигаются крадучись, двое дальних то и дело смотрят по сторонам, ближайший уставился вперед. То есть, скоординировано контролируют местность. Обычные люди, очень похожие на тех, которые едва не убили Трэша шесть дней назад. Одежда темная, пятнистая, за спинами уплощенные рюкзаки, на которых закреплены угрожающего вида кирки, в руках оружие, в гнездах

разгрузочных жилетов множество разных предметов, в основном немирного назначения, на глаза надвинуты маски приборов ночного видения, из которых струятся странные лучи, - неплохо освещают стеллажи, при этом все остается черно-белым и лишенным теней.

Откуда-то всплыло знание, что это работает инфракрасная подсветка, невооруженным глазом можно разве что разглядеть источник, да и то не всегда, и уж никак не издали.

Но Трэш, почему-то, разглядел куда больше.

Чего хотят эти люди? Его смерти? Ну так пусть попробуют, быстро придется пожалеть. Он уже не прежняя руина, он неплохо восстановился, нет ни боли, ни предательской слабости в ногах, его мышцы сильны, зрение и слух работают безукоризненно.

Перед очередным стеллажом троица остановилась, один мужским голосом напряженно произнес:

- Пусто. Тут до нас кто-то побывал.

- Банки, - сказал другой. - Посмотрите, они раздавлены.

- И порваны.

- Так и есть. Кто мог такое сделать?

- А вон таз валяется. Ох он и грязный, из него что, свиньи помои жрали? Может, атомные забрели?

- Да какая нам разница. Лучше скажи, что брать будем, тушняка-то нет, голяк полный.

- Может, поищем еще, они же не все в зале выкладывают, на складе что-то остается.

Трэш чуть расслабился, он понял, что пришельцы даже не догадываются о его присутствии. Заявились сюда с той же целью, что и он - раздобыть продовольствие. Продуманные, первым делом за самым вкусным направились, причем безошибочно, явно зная, где тушенка лежит.

То есть, лежала.

Один, резко встрепенувшись, развернулся, вскинул винтовку с непомерно-длинным, увенчанным глушителем стволом, направил, казалось, прямо в глаз Трэшу и прошипел:

- Здесь кто-то есть.

Трэш, не понимая, каким образом его заметили, даже дышать перестал, окаменел, прикидывая, как можно разделаться с этой троицей, при этом не подставившись под пули и не нашумев.

Человек неожиданно расслабился, чуть опустил винтовку, покачал головой:

- Померещилось.

- Я и не знал, что тебе может мерещиться, - заявил второй, тоже опуская оружие.

- Не люблю этот кластер. И вообще эти места не люблю.

- А кто их любит? Слишком много черноты поблизости, а чернота всем на мозги давит. Ну так что делать будем? Языки чесать? Не забывайте, что бубновые вот-вот сюда заявятся, это их поляна, они ни одной перезагрузки не пропускают. Выносят все подчистую, вяжут свежих и уходят.

- Я слышал, тут дроны газом все вытравляют.

- Есть такое. Не каждый раз, но бывает. Сокращают поголовье мертвяков. Но это, если и делают, то уже после бубновых. С внешниками у тех давно все уговорено, считайте - одна шайка.

Трэш, осознав, что опасность миновала, слегка расслабился, но тут же подобрался, - человек с винтовкой вновь насторожился, поднимая оружие. Но до конца движение не довел, растерянно проговорил:

- Да что за хренъ, у меня нереальные глюки...

- Что не так?

- Да мерещится всякое...

- Стая элиты видишь, или колонну бубновых?

- Да хрен пойму. Маячит что-то. От недосыпа, наверное, вторую ночь на ногах.

С памятью у Трэша несомненные проблемы, раз он сам себя не помнит и даже не понимает, кем он, собственно, является. Зато на интеллект жаловаться грешно, обычно, схватывает быстро, без многократных дополнительных намеков.

Не сводя взгляда с человека, который так и не опустил до конца винтовку, представил, что тот слепой, что увидеть ничего не способен, так что бояться нечего, можно расслабиться, не прятаться.

Человек тут же вскинул оружие, а Трэш в этот миг подобрался и прикинулся пылинкой, которую в упор разглядеть непросто.

- Что за черт! Мать его! Ну оффигеть!

- Радик, что опять?

- Да тут хренъ полная! Хренъ! Чертовщина какая-то! Давайте уже валить отсюда. Да ну ее в задницу, эту тушенку, я сейчас свихнусь.

- Краб, Радик дело говорит, если сенс волнуется - плохая примета.

- Джус, а у тебя, вообще, хорошие приметы есть?

- Одна точно есть.

- И какая же?

- Если очень быстро смататься из места, которое не нравится сенсу, появится вариант дотянуть до утра.

Приглушенно хохотнув в ответ, Краб скомандовал:

- Отходим тем же путем. Радик, следи за спинами.

Троица замолчала и так же крадучись, скрылась среди стеллажей.

Это что же получается? Радик ухитряется замечать Трэша за укрытием? Очень похоже на то. Причем, его "рентгеновское чувство" можно обманывать. Достаточно замереть, постараться выглядеть, как можно незаметнее, внушить себе, что ты маленький и невидимый. У него что, какой-то хитрый наблюдательный прибор? Или у него такая ненормальная способность? Не зря ведь остальные называли сенсом.

Это слово Трэш слышал впервые и оно ему не понравилось. Нехорошим отдавало, необъяснимым, опасным. Если среди людей и правда встречаются такие умельцы, жизнь серьезно осложнится.

И без того столь крупное тело непросто прятать, а уж с такими делами...

Выждав несколько минут, осторожно выбрался из укрытия и отправился по следам людей. Идти по ним нетрудно, ноздри прекрасно различают запахи, несмотря на изобилие будоражащих ароматов пищи. Вонючий пот; что-то травяное, чуть приторное; оружейная смазка и сгоревший порох; дубленая кожа и...

И живец!

Трэш непроизвольно заурчал, когда осознал, что у этих людей имеется сокровище, сравниться с которым не сможет даже тот мягкий окорок, который понравился ему больше, чем самая лучшая тушенка.

Невольно начал вести себя как хищник, а не лазутчик. То есть, крался не с целью разузнать, куда пошли эти люди, а чтобы догнать, напасть и отобрать. Плевать, если попадет под выстрелы, его броня прочна, а их оружие слабо, он справится.

Уже приближаясь к выходу, одумался. Да что это с ним такое? Вот зачем ему живец, ведь и без него неплохо здесь устроился: сыт, спит, как король, никто не беспокоит. Да, бодрящий кисловатый напиток, конечно, не помешает, но какой смысл ради него рисковать? Трэш не знает, кто эти люди, и понятия не имеет, что от них можно ждать. Вдруг они не одни, вдруг поблизости десятки таких же, вооруженных не только автоматами и винтовками, замечающих то, что невозможно увидеть и враждебно настроенных.

Нет, он не станет их преследовать. Сколько там того живчика? Вряд ли много, ведь люди не выглядели перегруженными. Может, у них его вообще не было, может, все дело в том, что кто-то когда-то его на одежду пролил, и запах впитался надолго.

Рисковать ради сомнительного приза Трэш не станет, ему надо старые прорехи в броне залечить, а не новыми обзаводиться.

Но все равно подобрался к стеклу, осмотрелся. Дорога, выходящая из промзоны, пустынная, даже "странных" не видать, в поле зрения ни малейшего движения, даже листва на деревьях замерла, полное безветрие. Звуки тоже не доносятся: ни крика, не далекого выстрела, ни крадущихся шагов. Стреляли и до этого не так уж и часто, но сейчас вообще прекратили.

Радоваться такому спокойствию или нет, Трэш не знал, уж очень слабо разбирался в реалиях этого явно ненормального мира. Но если тишина грозит неприятностями, их лучше встречать во всеоружии.

Применительно к нему - необходимо быть сытым и здоровым. Следовательно, прямо сейчас он продолжит обыск магазина, набивая желудок разными вкусностями, а когда места в нем не останется, отправится отлеживаться на свое любимое место.

Что там говорили эти люди о складе? Там может остаться тушенка? Вот со склада Трэш и начнет.

Пробудился от грохота пулеметной очереди, причем, даже спросонья мгновенно осознал, что стреляют очень близко, и калибр у оружия из тех, что связываться с ним крайне нежелательно. Если, конечно, не хочешь потом днями и ночами валяться в лужах собственного гноя, дожидаясь, когда из пробоин в броне вывалится металл.

Живо вспомнился карьер, именно в нём таких звуков наслушался.

Осторожно поднявшись, тихо подкрался к стеллажам, взглянул в щелочку в тот миг, когда пулемет отозвался второй раз. Ничего тревожного не разглядел, зато, сбрасывая с себя сонную дурноту, услышал кое-что еще - далекий вой сирены и шумы многочисленных автомобильных двигателей, в том числе, тяжелых. Бронетехника? Грузовики? Что бы это ни было, оно быстро приближается, время от времени постреливая из солидных стволов, без оглядки на экономию боеприпасов. Такие звуки он здесь за все время ни разу не слышал.

В городе явно что-то происходит и скорее всего - нехорошее. Будет замечательно, если это пройдет стороной, как и все прочее. Никого, кроме ночной троицы, супермаркет за все время не заинтересовал, вот пусть и

дальше не интересует.

Не так уж далеко, уверенным голосом, усиленным мегафоном или чем-то другим, зычно, с расстановкой, с эхом, заученно произнесли:

- Внимание! Город подвергся биологическому заражению! Проводится спецоперация! Сохраняйте спокойствие! Граждане, не подвергшиеся заражению, выходите к машинам сил специальных операций и привлеченных добровольцев! Если в ваши двери пытаются ворваться зараженные, вывесите из окон ленты из материи или бумаги, к вам быстро пришлют боевую группу! Если вы ранены или больны, вам немедленно окажут медицинскую помощь! Если ваши родные или друзья заражены, мы обязательно им поможем, но только после того, как вывезем вас в безопасное место! Внимание! Если вы вооружены, выходя к нашим машинам держите оружие на виду и не направляйте его на медиков, военнослужащих и добровольцев!

Это как понимать? Что за спецоперация? И как она отразится на Трэше?

Как-как... да плохо отразится, в хорошее не верится совершенно.

Но может, все же, пронесет?

Увы, но нет, сегодня определенно не его день. Неприятности, ненадолго оставив Трэша в покое, возвращаются. Гул моторов усилился до пугающего значения, через щели в дальних стеллажах что-то замелькало. Похоже, на автостоянке движется что-то крупное, и нетрудно догадаться, что именно.

Но догадки - это еще не уверенность. Покинув укрытие, Трэш выдвинулся к позиции, специально оборудованной для наблюдения за этим направлением. Припал глазом к проделанной когтем дыре, и дернулся, разглядев в трех десятках шагов, как темно-зеленая бронемашина медленно сдает назад, выдавливая сразу два оконных блока. А чуть в стороне то же самое проделывает еще одна, и на ее боку Трэш заметил до зубовного скрежета знакомый знак.

Красный ромб.

Глава 12

Предположение, что мучители его обнаружили, и теперь крашат супермаркет, пытаясь выдавить, выгнать на открытое пространство, где зальют липкой огненной смесью и пулями, умерло, едва зародившись. Нет, происходившее совершенно не походило на охоту за опасной дичью, бронетранспортеры, не заезжая в торговый зал и не крутя башенками в поисках цели, неспешно отошли к стоянке, уступая места аналогично пятившимся к проломам грузовикам. За этой деятельностью наблюдали многочисленные люди, одетые знакомо, - на них Трэш в карьере насмотрелся, да и после глаза намозолили, пока река не унесла его в мертвые земли. Никаких легкомысленных рубашек и брюк, сплошная военная зелень и темная кожа, в редких случаях - неброские джинсы и спортивные костюмы. Все с оружием, но наготове его не держат и вообще, выглядят расслабленными.

А ведь они знают, чего можно ожидать от сбежавшего пленника. В карьере он успел зарекомендовать себя с нехорошой стороны. То есть, должны быть максимально собранными, чего не наблюдается.

Нет, Трэшу просто не повезло, этим извергам зачем-то понадобился супермаркет и не так уж сложно догадаться - зачем именно. Вспомнились обмоловки ночной троицы про бубновых, теперь понятно, кого и что они имели ввиду. Грузовики к проломам не от нечего делать подгоняют, а ради удобства погрузки. Сейчас все эти люди зайдут внутрь и начнут очищать прилавки от оставшихся продуктов.

Если они заметят прячущееся чудище, последствия окажутся предсказуемо-печальными. Вон, оба бронетранспортера направляются в разные стороны, намереваясь прикрывать опустошение супермаркета со стороны. И легких машин с крупнокалиберными пулеметами и огнеметами хватает, тоже по позициям разъезжаются. Всякой техники порядочно согнали, несравнимо больше, чем тогда, в карьере. А ведь Трэш выбрался из той ямы едва живым, до сих пор не оправился от полученных ранений. Боли уже нет, но пробоины все еще не затянулись, как и не восстановились сломанные и пострадавшие от огня пластины брони.

Очень хочется устроить этим садистам ту еще трепку, но это тот случай, когда желания не совпадают с возможностями до такой степени, что речь идет о жизни и смерти. Или все останутся живы, или некоторым

придется умереть, и ты непременно окажешься в их числе. Трэш чувствовал себя сильным, как никогда, но уверенности в победе не ощущал, а раз так, то не стоит даже пытаться.

Ладно, остается надеяться, что все эти твари до мучительной погибели подавятся едой, которую он считал безраздельно своей. Ну или пусть на них обрушится крыша супермаркета и медленно раздавит. Но надо, чтобы это случилось чуть позже, когда его здесь уже не будет.

Разведывая ночью окрестности и запасные пути из супермаркета, Трэш еще и приспосабливал их к использованию в условиях близости нехороших людей. Он даже предусмотрел их проникновения в здание. То есть, старался делать все возможное, чтобы обеспечить скрытный отход, а не безоглядное бегство, когда тебе вслед орут и стреляют.

Достаточно с него, набегался уже под пулями, научился ценить тишину и незаметность.

Для начала, надо вернуться к лежке, а затем пробраться в коридор, из которого дальше ведут два удобных выхода. И делать это придется прямо сейчас, пока люди не начали массово пробираться внутрь. Даже если они сразу не обнаружат Трэша, непременно заметят следы его трапез. Он не очень-то озадачивал себя уборкой, поэтому раздавленные и разодраные жестянки валялись сотнями на видных местах.

Не так уж трудно догадаться, что над ними поиздевались нечеловеческие руки.

В коридоре кто-то был, Трэш это понял, не пройдя и трети пути. На такой случай он заранее побеспокоился об укрытиях и присел за одним из них - небрежно сложенным штабелем из пустых картонных ящиков. Небрежность эта не являлась следствием лени или спешки, все очень даже продумано и исполнено со всей тщательностью. Все дело в том, что при такой укладке остались многочисленные щели, через которые можно наблюдать за врагами, самому оставаясь невидимым. Главное - не забыть прикрыть за собой двери в зал, чтобы в спину не подсвечивало.

Трэш не забыл.

Врагов было двое, причем, это он вычислил исключительно на слух, еще до того, как они показались из-за угла. Шагали осторожно, но достаточно громко и вразнобой, уши быстро разобрались, что к чему. А затем и глаза подключились.

Эти люди вели себя не так, как те, которые крушили стекла. Если те были беспечны, эти предельно собраны, готовы к проблемам, держат оружие наготове и продвигаются по-хитрому: один у левой стены, второй у правой, да еще и с отставанием шагов на десять. При таком построении

непросто вывести обоих из строя одновременно, а уж проделать такое бесшумно - задача из задач.

Но только не для Трэша. Еще не спрятавшись за укрытием он знал, что, скорее всего, ему придется вступить в схватку, ведь отступить отсюда можно лишь в торговый зал, где продолжает звенеть сокрушающее стекло. Он туда не вернется, он прорвется через коридор.

Обязан прорваться.

И потому, проходя мимо брошенной тележки, груженной упаковками с водой, прихватил одну. Несколько увесистых бутылок в общей пластиковой обертке - увесистая и достаточно компактная для его лапы штуковина. За неимением другого оружия - сойдет.

Теперь, самое главное - успокоить эту пару быстро, без стрельбы и криков. Их послали проверить внутренние помещения на предмет угроз, ничем другим объяснить их появление здесь и настороженное поведение невозможно. Трэш в этом месте не наследил, догадаться о его присутствии они не должны.

Если разобраться тихо, пройдет некоторое время, прежде чем пропавшую парочку хватятся. А он не станет дожидаться развития событий, сидя на месте, он постарается уйти пораньше и подальше.

Из укрытия Трэш выскочил, когда первый противник почти с ним поравнялся. Врезал ему наотмашь с левой, одновременно правой швыряя "снаряд". Дистанция плевая, промахнуться невозможно, вот и не промахнулся, попал в район шеи. От удара человека отбросило на спину, его автомат при этом громко стукнулся о пол. Но дальше коридора такое расслышать трудно, так что, напрягаться по поводу шума не стоит.

Трэш в три прыжка добрался до упавшего, подхватил его за ноги одной лапицей, вскинул до потолка, одновременно срывая оружие, после чего со всей дури шмякнул бесчувственным телом об пол.

Прислушавшись, убедился, что шум сердечной деятельности стих, после чего аккуратно положил автомат рядом с покойником.

Оружие он отобрал не ради его сохранности, просто побаивался, что от таких перегрузок оно может выстрелить само собой, а это услышат повсюду, в том числе и в торговом зале. Трэшу такие штуки ни к чему, с его громадными пальцами и когтями ему, разве что, из пушек стрелять, да и то, вряд ли.

Покончив со вторым противником, вернулся за первым. Сразу им заняться не смог, потому что удар, нанесенный с размаху, привел к неожиданным последствиям, - человек, врезавшись в стену, пробил ее с такой легкостью, будто она сделана из папиросной бумаги, после чего

скрылся в недрах проделанной дыры.

Трэш осмотрел пролом, убедился, что никакой бумаги здесь нет, а есть тонкая перегородка из непрочного материала. Расширив брешь, он проник в темное помещение, местами заставленное картонными ящиками. Между парой штабелей среди разбросанных обломков стены лежало тело первого врага. Признаков жизни оно не подавало, но чуткий слух определил, что сердце еще бьется.

Первая мысль простая и логичная - проделать с этим врагом то же самое. То есть, размахнуться им как следует, после чего врезать бесчувственной тушкой по полу. Трэш уже было ухватился за ноги, но тут вмешалось непредвиденное обстоятельство - он почуял аромат живца.

Мгновенно вспомнился и карьер, и невиданный прилив сил, последовавший после приема дивного напитка, и как после этого, будучи израненным и обожженным, сумел уйти от погони и преодолеть немалое расстояние по непростым землям, при этом питаясь сомнительной гадостью.

К тому же, крайне нерегулярно.

Размахивать телом, на котором может обнаружиться самая восхитительная в мире вещь - святотатство. Трэш даже с автоматом бережнее обращался, а ведь это несопоставимые вещи.

Бережнее надо, аккуратнее.

Увы, поспешный обыск ни к чему не привел. Да, человек пропах живцом, но при нем не оказалось емкости с волшебным напитком. Возможно, недавно на одежду пролил, или даже только что его пил.

Осознание того, что этот, едва дышащий негодяй, залился тем, чего Трэшу очень не хватает, вывело его из себя, доведя до кратковременного яростного исступления. В этом состоянии он со всей дури врезал телом по полу, после чего швырнул его в хлипкую стену. Оно его пробило, но на этот раз дальше не улетело, осталось торчать, свесив почти до пола раздробленную голову, из которой струилось нехорошее.

Трэш успокоился так же быстро, как и разозлился, но неприятный осадок остался, так и подмывало сделать что-нибудь еще. Но что именно, если оба противника мертвы? Может, выйти в торговый зал, прикончить еще кого-нибудь, а затем помчаться прочь под рев моторов за спиной и бьющие в спину тяжелые пули?

Ярость нашла другой выход - вытянув коготь, Трэш провел им по стене, оставляя глубокую борозду. Итогом разрушительной деятельности стала короткая надпись: "С вас два гроба".

Удачно получилось, мертвое тело оказалось в конце фразы, получилась

оригинальная предельно мрачная точка. Заодно раскрыл новую грань своей личности - выяснил, что умеет не только читать, но и писать. Почерк, правда, не впечатляет, ну так и письменный прибор не первоклассный.

А теперь пора сделать то, ради чего, собственно, забрался в этот коридор.

Надо уходить, причем срочно, пока пропавшую парочку не начали искать.

Из двух доступных вариантов выбрал распахнутые ворота, перед которыми стоял грузовик с символикой супермаркета и такими же словами на боках, какие протягивались по фасаду здания. Казалось, он вот-вот должен был заехать, но почему-то остановился, после чего водитель раскрыл дверцу кабинки и, не захлопывая ее, куда-то ушел, чтобы не возвратиться. При этом, он частично перегородил один из подъездных путей, ведущих к стоянке, и Трэш использовал это обстоятельство, чтобы создать фальшивый затор. Подтащил пару автомобилей, развернув их так, будто те пытались объехать препятствие, но тоже не завершили начатое, в результате чего получилось столпотворение.

Габариты у Трэша немаленькие, но и не настолько большие, чтобы в лежачем положении не получилось спрятаться за автомобилем. Из ворот он выбрался ползком и начал смотреть по сторонам под днищами машин. Видимость, так себе, но этого хватило, чтобы заметить пикап, стоявший на повороте к стоянке. С такой позиции получилось рассмотреть лишь его низ, но, судя по грубой пятнисто-зеленой раскраске и тому факту, что раньше на том месте было пусто - этот транспорт появился только что, и на нем приехали те самые нехорошие люди.

Да и ненавистный красный ромб на боку о том же самом во весь голос кричал.

Трэш чуть смеялся, поднял с асфальта заблаговременно оставленное здесь зеркало в увесистой пластиковой раме, удобной для захвата огромными когтистыми ладонями, чуть выставил, покрутил, экспериментируя с углами наклона, поймал, наконец, картинку. Так и есть, массивный пикап, очень похожий на виденные прежде, но, вместо заставляющих болезненно морщится при одном их виде огнеметов, вооружен серьезным пулеметом. За ним стоит стрелок, и не просто стоит, а насторожено посматривает по сторонам, то и дело крутя головой.

Дождавшись, когда тот отвернется, Трэш проскочил чистый участок, который не прикрыл из-за того, что такой затор могли счесть слишком неестественным, а все подозрительное привлекает внимание. Присев в кустах, разросшихся под высокой металлической оградой, замер, мысленно

доказывая себе, что через листву разглядеть его непросто, и вообще, он пылинка незаметная, а не полуторатонная машина, способная за раз легко умыть полцентнера тушеники. Мало ли, вдруг у этих гадов тоже есть люди, умеющие замечать спрятанное.

Наблюдать за пикапом через переплетение ветвей крайне неудобно, да и нервно. Сейчас со стороны супермаркета Трэша ничто не прикрывает, если кто-то подойдет к воротам, увидит его моментально.

Пулеметчик, наконец, отвернулся. До этого его голова крутилась в одном ритме, но сейчас, как назло, задержался на несколько секунд, будто что-то заподозрил.

Трэш выпрямился, ухватился за верх ограды, подтянулся, чувствуя, как опасно напрягается железо под его весом. Позапрошлой ночью он эти прутья испытывал, тело они ухитрились выдержать, но тогда он не особо усердствовал - самочувствие не позволяло.

Вот ведь балбес, надо было их выломать заранее, устроить брешь, тогда бы не пришлось рисковать. Но нет же, боялся звук лишний издать, не хотел привлекать внимание к набитому сокровищами супермаркету.

Ограда выдержала и на этот раз. Пусть и выгнулась нехорошо, но перебрался через нее без эксцессов, спрыгнул, как показалось, слишком шумно, и потому присел в росших на другой стороне кустах, с замиранием сердца ожидая реакцию врагов. Но нет, все тихо, тревогу не подняли.

Повезло.

Но тихим можно назвать лишь ближнее окружение, а дальше много чего происходит. То и дело стреляют, причем в разных направлениях, в стороне дороги, по которой Трэш попал в город, прогремел взрыв, сирена, как выла, так и завывает, где-то в районе многоэтажек повторяют все тот же текст про спецоперацию, там же в небеса при полном безветрии вертикально поднимаются три дымных столба. Там явно что-то горит, причем, конкретно, а не пару покрышек ради забавы подпалили. Иногда кричат что-то непонятное, как рядом, где-то возле автостоянки, так и по другую сторону супермаркета, на пределе слышимости. Что хуже всего, звуков много, зачастую они сливаются, не понять, в каком направлении сейчас тише всего, то есть, куда можно попробовать уйти.

Оставаться здесь не хотелось, этот скверик перед просматриваемым со всех сторон зданием старой постройки становится слишком оживленным. Здесь прекрасно слышно, как подъезжают новые машины, обычно не легковые. Похоже, эти люди собрались вывезти содержимое супермаркета до последней банки.

Не исключено, что и сюда захотят заглянуть.

К тому же, не следует забывать о паре мертвецов. Их скоро обнаружат и вряд ли придут к выводу, что те умерли естественной смертью, оставив на стене занятное сообщение. То есть, неизбежно возникнет вопрос по поводу личности автора надписи, а там и поиски недолго организовать.

Нет, отсюда надо сваливать. Как можно дальше сваливать.

Сперва крадучись в кустах, потом ползком между благоухающими цветочными ароматами клумбами, направился прочь. Вскоре даже слабые укрытия почти сошли на нет. С одной стороны протягивалась та самая дорога, от нее Трэша прикрывают кусты, но звуки они не поглощают, слышно, как тяжелые машины раскатывают, делать там явно нечего. С другой виднеется детская площадка, просматривается она отлично - тоже рискованный вариант.

А вот с третьей стоят пятиэтажные дома, до проезда между парой из них осталось метров семьдесят, и укрытия начинаются только под конец - всего-то тройка машин стоит, погоду они не сделают.

Хоть бери, да назад возвращайся, в те же кусты, они единственные на всю округу имеют право называться густыми.

Нет, все же слишком жидкое укрытие, враги там поблизости толпами шастают, и о совершенном преступлении не стоит забывать. В общем, нечего там ему делать. Решившись, Трэш вновь полез через изгородь, и на этот раз она терпеть такое издевательство не стала, - целая секция со скрежетом отделилась от соседних, завалилась с грохотом и звоном, едва не прищемив пальцы об асфальт. Вовремя успел ладони отдернуть.

Нашумел, так шашумел...

Это просто обязаны услышать издали, поэтому, не медля ни мгновения, Трэш помчался к проходу между домами, напряженно оглядываясь. Послушалось, или рядом взревел мотор? Кто-то решил подъехать, проверить - по какому поводу переполох? В таком случае, надо мчаться без оглядки, смирившись с риском попасться кому-нибудь на глаза.

Ну а какие еще варианты? Забраться в один из домов, что ли? Ну да, конечно, а вдруг там сумеют выследить? В таком случае, получится, сам себя в тесную ловушку загонит. Если и укрываться в зданиях, так только больших, с высоченными потолками, огромными помещениями, кучей разнесенных друг от дружки выходов, как в оставленном за спиной супермаркете.

Из него он выбрался пускай нервно, но зато без лишних отверстий в броне.

Квартал пятиэтажек закончился быстро, дальше протягивался

широкенный бульвар. Его центральную часть занимала непроезжая полоса, засаженная рядами молоденьких деревьев, но это не помешало заехать помеченному красным ромбом бронетранспортеру на середину, раскрыв бойницы и крутя башней. С такой позиции он контролировал два направления на большой дистанции.

Можно подождать, пока башня развернется в противоположную сторону, выскоить из-за пышного черемухового куста, за которым укрывается, секунд за пять-семь домчаться до другой стороны бульвара и скрыться за первым же домом. Пока увидят, пока среагируют, пройдет время, обстрелять не успеют. Но это значит, выдать себя, и, очень может быть, вновь навлечь погоню, по которой ничуть не соскучился.

Врагов много, они хорошо вооружены и знакомы с местностью, а Трэш один, и он тут первый раз, понятия не имеет, где здесь что.

Тогда куда? Позади он нашумел и наследил, делать там совершенно нечего, справа, неподалеку, к тому же бульвару протягивается все та самая дорога, по ней, судя по шуму, ездят часто. Слева? Там тоже пятиэтажки, укрытые между ними или вообще нет, или они встречаются эпизодически, погоды не делая - стопроцентно надежных практически нет. Вон, прямо сейчас из окна третьего этажа безумными глазами таращится бородатый мужчина, перед этим торопливо развешивавший с подоконника ленты туалетной бумаги, как приказывали с разъезжавшей по округе машины. Похоже, разглядев чудище, испытал чувство огромного сожаления по поводу того, что не догадался приберечь гигиеническое средство для использования по основному назначению.

Трэш, опасаясь, что мужчина криками выдаст его позицию, поднес к губам вытянутый указательный палец, нехитрым способом призывая к тишине. Этот безобидный жест почему-то оказал на бородача сильное психологическое давление, он, скорчив неописуемую гримасу, скрылся из виду в одно мгновение.

А Трэш развернулся налево, по широкой дуге обошел двор, чтобы со стороны бульвара не заметили, дальше наткнулся на ограду детского садика, столь хлипкую на вид, что перебираться через нее не рискнул. Возникла мысль перепрыгнуть, чувствовал в себе силы это проделать, но побоялся. Увы, опыта трюкачества маловато, надо бы как-нибудь потренироваться на досуге, проверить - на что способен.

Обойдя детсад, забрался в квартал низких двухэтажных домов. Явно не новые, уродливо окрашенные, но Трэшу до архитектурных изысков нет никакого дела, он от этой застройки был в восторге. Точнее, не совсем от застройки - ему дворы понравились. Жители разбили под окнами цветники

и даже грядки с какими-то пищевыми культурами, также насажали деревьев и кустарников, которые успели густо разрастись. Плюс вездесущие заборчики, какие-то непонятно для чего предназначенные будки, сарайчики, железные коробки гаражей, там и сям стоявшие машины и мусорные баки. Просто рай для того, кто не хочет попадаться на глаза, но при этом его габариты не способствуют незаметности.

Даже мысль зародилась - почему бы здесь не остаться? Но, оглядевшись, понял, что куда бы сейчас не забрался, нельзя исключить, что за занавеской одного из окон засел очередной "бородач", который прямо сейчас прикидывает, как бы половчее сдать Трэша врагам.

Нет, он пойдет дальше и дальше. Судя по тому, что шум остается за спиной, именно там располагается эпицентр событий, а этот район не привлек внимание, или до него очередь не дошла.

Надо сматываться отсюда, пока все не изменилось.

Спрятался под козырьком подъезда, испугавшись шума с небес. Там, в вышине, с тихим жужжанием промелькнуло что-то мелкое и быстрое, за ветками деревьев неразличимое. Подождав, когда непонятная штуковина удалится, направился дальше, крадучись за машинами и зарослями.

Осторожность себя оправдала, - он не нарвался на очередной моторизированный пост.

На этот раз вышел не к открытому бульвару, перед ним протягивалась всего лишь рядовая улица с не слишком широкой проездной частью. Но вот газоны со скучной травой по обеим сторонам очень даже приличные, укрытий за ними нет, если не считать деревья, за которыми Трэшу не спрятаться - мелковаты для его туши.

Как и в ситуации с бульваром, преграда приличная и хорошо просматриваемая. Люди, наполнившие город шумом и украшенной красными ромбами техникой, это понимали, и потому поставили чуть правее, на перекрестке, пятнистый пикап с крупнокалиберным пулеметом. Стрелок за ним вовсю крутил головой и было понятно, что, в случае обнаружения угрозы, очень быстро развернет свое оружие. Два автоматчика, спинами прислонившиеся к бортам машины, тоже смотрели по сторонам. Нечего и думать проскочить мимо них незаметно.

А это кто такой? Трэш увидел, что почти напротив кустов, используемых в качестве укрытия, из прохода между пятиэтажными домами, квартал которых располагался на другой стороне улицы, вышел "странный". Мужчина в разорванной темно-синей рубашке, его замусоленные брюки волочились следом, зацепившись штаниной за левую ногу, на голом, покрытом запекшейся кровью бедре, просматривалась

бездобразная рваная рана, из-за которой он сильно хромал.

Неизвестно, куда направлялся покалеченный. Возможно, на далекий шум сирены, Трэш до этого неоднократно замечал, что каннибалов привлекают громкие звуки. Однако выйдя из-за дома, тот повернул голову и увидел пикап. Это его заинтересовало настолько, что разом позабыл о прежних планах. Сильно припадая на поврежденную ногу, неловким галопом помчался к машине.

Неужели, это один из тех, кого призывают выходить? Как-то не верится, до этого Трэш "странных" выделял в отдельный вид, кроме как в гастрономическом интересе никак не пересекающийся с теми, к кому сейчас направлялся неряшливый мужчина.

Пулеметчик крутил свое тяжелое оружие, но стрелять не стал, вместо этого тихо произнес:

- Торт, к тебе клиент.

До машины больше полусотни метров, сказано негромко, но Трэш расслышал достаточно отчетливо, чтобы опознать все слова. Слух у него восстановился, как и многое другое.

Один из автоматчиков небрежно перекинул оружие за спину, нагнулся, поднял с асфальта взвешенный арбалет, вскинул к плечу, почти не целясь, выстрелил. "Странный", просеменив несколько шагов на нетвердых ногах, закрутился, обматывая лодыжки изгаженными штанами, согнулся, завалился на бок, задергался в агонии.

Убийца, неспешно перезарядив арбалет, положил его туда же, где он был до этого и неторопливо направился к жертве. Пинком заставил голову чуть повернуться, присел, одновременно доставая нож, взрезал опухоль на затылке трупа, покопался в ней лезвием, брезгливо сплюнул, поднялся, разворачиваясь, произнес:

- Пустой. Откуда он вообще взялся, вроде никого не было?

- Минтай чистил, а он часто с приманками косячит, - заявил на это пулеметчик.

И что это вообще было? Трэш из случившегося ничего не понял, кроме того, что, скорее всего, "странные" и эти друг с дружкой сильно не в ладах. Он, как бы и до этого подозревал, что о мире и любви между ними не может быть и речи, но тут уже вообще не поспоришь: одни едят других, другие просто убивают. Такие вот интересные у них отношения.

И еще кое-что подметил - это не похоже на убийство, это явно рутинная работа, к которой люди у пикапа давно привыкли, что говорит само за себя.

Ладно, это их дела, а у него свои. Как бы эту некстати

нарисовавшуюся машину обойти половчее, чтобы не пришлось большой крюк давать, и чтобы не заметили? Справа так и тянутся дома, слева улица заканчивается массивом высокой зелени. Лес или густой парк, там спрятаться проще, потому что меньше вероятных взглядов из окон. Туда, что ли, податься?

Размышления Трэша были прерваны появлением новых действующих лиц. Причем, появление получилось затяжным. Первым делом он их почуял - едва ощутимый ветерок, задувавший с другой стороны улицы, принес запахи застарелого пота, пороха, пыльной одежды и воинской сбруи. К незатейливой гамме примешивался резкий аромат косметических средств. Трэш успел нанюхаться этой въедливой гадости в супермаркете, там целый отдел возле выхода под нее отдали. Последнее не ассоциировалось с врагами, а вот все остальное очень даже ассоциировалось.

А еще он неожиданно уловил очень бледное, почти неощутимое, кисловатое благоухание, заставившее сердце забиться чаще.

Запах живца.

И Трэш понял - ни к какому лесу или парку он не пойдет. То есть, именно сейчас не пойдет. Он просто не в состоянии проигнорировать такой соблазн. Рискованно это или нет, но он обязан забрать у этих людей самое ценное, что существует в этом непонятном и жестоком мире. Все равно, сколько их окажется, Трэш непременно это сделает, ему не привыкать в одиночку выходить против толпы.

Только в карьере призом была жизнь, а сейчас кое-что другое.

Глава 13

Из прохода между домами вышли четыре человека. Двоих можно смело отнести к злейшим врагам Трэша: разномастная смесь камуфляжа и добротной гражданской одежды неброской расцветки, разгрузочные жилеты, оружие в руках, характерные лица людей, которые много чего повидали, и это обогатило их не только негативным опытом, но и злобой, замешанной на недоверчивости. Взгляды цепкие, озираются непрерывно, заметно, что готовы открыть стрельбу по любому поводу.

Остальные на них не похожи. Во-первых - это женщины. Одна совсем молоденькая, не так давно из детского возраста вышла: болезненно-худая, лицо осунувшееся, взгляд сонно-отстраненный, ноги заплетаются. Похожа на серьезно больную, будто вот-вот бредить начнет. Вторая раза в два с половиной постарше, если не больше, тоже шагает неуверенно, тоже не выглядит идеально здоровой, но держится несравненно лучше. Идут они не сами по себе, их, похабно посмеиваясь, подгоняют мужчины, направляя к пикапу. Причем подгоняют грубо, то и дело тыкая стволами в спины.

Трое у машины синхронно обернулись, пулеметчик поприветствовал приближение четверки насмешливым криком:

- К таким подругам хорошенко выпить полагается. Что, посимпатичнее найти не смогли?

Один из подходившей пары мужчин в очередной раз ткнул младшую женщину автоматным стволом, при этом заявив:

- Да я ее специально для тебя привел, прекраснее во всем городе не найти.

- Что-то ты щедрый сегодня. А чего сам не полез?

- Да у меня на тебя быстрее встанет, она же страшнее моей тещи.

- И выглядит неважно.

- А я тебе о чём? Она уже почти готовая, вот-вот на людей начнет кидаться.

- Так в этом самый смак. С огоньком барышня. Что, даже не попробуешь? Слаб стал?

- Это кто слаб стал? Я? Да без проблем. Но говорю же, не для себя привел, о тебе позаботился.

- Так я не жадный, поделюсь.

- Ладно, уболтал. Но давай полюбовно ее поделим, ты спереди, а я

сзади.

- Не, давай наоборот.

- Чего это тебя на черные ходы тянуть начало?

- Да смотрю, она зубастая и вот-вот обернется. Ты прав, последние минуты пошли, стремно к такой морда в морду работать. Как вообще протянула столько, все уже урчат давно, город уже три дня, как грузанулся.

- Может, беременная или с течкой проблемы, у таких это дело часто затягивается. Но эта-то, ничего, - пнув старшую, второй мужчина заставил ее присесть на асфальт и начал расхваливать: - Старовата, зато опыта, на роту таких студенток. И вон, сюда глянь, буфера имеются, а не пара гнойных бородавок, как у этой. Ну так что, кто первый?

- Аарат, а сам-то чего? - спросил один из стоявших у машины автоматчиков.

- А я все уже, со студенткой по-быстрому разобрался.

- Да иди ты! - неприятно поразился пулеметчик. - Опять шутишь? Она же вот-вот того, уже не соображает ничего.

- Ну и что? Зачем ей соображать, бабе и без мозгов жить нормально. Так что, пока урчать не начала, можно пользоваться моментом. А некоторые и от свежачек тащатся. Что, скажете, не слыхали о таком? Да тот же Брага по ним спец, кого хочешь спроси. Он даже на гланды им сдавать ухитряется, настоящий профи, снимаю шляпу.

- Ага, скажи еще, что у него болт титановый.

- Не, он им, перед самым главным, зубы вышибает. Говорит, размочаленными деснами прикольно кусаются, так сказать, пикантный момент, - на этих словах все, кроме пулеметчика и женщин, похабно заржали.

- Давай, Прыщ, не стесняйся, я подежурю, - продолжил явный заводила компании.

Пулеметчик покачал головой:

- Мичман сказал, за такие дела на зачистке яйца поотрывает и внешним отвезет.

- Ну да, ага, и отрывать их будет голой мозолистой рукой, без обезболивания или хотя бы предварительных ласок. Ну раз Мичман сказал, так и будет, всякий знает, что он в таких вопросах не пустобрех. Вот только, кто узнает? Оглянись, тут все свои, стукачи не задерживаются. Ты только посмотри, какая ягодка для тебя выросла. Давай уже, покажи класс, давно пора становиться мужиком.

С этими словами весельчак, похабно ухмыляясь, разорвал на младшей женщине платье до пояса и, грубо поглаживая ее за едва заметную грудь,

мерзостно расхохотался. Его поддержали остальные, а та, как стояла бездумно таращась куда-то вдаль, так и продолжала стоять.

Все это Трэш выслушивал уже перебравшись в другое место. Точнее, кое-что долетало до ушей, когда он укрывался в зарослях, но это были уже другие кусты, поближе к пикапу. Очень плохо, что заросли чем дальше, тем опаснее редели, к тому же местами приходилось преодолевать участки, где спрятаться с его габаритами нереально.

В один из таких моментов пулеметчик в очередной раз быстро крутанулся - несмотря на увлеченную беседу, он не забывал контролировать окрестности и сейчас уставился прямо на Трэша в тот миг, когда тот замер, пытаясь укрыться за деревом, диаметром лишь немногим превосходящим толщину его бедра.

Попался.

Но, странное дело, глядя чуть ли не в упор (до Трэша и полусотни метров не набиралось), мужчина не изменился в лице, не поднял тревогу, не попытался навести пулемет на весьма заметную цель. Просто смотрел и чуть хмурился, будто ему что-то не нравилось в пейзаже, но на этом все ограничивалось - никаких решительных действий не предпринимал.

Человек ослеп? Или Трэшу достаточно сделать вид, что он спрятался, после чего мгновенно в невидимку превращается?

Хороший вопрос. Жаль - без ответа.

Пулеметчик резко обернулся назад, как раз подошло время момента, когда разорвали платье, что вызвало дружный смех мужчин и повышенное внимание к происходящему, а также гневный вскрик старшей женщины:

- Да что же вы творите, мрази?!

- Не переживай, старуха, и для тебя что-нибудь прибережем, без ласки не останешься, - через смех пообещал все тот же говорун.

А Трэш, осознавая, что невероятное везение вот-вот может закончиться, а до машины осталось всего ничего, причем по голому, лишенному даже намека на укрытие пространству, внутренне подобрался, готовя себя к крайне негуманным действиям, после чего решительно сорвался с места. Он попытался повторить то, что у него получилось в карьере, когда прямо со старта гонки на корню обломал кровожадные планы своих несостоявшихся убийц.

Скорость решает все. Он сейчас не пил живец, очень сильно ее стимулирующий, зато не так уж мало времени, как следует, объедался и много отдыхал. Раны залечились полностью или частично, состояние ничуть не хуже, чем в тот раз, а ведь тогда он сумел выбраться, несмотря на все усилия многочисленных врагов.

А здесь их всего лишь пятеро, и они даже не догадываются о присутствии Трэша.

Он справится.

У пулеметчика будто глаза на спине выросли - что-то почуяв, начал поспешно разворачиваться. Но поздновато спохватился, Трэш успел разогнаться, он уже слишком близко. Прыгнув метров с четырех, перелетел через пикап, ухватывая за собой не успевшего ничего предпринять противника и заодно ударом коленом сбивая его оружие, выворачивая крепление турели из днища кузова. Упасть постарался так, чтобы, подмяв под себя орущее тело, вонзить в него несколько шипов нагрудной брони. При этом даже не попытался остановиться, а наоборот, оттолкнулся левой рукой от асфальта, уходя в перекат к четверке, обступившей женщин.

Мог бы извернуться, и, прокатившись размахивающим когтями механизмом для убийства, сбить их всех до единого, заодно и покалечив. Но счел, что так поступать нельзя - неправильно. Все дело в женщинах - что одна, что вторая, несомненно, не связаны с этой пятеркой мужчин, причем, враги Трэша относятся к ним с откровенным негативом. Не факт, что они его союзницы, но будет лучше, если он постараится их не задеть.

Одного мужчину снизу пнул ногой в живот, вложив в удар не только силу, но и скорость не успевшего остановиться тела. Тот, после такого подарка, шумно выпустил воздух из сплющенного кишечника и легких, взлетел, сложившись при этом вдвое, после чего с сочным звуком врезался спиной в ствол дерева на высоте пары своих ростов. Второго Трэш успел ухватить под колено, играючи повалил, заставил катиться дальше вместе с собой, стараясь, чтобы тому как следует доставалось шипами. В итоге, когда остановились, тот оказался крепко пришипленным к броне в нескольких местах и кричать уже не мог, только утробно хрюпал, обильно пуская кровь изо рта.

Трэш начал подниматься, морально готовясь к тому, что сейчас по броне начнут колотить пули, - парочка, до которой он не дотянулся из опасения навредить женщинам, не должна смотреть на творящееся безобразия вечно, оставшиеся не покалеченными мужчины обязаны как-то отреагировать.

И враги отреагировали: первый прытко помчался в одну сторону, второй - в другую. Никто даже не попытался воспользоваться своим оружием.

Встав, Трэш стряхнул с брони хрюящего умирающего, опустил ногу на пулеметчика, с хрустом раздавив его череп, посмотрел на того, который прилетел в дерево и не заметил там никаких признаков жизни. Покосился в

сторону каждого из убегающих, выделил самого прыткого, и легко догнал его приблизительно за три секунды, - этот противник улепетывал, то и дело оглядываясь, и увидев, что его преследуют, с криком ужаса отступил, повалился на колено, и, вскакивая, получил сверху вниз удар кулаком, после которого его голова стала выглядеть скверно.

Обернувшись и стряхивая кровь с ладони, Трэш увидел, что последний из пятерки успел удалиться метров на пятьдесят, а это маловато, он ожидал от него куда большего. Возможно, тоже успел отступиться, или ноги не работают в полную силу из-за нехороших предчувствий (обоснованных). Дистанция не такая уж большая, сбегать туда не лень, но почему бы не сэкономить время, если имеется возможность.

Пригнувшись, Трэш сорвал крышку с канализационного колодца, подкинул ее, поудобнее перехватил и, размахнувшись, запустил вслед убегающему.

Да, все правильно, с меткостью у него проблем нет. Несмотря на приличную дистанцию, попал точно под шею, беглеца ударом смело, швырнуло на асфальт, по которому он безжизненно прокатился еще несколько метров. Можно не ходить к нему, и так понятно, что после такого не поднимаются.

Людишки - слабые создания.

Замерев, Трэш повернулся в одну сторону, затем в другую. Вокруг царили тишина и спокойствие, город никак не отреагировал на кровавые события.

Или не успел отреагировать, схватка вышла поразительно скоротечной, - с того момента, когда Трэш сорвался с места и до сочного попадания металлической крышки в цель, не прошло и двадцати секунд.

Сам от себя не ожидал такой прыти. Да он просто живая молния и это при таких-то габаритах. Причем, напрягаться пришлось лишь в самом начале, дальше уверился в своих силах и не очень-то торопился.

Издали доносился заунывный вой сирены, где-то гораздо ближе тот же лживый голос слово в слово предлагал людям помочь (скромно умалчивая, что при этом их будут пинать автоматами и унижать) и призывал покидать убежища, выходя к машинам с красными ромбиками. Одна из этих машин, как раз, стояла рядом и возле нее происходили совсем уж паршивые события. Причем, на этот раз, Трэш здесь не при делах, тут замешаны другие.

То есть - другая. Девушка в рваном платье присела над телом пулеметчика и вовсю рвала зубами его шею, пытаясь расширить рану, проделанную броневым шипом. При этом она урчала знакомо, но

бессмысленно. Старшая женщина взирала на ее действия дикими глазами, прикусив свою ладонь. В глазах ее царил не просто ужас, там просматривались безумие и вселенский кошмар, похоже, она ничего не соображала.

Как и молодая. Но та "странная", а эта оставалась обычной, похожей на мужчин, которых Трэш только что убил.

Удивительно, но только что, сам к тому не стремясь, он открыл одну из тайн мироздания. Оказывается, "странные" не существуют отдельно от обычных, неопасных людей - тех, которые разъезжают на легкомысленных машинах и не используют опасное для Трэша оружие, даже если им что-то грозит. Получается, последние могут становиться первыми.

Интересно, а наоборот бывает?

Да твою же мать, о чём он вообще думает?! Вот ведь нашел время, будто нечем голову занять.

Очень захотелось подойти к молодой и...

Стоп, а зачем ему ее останавливать? Что плохого она сделала Трэшу? Откуда вообще возникло желание так с ней поступить? Поедает тело его врага? Ну так приятного аппетита, нет смысла возмущаться, ее вкусовые пристрастия никак не задевают интересы Трэша.

Но вот неприятно, и все. Разум понимает, что это не его дело, но все тот же загадочный внутренний голос нашептывает нехорошее, заставляя остро реагировать. Трэш привык его слушаться, но на этот раз решил проявить упрямство.

Нет, ну в самом-то деле, такая впечатлительность никуда не годится! Он уже не первый раз наблюдает за трапезами "странных", пора привыкнуть, не стоит обращать внимание на то, что его не касается.

Кстати, эта женщина вдвойне странная, потому как, все прочие заблаговременно разбегались с пути Трэша, а она почему-то даже не косится в его сторону. Совсем страх потеряла. Или это следствие того, что преобразилась в его присутствии?

Да какая ему разница, сейчас надо делом заниматься, а не анализировать чужое поведение.

Тем более, поведение неприглядное.

Приблизившись к телу, от которого тянуло живцом, Трэш мгновенно углядел источник дивного аромата - плоскую флягу в матерчатом чехле, болтающуюся на поясе. Сорвал, попытался отвинтить пробку, но где там с такими лапами. Поднял над задранной головой, чтобы ни капли не потерять, сдавил когтями, пробивая стенки, дождался, когда выльется, вытряхнул остатки и даже облизать не побрезговал.

Жалкая кроха, но толи этого достаточно, толи все дело в самовнушении, но мгновенно ощутил нешуточный прилив сил.

И захотел добавки.

Поиск еще одного источника самого восхитительного в мире запаха привел к машине. Разодрав крышу, Трэш нашел четыре фляги из алюминия и пластика. Ради них пришлось грубо выпотрошить пару рюкзаков, после чего опустошил все посудины до последней капли. Должно быть, физиономия у него после такого возлияния переполнилась блаженством и умиротворением, но у старшей женщины на этот счет возникло другое мнение, - перестав следить за жутковатыми действиями младшей, покосившись, начала медленно пятиться, взгляд ее стал невообразимо перепуганным.

Трэшу она не мешала, и вообще к ней точно никаких претензий, поэтому указал рукой в сторону пятиэтажек откуда ее привели, после чего произнес:

- Уходи. Иди туда. Не оставайся здесь, они придут. Не слушай, что они говорят, это обман, они злые.

Пытался высказаться простейшими фразами, но все равно ничего, кроме урчания, выдать не получилось. Не похоже, что она поняла хотя бы слово, но простейший указующий жест мимо ее сознания не прошел, развернулась и припустила с такой целеустремленностью, что, рассадив голую ступню об бордюр до крови, ни на миг не сбилась с ритма бега.

Трэш одно за другим обыскал оставшиеся четыре тела, но больше живца не нашел, что сильно его разозлило. Вернулся к машине, ориентируясь по притягательному запаху, и осознав, что его источником являются всего лишь исковерканые им же фляжки, взбеленился совсем уж до крайности.

Неистовая злоба требовала найти ей разрушительный выход, причем немедленно.

Содрав с первого попавшегося трупа куртку, он, скомкав ее, обмакнул в потек крови, перемешанной с мозгами и на капоте пикапа размашисто написал: "Готовьте еще пять гробов".

Довольный содеянным, отшвырнул окровавленную тряпку на газон. Ярость, охватившая до гула в ушах, стремительно отступила, и Трэш, приходя в себя, расслышал подозрительные звуки. Пригнулся над телом пулеметчика, убедился, что они доносятся из радиостанции в его разгрузке:

- Муха-одиннадцать, почему молчите? Ответьте. Муха-одиннадцать, поч... Твою мать!!! Тревога! У нас элита! Код два! Повторяю - код два! Переход на частоту по коду два!

Наверху знакомо зажужжало. Трэш было дернулся укрыться под жиidenькими кронами деревьев, но не успел и шагу сделать, - над машиной завис причудливый летательный аппарат, удерживаемый в воздухе шестеркой расположенных по кругу пропеллеров. Мелкий, почти игрушечный, в таком и пяти килограмм не наберется, высота метров пятнадцать, можно рассмотреть каждую деталь, в том числе глазки целого блока миниатюрных камер, закрепленного под днищем на подвижной подвеске.

Понятно, почему рация так внезапно замолчала. Тот, кто вызывал "Муху-одиннадцать", понял, что ответа не дождется, во всей красе рассмотрел, что стало с теми, кто должны ему отвечать.

Злоба не успела сойти на нет и требовала решительных действий. Хорошо бы сейчас добраться до радиста и пообщаться с ним на тему объявленной тревоги и великих обид, причиненных беспричинно.

О да, Трэшу есть о чем с ним поговорить.

Хотя... Разве дело только в радисте? Город наводнен людьми, выгнавшими Трэша из сытного и теплого места, и они используют технику с ненавистными красными ромбами.

Все эти твари заслуживают смерти, причем немедленно.

Но, несмотря на крайнее возбуждение, Трэш удержал себя от дикого желания подпрыгнуть изо всех сил, попытавшись дотянуться когтями до противно жужжащей штуковины. Слишком высоко, ничего он этим не добьется, только невидимых наблюдателей повеселит наивностью своего поведения.

Не сводя взгляда с блока камер, присел, ухватил за ствол сбитый с пикапа пулемет, поднимаясь, коротко размахнулся, швырнул. Оператор попался не из расторопных, среагировать не успел, - дрон, получив попадание тяжеленным оружием, занято крутясь, стремительно понесся в сторону со снижением, рассыпая по пути мелкие обломки. В одну секунду скрылся за густыми деревьями, после чего послышался сочный удар - должно быть в дом врезался.

Конечно, это не то же самое, что добраться до оператора, но тоже ничего, - Трэш самодовольно осклабился.

Мелькнула мысль, что стоит продолжить веселье, ведь будет неплохо оставить здесь целую гору трупов. Почему бы и нет, если он чувствует себя сильным и ловким, а в голове приятно шумит от принятого живца и тянет на подвиги, желательно, насыщенные действиями насильтвенного характера.

Но нет, он не дикий зверь, лишенный разума, он все понимает. Нельзя

позволять брать верх безрассудности. Врагов слишком много и, судя по шуму, который Трэш неоднократно слышал, пробираясь по городу, у них хватает боевых машин, в том числе и очень тяжелых, грозно грохочущих, ни разу до этого не виданных. Кто знает, какие сюрпризы они могут преподнести.

Устраивать драку вот так, с минимальным опытом, не понимая всех своих сильных и слабых сторон, на территории, которую не знаешь, но которая знакома противнику, причем противнику сильному - смертельно рискованное безумие.

Трэш уйдет - это разумный ход. Он дважды пустил кровь врагам, следовательно, день прожит не зря, не надо все портить новыми отметинами на бронированной шкуре.

Или даже на безжизненной туше.

Но на этом его война не закончена, Трэш только-только начал входить во вкус. Будут новые схватки, обязательно победные, потому что он не станет заниматься глупостями, он будет умен, хитер, и крайне продуманным во всем, что касается мести.

Но, прежде чем уйти, надо нанести последний штрих на картину.

Трэш подобрал выброшенную кровавую тряпку, вернулся к машине и на оставшемся чистым пространстве капота дописал: "Это только начало".

Глава 14

Трэш висел под мостом. Он не впервые использовал эти сооружения в качестве укрытия, но, надо признать, что в прошлый раз все обстояло куда хуже. Ну да, ему тогда пришлось болтаться в холодной речной воде, он тогда замерз до деревянного состояния. Сейчас, надо признать, с удобствами тоже не все радужно, но куда терпимее.

Только-то и надо - повисеть некоторое время под мостом, вцепившись в ржавую трубу, непонятно зачем под ним протянутую.

Ничего, провисит сколько нужно, в отличие от прошлого раза силенок у него и не на такое хватит. Да и кривые когти выручают, они будто созданы для такой деятельности. То и дело проносившиеся над ним машины даже не пытались замедлиться и проверить столь перспективное убежище. А все потому, что мост располагался над сухим руслом, вдоль которого тянулась другая дорога - узкая и без асфальта. Но она тоже пользовалась популярностью, за короткое время по ней проехали два пикапа и гусеничная боевая машина, вооруженная автоматической пушкой. Естественно, вся техника была украшена знакомой эмблемой - красным ромбом. Его наносили даже сверху, причем, в этом направлении старались украсить им все доступные поверхности, будто старались донести свою принадлежность до кого-то, скрывающегося в небесах.

Возможно, так оно и есть, пару раз Трэш засекал подозрительное жужжание где-то наверху. Очень может быть, что враги вновь прибегли к беспилотным летательным аппаратам.

Очень удобная штука, если нужно кого-то найти.

Причем понятно, кого именно они выискивают.

Почему люди, проезжавшие под мостом, не замечали висящего над ними Трэша? Нет, вряд ли дело в их слепоте, просто он в такие моменты уже привычно представлял себя бесконечно маленькой точкой, разглядеть которую можно разве что в упор. Такое поведение глупо выглядит, но, как ни странно, способ как работал, так и продолжает работать. Хотелось бы, конечно, знать, в чем тут дело, но есть подозрения, что вопрос этот столь же безответен, как и многие другие, следовательно, нет смысла терзать голову, надо просто пользоваться и радоваться, что это возможно.

Выбраться из города оказалось не так просто, как представлялось поначалу. Трэш и подумать не мог, что врагов там настолько много, причем

все они поспешили стягиваться к месту, на котором он разгромил пикап. Другие пикапы, легкие бронированные машины разных модификаций, обшитые сталью грузовики и даже танк: чего только не насмотрелся на непростом пути. Не один десяток раз приходилось таиться в сомнительных укрытиях, изо всех сил внушая себе, что он является воплощением незаметности.

Срабатывало безотказно.

Одно напрягало, - под конец, скрываясь от врагов, он то и дело начинал ощущать недомогание. Его слегка мучило, к тому же, донимала нестерпимая жажда, Трэш сейчас готов напиться любой дряни, лишь бы она содержала воду.

Да и голод начал давать о себе знать, - организм привык к сытной регулярной кормежке и, оставшись без завтрака, не понимал, в чем тут дело.

Опять загудел двигатель. Трэш напрягся, готовясь стать незаметным и надеясь, что на этот раз его не начнет мутить от волнения, как случилось в предыдущий. Но пронесло, - невидимая машина проехала по мосту, а не под ним.

Странная беспечность, разъезжают тут поодиночке, страх потеряв. Складывается впечатление, что враги провоцируют Трэша на нападение, чтобы узнать, где он скрывается. Только из-за этих мыслей он передумал устраивать новое нападение и упорно прятался, где только возможно, постепенно отдаляясь от города.

Он неплохо там повеселился, но пора и честь знать. Глупо ввязываться в войну, ровным счетом ничего не зная о месте, в котором очутился.

Да и о себе Трэш знает только то, что выяснил опытным путем, методом многочисленных проб и болезненных ошибок.

Дайте ему время, он освоится и вернется во всеоружии, заставив кое-кого пожалеть о беспечности. Ну да, уж пикапы Трэш сможет разносить десятками, в этом у него уверенность полная. Всем любителям красного ромба придется жить, непрерывно оглядываясь и страдая от ночных кошмаров.

И в какой-то момент, оглянувшись, каждый из них обязательно увидит Трэша и осознает, что это вовсе не сон.

Как же он их ненавидит... Иногда, глядя на себя со стороны, даже удивляется силе этой ненависти. Должно быть, все дело в его неведении. Трэш просто не видит другой жизненной цели, кроме как, методично давить этих ублюдков, пока ни одного не останется.

Но это позже. Сейчас он выберется из местности, охваченной

поисками, найдет убежище, не уступающее супермаркету, восстановится до конца и попытается как можно больше разузнать о мире вообще, об этой местности в частности, ну и, конечно - о себе.

План слишком расплывчатый, но это хоть какой-то план, а не вечное блуждание в поисках пищи.

Кстати о пище - есть хочется все сильнее и сильнее.

Прислушавшись, Трэш уловил очень далекий шум мотора. Километром дальше, и его уже не услышишь. Должно быть, он правильно выбрал направление, удаляясь по диагонали от пересечения тех дорог. Сколько прошел, а впереди и по бокам тихо, лишь позади иногда гудит, но, похоже, вот-вот, и эти посторонние звуки стихнут.

Местность, открывшаяся впереди, глаза не радовала. Если до этого он пробирался по лесополосам и густым посадкам из лиственных деревьев, дальше этот зеленый рай для прячущихся сходил на нет, и начинались возделанные поля. Левее - пшеничное, впереди - кукурузное. Обход не кажется перспективным, там тоже придется выбираться из укрытий, но как-то пройти надо, потому что впереди, в километре, виднеется густая зелень, в ней Трэш не пропадет.

В том, что его способность становиться незаметным работает в движении, уверенности, мягко говоря, нет. Значит, нельзя исключать риск, что, пробираясь полями, он будет обнаружен вражескими наблюдателями. Тогда что остается? Искать обход?

Или...

Трэш решил посидеть чуть-чуть в кустах, на краю лесополосы, дожидаясь, когда небо на западе перестанет отсвечивать красным. Солнце зашло, скоро сгустятся сумерки, кто знает, вдруг темнота затруднит жизнь возможным наблюдателям.

Так и сделал, выбрался лишь тогда, когда мир стал полностью черно-белым. Вблизи у Трэша в такое время суток ни малейших проблем со зрением, а вот чем дальше, тем хуже, на большом расстоянии все оказывается темно-серым, усеянным пятнами и полосами, среди которых мало что получается разобрать.

Сидя в кустах, он не бездельничал, а пытался заранее наметить маршрут. По всему выходило, что надо придерживаться края кукурузного

поля, вдоль него тянулась расхлябанная узкая дорога. Непохоже, что ею часто пользуется. С одной стороны там зеленеет урожай культуры, которую Трэш с некоторых пор недолюбливает, с другой поднимается высокая трава, разбавленная редкими чахлыми кустами. Можно пройти, частично скрываясь за растительностью и не оставляя за собой заметных издали следов, что непременно случиться, если он начнет топтаться, где попало, сминая густо насыщенную растительность.

Чем-то ему это место не нравится. Мерещится какая-то неведомая опасность. Внутренний голос помалкивает, ничего не подсказывает, тут что-то другое, будто воспоминание о чем-то плохом, но, при этом, вспомнить ничего не получается.

Можно ли доверять этому чувству? Или проигнорировать?

Нет, игнорировать нельзя. Вдруг здесь и правда что-то нечисто. Придется держаться еще осторожнее, чем обычно.

Первоначально Трэш планировал передвигаться ползком, при этом его с двух сторон качественно прикроют высокая трава и кукуруза. Увы, план оказался трудноосуществимым, и всему виной броня, или, точнее - притупленные шипы, там и сям из нее торчащие. Проблема заключалась в том, что под тяжестью тела они вонзались в землю на всю длину. Если тулowiще можно как-то приподнимать, то что прикажете делать с голенями и коленями, на что без них опираться?

Перепахав несколько метров дороги, Трэш, обернувшись, убедился, что, как трактору с плугом - ему цены нет, но вот ползти с такими неудобствами придется до утра.

И еще, на дороге останется такой след, что его чуть ли не из космоса разглядеть смогут. А это совсем уж нехорошо, никто не должен знать, куда ушел беглец, он ведь немало сил приложил, столько времени оставаясь незаметным и не позволяя своей агрессивности взять над собой вверх. Надеялся оставить преследователей с носом, пусть так и ищут его где-нибудь позади.

Эх, а ведь тот пикап, который в одиночку проехал под мостом, можно было разнести в несколько секунд со всем экипажем, - он почти точно под убежищем Трэша проскочил.

Несколько секунд потратил на размышления, после чего решительно поднялся и бегом припустил по дороге. При этом изо всех сил внушал себе, что он не тяжеленное создание, под которым с час назад сломался дощатый мостик, протянутый над ручьем с вкуснейшей водой, а невидимая невооруженным глазом пушинка. Хорошо, если этот фокус работает в движении, но почему-то Трэш на этот счет испытывает великие сомнения.

Но даже если все не так, с его скоростью он мигом домчится до приличных кустарников, разросшихся слева от дороги, а по ним уже дотащится до лесополосы, которая начинается приблизительно в километре. Слева и справа поля, местность открытая, если там засели наблюдатели, они легко рассмотрят мчащуюся немаленькую фигуру. Но не факт, что они есть, к тому же, при малой толике везения могут смотреть в другие стороны.

И вообще - не надо раньше времени браковать невидимость в движении.

Что-то с угрожающим шелестящим присвистом пролетело слева и тут же впереди. Трэш инстинктивно дернулся, что изменило скорость и, возможно, спасло ему жизнь, хотя узнал он об этом спустя приличный по меркам этого непростого мира срок.

В бок ударило с такой силой, что тело, застигнутое в неудачно-неустойчивый момент, закружилось, отказавшись мчаться дальше. Трэшу только и осталось, что подогнуть ноги, заваливаясь под прикрытие стены кукурузы, после чего торопливо перекатиться со спины на брюхо несколько раз, накалывая на шипы ломти липкой почвы.

Дальше, еще дальше, надо побыстрее убраться от места, куда с дурной силой что-то раз за разом стучит, щедро разбрасывая куски выбитой земли. Невидимый и почти неслышимый стрелок не видит цель за зарослями, но упорно бьет в то место, где она упала, надеясь поразить вслепую. Кукурузные стебли десятками заваливаются под ударами тяжеленных пуль или даже снарядов, разбрызгивая труху от листьев и зерна от разнесенных початков.

Нет, наверное, все же - просто крупнокалиберные пули. Снаряды должны взрываться, а эти просто бьют по дороге и краю поля.

Но бьют, надо признать, эффектно: торопливо, по две-три штуки в секунду, шумно, зреющим раскидывая увесистые комки земли, то и дело колотящие по телу Трэша.

Не успел толком откатиться, как обстрел стих, будто его и не было. Лишь разбитая пулями дорога позади, и онемевший после удара бок свидетельствовали, что случившееся не померещилось.

Но Трэша наступившая тишина не обманула. Пусть внутренний голос подсказывал, что опасность осталась позади, на этот раз он ему не верил. Кто-то только что не пожалел кучу боеприпасов, накосив кукурузы на пару стогов и теперь, должно быть, намеревается завершить начатое.

То есть - добить живую мишень.

Трэш обнаружен, это очень плохо. Но есть и плюс, теперь он знает, с какой стороны враг - справа затаился. А кукуруза там вымахала прилично,

в отличие от травы и колосящейся дальше пшеницы, она может прикрыть не только когда передвигаешься по-пластунски, перепахивая дорогу шипами. Трэш направился дальше на манер четырехногого паука - упираясь в землю только ступнями и ладонями, держа тело на весу. Не очень-то удобно, ну да чего не сделаешь, если жить захочешь.

А жить хотелось, как никогда сильно.

Удивительное дело, но больше по Трэшу не стреляли, и гул приближающихся моторов не доносился. Складывалось впечатление, что оставшийся невидимым стрелок попросту потерял к нему интерес.

Стоп, а почему невидимый? Ведь за миг до того, как вокруг начали летать пули, Трэш краем глаза заметил едва заметные отблески далеко справа. Даже повернуть голову хотел, но не успел. И хлопки оттуда доносились, похожие на выстрелы, но определенно странные, да и слишком тихие для столь разрушительных последствий.

Что там располагалось? Зрительная память подсказывает, что там, посреди кукурузного моря, вздымается нелепо выглядевший холмик. Нет, он достаточно живописный, вот только выглядит чужеродно, искусственно, скорее всего, в его рождении замешан человек, а не природа, а в голове почему-то вертится непонятное слово - курган.

Внутренний голос согласился, что именно на том холмике расположился стрелок, но при этом продолжал настаивать, что бояться совершенно нечего. Главное - не высовываться из-за кукурузы, и все будет хорошо.

Но в такое не верилось совершенно.

Трэш добрался до кустов, однако и за их прикрытием не ощущал себя в безопасности. Так и передвигался в прежней манере, продолжая чутко прислушиваться, ожидая, когда же подбирающиеся убийцы себя выдадут. Но те продолжали делать вид, что напрочь игнорируют чудище, которое устроило им сегодня обильно сдобренный кровью переполох.

Лишь добравшись до лесополосы, Трэш позволил себе вскочить и помчаться по ней, не разбирая дороги, сминая кусты и с треском ломая молодую поросьль. Все это происходило с таким шумом, что он потерял возможность следить за посторонними звуками, но когда через пару километров остановился, ничего постороннего по-прежнему не смог расслышать.

Чуть успокоившись, решил, наконец, заняться собой. Присев, тщательно изучил полученные повреждения. Увиденное его одновременно обрадовало и неприятно озадачило.

Первая новость - хорошая. Оказывается, он, по сути, не ранен -

отделался странно выглядевшей царапиной. Пуля не добралась до мяса, она ударила по касательной в стык пластин, после чего у одной надколола край, а у второй вырвала всю верхнюю часть, остатки болтались на клочьях подкладки из почти не кровоточащей ткани, напоминающей очень крепкую и армированную стальными волокнами кожу.

Этим повреждения не ограничивались, - пуля, пролетая дальше, пробороздила еще две пластины, одну из них чуть ли пополам не расколола. Таким образом, броня Трэша обзавелась пробоиной, и протягивающейся от нее ослабленной зоной, куда его сейчас можно поразить самым несерьезным оружием.

Ну это получится только если странная кожа не окажется с сюрпризами. По ее виду можно предположить, что она на них богата.

Самая скверная новость заключалась в том, что если это и правда пуля, то его броня не настолько крепка, как он предполагал. Очень уж много разрушений от единственного попадания, к тому же, прошедшему вскользь. До этого ничего подобного не наблюдалось, пластины всего лишь обзаводились выбоинами, или, в тяжелых случаях - пробоинами.

Может никакая эта не пуля? Может и правда снаряд? Ну а не взрывались они по причине того, что какие-то особые.

Ладно, чего уж тут голову ломать - жив, и ладно. Повреждения брони не вечны, они тоже затягиваются, пусть и не так быстро, как хотелось бы. Трэш отыщет убежище и еду, отлежится, залечит и новые пробоины, и старые, в возможностях своего организма он уверен, тот на многое способен и не с таким справлялся.

Кстати, по поводу поисков убежища и еды - ночь длится не так уж и долго, а он пока что не нашел ни то, ни другое. К тому же поблизости находятся враждебно настроенные люди, вооруженные пушкой или каким-то особо коварным пулеметом.

Еду Трэш нашел случайно и не сказать, что сильно ей обрадовался. Второй раз с такой сталкивается и первоначальное мнение не изменил - вкусом не радует, но если ничего другого нет, пожевать можно.

Пища обнаружилась в совершенно неожиданном месте. Он-то надеялся найти еще один супермаркет, ну или магазин поскромнее, но чтобы непременно богатый тушенкой и прочими деликатесами. Однако, до

исхода ночи не обнаружил ничего, что напоминало окраину приличного населенного пункта. Пару раз замечал вдали скромные домишкы деревень, но это совсем не то, ему требуется город, в самом худшем случае - городок.

Местность радовала, ловушки в виде открытых вражеским взглядам полей остались позади. Теперь Трэш пробирался по светлым, богатым дубом и абрикосами лесочкам, из одного в другой можно прокрадываться по заросшим густым кустарником пространствам, нигде не подставляясь под новый обстрел непонятно из чего.

Пройдя через очередной, не отличающийся от прочих, лесок, вышел к широкой асфальтированной дороге. Так уж совпало, что в этот момент по ней с целенаправленным видом шагали три "странных", грязных до такой степени, что, несмотря на полное отсутствие даже намека на ветерок, Трэш их сначала унюхал, а уже потом услышал и увидел.

Ради озорства не удержался, вышел из зарослей, остановился на обочине, угрожающе развернувшись в сторону людоедов. Те, тоже остановившись, несколько секунд всматривались во мрак, похоже, испытывая проблемы со зрением в такую пору. Но все же рассмотрели нервирующие подробности - развернувшись, припустили прочь с завидной быстротой и еще долго трещали ветвями, удаляясь в чащу леса, который продолжался за дорогой.

Трэш, прокрадываясь по заполненному врагами городу, неоднократно видел схожие сцены, - как хорошо вооруженные люди разнообразными способами убивали "странных". Ни разу их не игнорировали, пускали в ход пулеметы и прочее при любой возможности.

Отсюда можно сделать вывод: друг другу они не друзья.

А дальше напрашивается второй вывод, очень даже полезно-злободневный, - в направлении, откуда топала эта троица, врагов нет (или, по крайней мере, их там не было недавно).

В общем, с выбором дальнейшего маршрута затруднений не возникло - Трэш продолжил движение уже по дороге, что заметно повысило его скорость. Почему именно по дороге? Небогатый жизненный опыт на пару с загадочным внутренним голосом уверяли, что дороги прокладываются не просто так, они всегда куда-то ведут.

В том числе и к городам.

Вскоре Трэш дошел до брошенной машины, затем еще до одной. Местность начала напоминать уже знакомую, где он, голодный и замерзший, одно за другим обыскивал транспортные средства в поисках жалких крох невкусной малопитательной пищи. Но нет, это другие края, нет сомнений, что не путается в направлениях, если потребуется, готов

повторить весь свой путь, даже на черноте не растеряется.

На этот раз машины его внимание не привлекали, он, пока что, не настолько голодный, терпимо. Но чуть дальше пришлось изменить себе - это того стоило.

Очередной поворот вывел к странно выглядевшему месту: шикарная асфальтовая лента заканчивалась, будто обрезанная, а дальше тянулась неказистая грунтовка. Выглядело это крайне неестественно, живо напомнив неоднократно виденные схожие места. Вспомнить хотя бы то - самое первое, странность которого Трэш сумел оценить, несмотря на то, что пребывал в полуживом состоянии. Тот самый травяной клин перед злополучным мостом, где пришлось пережить кучу приключений (причем, исключительно неприятных).

Здесь травяного клина нет, но граница, рассекавшая чуждые участки поверхности, заметна. Вон она, ровной линией тянется, отмеченной сменой растительности и свисающими со столбов аккуратно перерезанными проводами.

Перед линией, за которой отсутствовал асфальт, выстроилось скопище машин. Люди, доеzzя до этого места, почему-то их бросали, уходили пешком или оставались в виде россыпей костей. Пара автомобилей застыла дальше, на грунтовке, похоже, они там застряли, очень уж серьезные колдобины, а посадка у них заниженная, предназначенная для ровных дорог.

Великаном среди лилипутов возвышалась окруженная подпиравшими ее легковушками фура. И возле нее происходило кое-что интересное, - не меньше десятка "странных" колотили по бортам прицепа-рефрижератора или пытались вскарабкаться на него. Они были столь увлечены своим непонятным занятием, что не замечали Трэша, пока он не оказался в паре десятков шагов от них.

Дальше все протекало стандартно: дружно притихли и прыснули в разные стороны парами и тройками, забитый машинами пятак обезлюдел в несколько секунд.

Трэш, пробираясь через затор, первоначально планировал подробно изучить линию, разрезавшую дорогу. Хотя, если честно, особого смысла в этом не видел, потому как и отсюда можно разглядеть все, до мельчайших деталей. Да, действительно очередная странная граница, коих он уже навидался, и коим до сих пор не нашел объяснения. Смотри не смотри, а результат не изменится.

Странные дела тут творятся.

Добравшись до фуры, он был вынужден изменить планы, - от прицепа

отчетливо тянуло сырым мясом. Запах не сказать, что сильно аппетитный, но после суточного голодания крутить носом не стоит.

То, с чем "странные" не сумели справиться толпой, для Трэша вообще не проблема, добрался до начинки рефрижератора меньше, чем за минуту. Обнаружилось, что фура перевозила замороженные говяжьи туши, уродливо разрубленные напополам. Неизвестно, как долго она простояла брошенной, но разморозиться не успела, внутри сохранялась отрицательная температура.

Трэш, вытащив одну полутушу, поморщился, тяжело вздохнул и, откусив от нее кусочек, начал жевать. Во рту стало неприятно-холодно, но может это и к лучшему, вкус не чувствовался, а он у сырого мяса не из тех, которыми получится наслаждаться.

Может, приготовить его? Но как? Зажарить на углях? Трэш с сомнением покрутил перед собой ладони. Пальцы слишком толстые и закованы в броневую чешую, когти массивные, кривые, такими только рвать и дробить, а вот чиркнуть спичкой не получится.

Какое-то странное ощущение, он почему-то знает, что когда-то обращение со спичками и зажигалками не являлось для него неразрешимой проблемой. Откуда взялись такие мысли?

Да откуда же, откуда и многое другое - неизвестно откуда.

Морщась, продолжил жевать мясо, уставившись за обочину, на которой возвышался металлический щит с указателями. Если ему верить, в пяти километрах отсюда располагается какой-то Шахтинск. Скорее всего - город, туда-то Трэшу и нужно. Вот только, сканивая взгляд на грунтовку, начинал сомневаться, что пройдя нужное расстояние, обнаружит искомое. Уж очень неказисто выглядела дорога и смущала резкая смена, как покрытия, так и прилегающей местности.

Да тут даже провода перебиты, причем столбы по ту сторону совершенно другой конструкции. Что же это вообще такое?

В зарослях, правее щита с указателями, Трэш засек движение. Он и до этого слышал, что там кто-то подбирается, но ничуть не волновался по этому поводу, потому как уловил свежий запах "странных", а опыт показывал, что их опасаться не следует. Еще один заявился, рассчитывая получить свою долю с фуры.

Ничего, как пришел, так и уйдет.

Точнее - убежит.

Трэш, озорства ради, запустил в шевелящиеся кусты увесистую кость, на которой оставалось немного мяса. Шевеление на пару секунд стихло, но затем возобновилось, после чего послышалось довольное урчание,

сопровождаемое звучной работой зубов.

Этот любитель человечины, похоже, не только странный, но и наглый до беспредела - в отличие от своих собратьев, даже не подумал убежать, так и грызет подачку на месте. Ну да пускай кушает, не жалко, тут такого добра навалом. Даже если никуда не ходить, просто оставаться здесь, долго просидеть не получится, мясо протухнет.

Трэш, избавив полутушу от лучших кусков, принялся за следующую. А, тем временем, "странный" обнаглел окончательно - выбрался из кустов, встал под щитом, и, грызя голую кость, всем своим видом начал показывать, что вполне созрел для получения добавки.

Кстати, насчет внешнего вида - этот каннибал выглядел скверно. Не в том смысле, что ранен или покалечен, а в том, что отличался от обычных людей. Тело выгнулось, раздаввшись кверху, колени раздулись неприглядными узлами, голова расширилась в районе челюстей, волос на ней осталось мало, руки выглядели удлиненными, пальцы на них походили на паучьи лапки, увенчанные короткими уплощенными когтями. Трэш таких уродцев встречал неоднократно, это далеко не самые впечатляющие представители "странных племен", встречаются куда хуже. Но этот факт не делал их симпатичнее.

В очередной раз пройдясь зубами по голой кости, людоед с надеждой покосился на Трэша и лебезящим тоном проурчал:

- Первый хороший, Первый дал мясо. Мясо вкусное, мясо сочное, мяса можно много съесть. Хочется еще мяса. Дай.

Трэш, пораженный столь возмутительным поведением, ответил недружелюбно:

- Слышишь, ты, морда охреневшая, а может мне тебя самого на мясо пустить?

- Кого пустить? Куда? Где мясо? Мясная морда? Я ее тоже хочу.

Неувязка получилась: слишком сложная фраза, скучный интеллект собеседника ее не осилил и свел все к сильно волнующей его теме.

А наглец тем временем продолжал.

- Первый будет есть мясо, Второму будет отдавать кости. Второй любит кости. Но мяса хочется больше, мясо вкуснее, мясо мягче. Первый, ну где там мои кости?

- Почему ты называешь меня Первым? - заинтересовался Трэш.

- Ты Первый, я Второй. Ты ешь мясо, Второй ест кости. Но ты не грызи кости до конца, оставляй и мне, мясо лучше костей, я его люблю есть.

- И откуда ты такой наглый вылупился? Почему меня не боишься?

- Второй боится Первого. Но Первый добрый, Первый дал Второму мясо. Второй будет ходить с Первым, будет искать вкусную еду. Когда найдет вкусную еду, скажет Первому. Первый поест, Второму оставит. Первому будет хорошо, Второму будет хорошо.

Трэш протянул лапу с зажатой в ней недоеденной ногой:

- Хочешь это?

- Мясо хочу. Мясо всегда хочу.

- Ну так подойди и возьми.

- Взять мясо у Первого?

- Бери.

- Первый еду оставляет, Второй доедает.

- Если не возьмешь из руки, оставлю голые кости, хватит только на то, чтобы зубами по ним постучать. Это если, вообще, что-нибудь оставлю.

Отбросив всякие сомнения, необычный каннибал отбросил изгрызенную кость, торопливо приблизился к Трэшу, осторожно протянул руку, выхватил подношение, отскочил на несколько шагов, жадно урча, заработал челюстями, при этом невнятно поблагодарив:

- Первый хороший, Первый щедрый, первый дал мясо. Мясо - хорошая еда. Найдем вкусную еду, Первый тоже поделится со Вторым.

Покосившись на щит за обочиной, Трэш подумал, что, за неимением лучшего, есть смысл использовать странного людоеда в качестве источника

информации и обратился к нему с вопросом:

- Ты знаешь, где Шахтинск?

Тот, с треском раскусив трубчатую кость, торопливо проурчал:

- Второй не знает, где Шахтинск. Второй знает, где мясо. Мясо лежит в большой машине.

- Ну ты удивил, а то я не знал, - ухмыльнулся Трэш. - Есть поблизости большой город? Ты хоть знаешь, что такое город?

- В городе есть еда. Я был в городе.

- А чего тогда ушел, раз там еды полно?

- Второго хотели убить. Обидно. Второй хотел поесть, а поесть не дали. В боку дырку сделали. Больно.

- А ну подойди, гляну на твою дырку.

На этот раз уродец приблизился бесстрашно, обнаглев до последней степени наглости. Трэш, изучив подсохшую рану, предположил, что, скорее всего, ее проделала пуля не слишком внушительного калибра.

- В тебя стреляли? Бабах, громкий треск был? Громкие звуки?

Людоед подтвердил:

- Было громко, а потом стало больно.

- Ты оттуда пришел? - Трэш указал направление на единственный город, который знал.

- Да, Второй был там.

- А еще города знаешь? Много еды, много людей, много больших домов?

- Второй знает, Второй туда шел, пока не встретил Первого.

- Где это?

- Недалеко.

- Покажешь?

- Пойдем туда, когда здесь мясо съедим. Его много, надолго хватит. Надо быстро есть, начнет вонять, на запах придут другие, станут просить и воровать. Нам самим мало.

- Пойдем прямо сейчас.

- Первый сказал идти сейчас, Второму придется идти.

- Вот это правильные мысли, будь всегда таким же послушным.

- Там тоже есть еда. Вкусная еда. Здесь мясо невкусное, но мяса много.

- Э, товарищ, я догадываюсь, о чем ты, так что вбей себе в тупую башку: никакой вкусной еды не будет, ты станешь жрать то, что я даю, а не за людьми гоняться.

- Второй понял. Первый будет есть мясо, Второму будет оставлять кости. Мясо бывает вкусное и невкусное. В городе мясо вкусное.

- Ну насчет этого мы еще посмотрим, мне ваши вкусности вкусными не кажутся. И хватит себя Вторым называть, мне такое прозвище не нравится. Ты больше не Второй, ты Чавк, потому что чавкаешь на километр, всем свиньям на зависть. Все понял? Ты не Второй, ты Чавк, и мы идем в город. Там поедим, как следует, да и попить не помешает.

- Второй понял, он теперь Чавк, и он идет в город есть вкусную еду. Первый добрый, первый поделится вкусной едой.

Глава 15

Трэш связывал с Чавком надежду на получение крайне интересующей его информации и вскоре был вынужден признать, что понадеялся напрасно. Все интересы странного знакомого вращались вокруг одной-единственной вещи, к ней он сводил абсолютно все темы. Он мог ее обсуждать без перерывов и крайне однообразно: "Еда. Хочу есть. Хочу вкусную еду. Первый щедрый и будет делиться со Вторым вкусной едой".

Все попытки перевести разговор на другую тему или натыкались на стену полного непонимания, или незамысловатым образом перерождались в обсуждение главной (и, похоже, единственной) жизненной ценности Чавка. Трэш с трудом вытащил из него несколько скучных описаний города, но лучше бы этого не делал, потому что они не принесли никакой пользы, только запутали.

Если верить Чавку, город, в который они идут, не лишен странностей. Вроде как, в давние времена, когда прожорливый спутник был слаб и всеми обижаем, там хватало еды, причем, самой вкусной. То есть, обычных людей, а не урчащих каннибалов. Их ловили на улицах и вытаскивали из домов, а если не хватало проворства охотиться самостоятельно - не страшно. Всегда можно присоединиться к чужой трапезе, в тех случаях, когда хозяин не опасен, или погрызть брошенные обедки.

Но, со временем, вкусная еда перевелась, а на обедках не осталось не то, что мяса - даже жилы изгрызли и раскусили богатые мозгом кости. Такие, как Чавк, стали гибнуть один за другим, их убивали и пускали на корм сильные "уроды". У него хватило интеллекта оценить невеселые перспективы, после чего он подался из города в поисках все той же вкусной пищи и безопасности. Вроде как и то и другое нашел, но теперь зачем-то возвращается в старое место.

Хотя, что значит - зачем? С этим как раз вопросов нет - Чавк даже пошевелился не подумает, если это не сулит ему продовольственный приз. Он почему-то уверен, что в городе опять появилась еда в больших количествах (та самая - вкусная). Откуда она взялась, спутник объяснить не смог, лишь раз за разом повторял, что так бывает время от времени, и еще нес какую-то чушь про вонючий туман.

Получается, в городе съедают всех или почти всех людей, но затем они опять там появляются, причем, непонятно откуда. И такое веселье

повторяется раз за разом.

Попахивает тем еще бредом, но Чавка отсутствие логики нисколько не смущает. Ему безразлично, откуда приходят новые люди, да к тому же в больших количествах, это слишком высокие материи для его убогого уровня интеллекта.

Но все же ума скооперироваться с Трэшем у уродца хватило. По его мнению, того должны уважать все без исключения претенденты на вкусную еду, и таким образом не придется страдать от нападений конкурентов. Время и силы можно без остатка посвятить охоте на деликатесы, что позволит наедаться каждый день до отвала.

Приятно услышать, что тебя считают ходячим пугалом абсолютно для всех, вот только практика показывает обратное. Достаточно бросить беглый взгляд на свою броню, чтобы заметить отметины, оставленные теми, кто, может, и побаиваются Трэша, но это не мешает им пытаться ему навредить.

Чавк, кстати, тоже выглядел потрепанным жизнью. На его спине и груди просматриваются уродливые шрамы, левая ладонь наполовину отсутствует, от нее чем-то отсекло кусок вместе с мизинцем и безымянным пальцем. На расспросы Трэша, тот, кое-как, сумел ответить, что это сделала вкусная еда, съесть которую не получилось, потому что она активно воспротивилась гастрономическим намерениям людоеда. Вроде как, гремела огнестрельным оружием, проделав сквозную дыру и изувечив руку, а может и что-то еще применила, выведать взятные подробности не получилось.

Негативный жизненный опыт научил Чавка осторожности, это заметно по тому, что он, как и Трэш, старался не выбираться на просматриваемые издали места. Попытки расспросить о подробностях его страхов провалились, похоже, тот даже не осознавал, что чего-то боится, действовал непродуманно, на инстинктах.

К счастью, местность благоволила тем, кто не стремились показывать себя во всей красе. Первое время двигались исключительно по лесу, пробираясь через просеки, дороги и поляны бегом, да и в чаще сильно скорость не сбавляли. Разве что Чавк иногда тормозился, пытаясь поймать птичку, мышку или ящерицу, а один раз не побрезговал запихать в рот здоровенную извивающуюся гусеницу. Трэш его увлеченность мелкой живностью не разделял, в таких случаях брезгливо морщился и торопил "охотящегося" спутника.

В одном месте наткнулись на некрупное озеро. Чавк первым делом обнюхал уткнувшийся в тростник легковой автомобиль, затем забежал по пояс в воду, пытаясь поймать выглянувшую из камышей утку. Та даже не

стала пускать в дело крылья, просто отплыла на глубину. Гнаться за ней спутник не стал, объяснив это тем, что в воде слишком холодно.

Вспоминая свои приключения, Трэш не мог с ним не согласиться. Волна, из-за которой он оказался на мертвый земле, чуть до костей его не проморозила.

- Далеко еще до города? - спросил у отряхивающегося Чавка.

- *В городе хорошо, в городе вкусная еда.*

Спутник ответил в своей обычной манере. Похоже, концепцию времени и расстояния он воспринимает не так, как Трэш. У него все сводится к вкусной еде и каким-то непонятным моментам, в которые она периодически появляется.

Срочно нужен более качественный источник информации. Трэш не уставал себя ругать за то, что не додумался до этого раньше, скрываясь в набитом едой уютном супермаркете. Ведь у него была возможность и "странных" допрашивать, и тех, на кого они охотились. Но ни вопроса никому не попробовал задать, сутками тупо набивал брюхо и отсыпался, как сурок по зиме.

Пора исправить эту оплошность.

Весь вопрос - как? Если подобные Чавку понимали его прекрасно, но при этом, в силу бестолковости, общаться с ними почти бесполезно, вторые говорят на языке, который Трэшу хорошо знаком, но он на нем ни слова не может вымолвить.

Вот как прикажете с ними разговаривать?

Город увидели, когда выбрались из леса. Но это не означало, что Трэш и Чавк оказались на открытом месте, дальше тоже можно скрытно двигаться по лесополосе, протянувшейся вдоль широкой асфальтированной дороги. Только вначале пришлось совершить короткий рывок по пшеничному полю, а затем их скрыли заросли. Где-то они были густыми, где-то не очень, но, в целом, прикрывали достойно.

Дорога очень напомнила ту, по которой Трэш добрался до первого в своей сознательной жизни города. Такой же качественный асфальт, там и сям брошенные машины и разбросанные возле них кости. То и дело

встречались бредущие в одном направлении "странные", от обычных людей они, как правило, отличались лишь дерганной моторикой, грязной одеждой и выдающей их издали вонью - смесью миазмов испражнений и чего-то специфически-кислого, ни на что другое не похожего.

Кислятиной и от Чавка изрядно попахивало, а вот прочего почти не ощущалось. Трэш уже понял, что каннибалы каким-то образом, со временем, изменяются. Причем, на первых стадиях они почти неотличимы от обычных людей, на них даже одежда есть. Ее нижние детали сильно пачкались нечистотами, но у спутника ни единой тряпки не осталось, он или снял их, или они полопались, не налезая на его преобразившуюся фигуру.

Дорога нырнула под железнодорожный мост, лесополоса заканчивалась невдалеке перед ним. Чавк, остановившись за последними кустами, сказал:

- Дальше город. Дома. Много домов. В домах вкусная еда. Лучше не идти туда так. Лучше пойти так.

На последних словах спутник указал вправо, на жиdenькую лесополосу, тянущуюся вдоль железной дороги. Она мало где могла служить надежным укрытием, но, за неимением лучшего, использовать можно.

Прежде чем выйти из-за куста, Чавк поглядел вверх и покрутив головой. Он так регулярно поступал, если приходится выбираться из-под крон деревьев.

Трэш, заинтересовавшись его поведением, спросил:

- Ты зачем вверх смотришь? Чего-то боишься? Что тебя там пугает?

Поспешно перебегая через дорогу, спутник проурчал:

- Смерть.

- Какая смерть? - показалось, или Чавк поежился и, заодно, пожалуй, впервые за все время ответил односложно-четко, не попытавшись все свести к излюбленной теме.

- Жужжит. Громко. Потом смерть. И нет вкусной еды.

Интересно, что бы это значило? Все, что касается вероятных угроз, Трэша интересовало в первую очередь. Он с первых минут, едва себя

осознав, снова и снова сталкивался с неприятными сюрпризами этого странного мира и не сомневался, что хватает неизвестных опасностей. Слишком мало он здесь прожил, чтобы успеть познакомиться со всеми.

Неизвестность - очень плохо.

Как же досадно, что спутник, явно немало повидавший, неспособен внятно поведать о своих злоключениях.

Надо искать альтернативный источник информации. Причем срочно, пока не нарвался на новую беду.

И без того отметин на бронированной шкуре предостаточно...

Железнодорожная насыпь чуть дальше сошла на нет, а затем показалась стрелка - за ней вместо двух рельс тянулось четыре, они плавно расходились попарно. Лесополоса здесь становилась рваной, еще сотня метров, и вообще исчезнет. Но это не так уж странно, потому как и там имеются укрытия: бетонные стены, невзрачные коробки промышленных зданий, там и сям стоящие отдельные вагоны и составы разной длины, козловые краны, штабели шпал и прочее-прочее.

Конечно, густые кусты и деревья с пышными кронами работают куда лучше, но и эта промышленная территория просматривается плохо. Главное - не выбираться на открытые пространства.

Здесь, совершенно неожиданно, Трэш ответил себе на мучавший его важный вопрос - каким образом можно поговорить с обычными людьми? До очевидной мысли дошел, когда проходил мимо крохотного грузовика, подогнанного вплотную к высокому зданию с парой ворот вместо дверей. Складывалось впечатление, что эту машину разгружали или наоборот грузили, но работа почему-то остановилась в самом разгаре.

Грузом являлись квадратные листы фанеры. Их насчитывалось не меньше пары сотен, и они очень заинтересовали Трэша.

Теперь остается последнее - найти человека и привести его в это место.

И да, надо это устроить так, чтобы Чавк его не слопал по дороге.

Задачка...

Город Трэшу не понравился. Похоже, он гораздо меньше первого, об этом свидетельствовал характер застройки - ни одного высокого здания в обозримых окрестностях не заметил. На центральной улице стоят

несколько пятиэтажек, на соседствующих с ней хватает двухэтажных кирпичных домов, но это, скорее, исключения, в основном, распространена частная застройка и почти всегда она предельно невысокая.

Да это не город, это какая-то разросшаяся деревня.

Как ни странно, здесь имелись супермаркеты. Два из них встретились на окраине, пропустить их тяжело - заметны издали. Трэш опрометчиво пообещал Чавку накормить его, как следует, но увы, оказалось, что кто-то успел добраться до вкусностей раньше. Выдавленные стекла и проломы в хлипких стенах прямо намекали на старых знакомых. Не сказать, что они вынесли все подчистую, но ни мясных, ни рыбных продуктов не осталось.

Если злайшие враги посетили все магазины этого городка, Трэш опять столкнется с голодом.

Как бы не пришлось возвращаться к той фуре, в надежде, что ее запасы не подъели людоеды, они ведь не ради праздного интереса пытались тогда в прицеп забраться.

Чавка отсутствие обещанной пищи не огорчило. Подобрав валявшуюся на полу кость, он ее обнюхал, попробовал на зуб и без эмоций констатировал:

- Была хорошая еда, но еды уже нет. Первый, мы можем поесть плохую еду.

- Это что? - уточнил Трэш.

Чавк указал на уцелевшее стекло, за которым, как раз, семенила парочка куда-то торопившихся "странных":

- Вот плохая еда.

- Да это же такие, как ты, - удивился Трэш. *- Ты что, своих жевать собираешься?*

- Хорошей еды нет, придется есть плохую.

Трэш покачал головой:

- Ну уж нет, такое жри без меня. Сейчас найдем что-нибудь.

Людоеды предсказуемо разбегались с пути Трэша, он уже привык к их трусоватому поведению. Даже страшные, сильно изменившиеся, не хотели с ним связываться. Такие здесь, правда, не попадались, но пару раз встретились похожие на Чавка - голые, уродливо скрюченные, с короткими

уплощенным когтями и острыми клыками в раздувшихся челюстях. Человеческого в них еще слишком много, куда больше, чем в тех, которые звонко цокают при ходьбе (не говоря уже о самых крупных и осторожных, их слишком мало, заметить таких трудно, они выглядят угрожающе-причудливо).

Городок кишел почти исключительно самыми слабыми "странными". Некоторые из них бродили, едва ноги передвигая, другие выказывали приличную резвость. На самые открытые места эти откровенно тупые создания выходили, не выказывая признаков страха, а вот Трэш продолжал укрываться всеми возможными способами и начал понимать, что, по мере потери человеческого облика, каннибалы тоже начинают вести себя осторожнее. Такие, как Чавк, за нечастыми исключениями, не бегают посреди дороги и не стоят по центру площади.

Пробираясь дальше по центральной улице, наткнулись на картину, которая заставила удвоить осторожность. Несколько медлительных "странных" пытались грызть тушу урода, в сравнении с которым новый знакомый смотрелся писанным красавцем. Ноги выглядели кошмарно, плоть на ступнях раздулась и в нескольких местах ее проткнули костяные выступы. Видимо, именно из-за них эти существа при ходьбе производят столь специфический шум.

Причину смерти определить не получилось. Несмотря на слабые зубы и отсутствие когтей, людоеды непостижимым образом успели здорово поработать над защищенным ороговевшей кожей и костяными наростами телом. Одно понятно - они здесь не при чем, это всего лишь стервятники, заявившиеся на все готовенько.

А вот кто обеспечил их готовым - тот еще вопрос.

Больше супермаркеты не встречались, зато чуть ли не на каждом шагу располагались вывески куда более скромных торговых точек. В основном, откровенно бесперспективные, да и с остальными не все так просто. Забравшись в магазинчик, торговавший курятиной и полуфабрикатами из мяса птицы, Трэш выскочил оттуда, как ошпаренный: мясо пришло в негодность, внутри царила атмосфера невыносимого зловония.

Надо сказать, что тухлятиной и дерьямом провонял весь городок. Неудивительно, ведь повсюду валялись человеческие останки, а по улицам сотнями бродили "странные" в обгаженной одежде. В месте, ставшим первым убежищем Трэша, обстановка была куда чище.

Чавк произнес неожиданное:

- *Поздно пришли. Надо было приходить раньше. Хорошей еды не*

осталось.

- Ты магазины знаешь, где консервы можно взять? - спросил Трэш. - Тушенку видел?

- *Второй голоден. Первый, когда мы будем есть плохую еду? Можно я сам ее себе возьму?*

- Нельзя. Ты будешь жрать тогда, когда я говорю, и то, что я разрешаю. Запомни - людей ты жрать не будешь.

- *А что мне тогда есть? Дай мне другую еду.*

- Ну а я что делаю? Ищу ее.

- *А ты долго будешь ее искать?*

- Вот ведь привязался, жрун обнаглевший... Толку от тебя... Ты же когда-то был здесь, вот как мог не запомнить, где тут магазины? Эй, ты чего? Куда вылупился?

Чавк, застыв, чуть повернулся в пояснице и неотрывно уставился на ничем не примечательный пятиэтажный дом, возвышавшийся на другой стороне улицы. Вид у него при этом стал отрешенным, он будто в себя погрузился, в какие-то одному ему понятные сокровенные мысли.

Что? Да какие у этого тупоголового создания могут быть мысли, тем более - сокровенные. Он ведь ни о чем кроме еды никогда не думает.

- Чавк? Что это с тобой? Чавк? Второй? Очнись, что ты там увидел? Это всего лишь дом.

- *Второй там был.*

- О чём это ты вообще?

- *Второй был в доме. Он в нем жил, когда был другим.*

- Другим? Как это - другим?

- *Второй был другим. Он был... он... он был...*

Выражение глаз у Чавка стало совсем уж странным, потерянным, расслабившаяся челюсть отвисла, рот приоткрылся, демонстрируя два полных ряда зубов и два неполных, пытавшихся располагаться в шахматном порядке. Трэш даже перестал сывать вопросами, не представляя, что тут еще можно добавить. А спутник, будто завороженный, потянулся к обычному на вид дому, уже почти сделал шаг в его сторону и вдруг дернулся, потрусили головой, отвернулся, и необычно-заторможенным голосом произнес:

- *Второй голоден. Первый, когда мы будем есть? Очень хочется что-нибудь съесть.*

- Что ты говорил про этот дом? Как понимать, что ты там жил, когда был другим? Что это значит?

- *Второй голоден.*

- Не зли меня, отвечай, не то самого на еду пущу.

- *Не надо есть Второго. Второй - плохая еда. Здесь много плохой еды, она лучше Второго. Она мягче и не такая вонючая, как Второй. Первый, можно мне взять плохую еду?*

- Нельзя. Пошли на другую сторону, там магазин интересный. Может хоть немного тушенки найдем, я и сам голодный.

- *Первый голоден, Второй голоден, много плохой еды, но мы не едим ее. Это неправильно. Надо кого-то съесть. Срочно.*

- Попробуешь тушенку, поймешь, что значит - хорошая еда, - заявил Трэш, сильно сомневаясь, что примитивный каннибал оценит столь изысканную пищу.

Улица на этом участке оказалась очень широкой, но Трэш рискнул перебраться через нее именно здесь. Да, место, конечно, открытое, но тут образовалось что-то вроде коридора между десятком замысловато столкнувшихся машин. Это, конечно, не густые заросли, и не хитросплетение промышленных сооружений, но получше перехода в обозримых окрестностях не видно.

Магазин разочаровал, в нем вообще не оказалось консервов. Хлеб

разной степени черствости и сухости, крупы и прочая непривлекательная еда. Трэш не настолько оголодал, чтобы такое грызть, прошли те времена, когда молодые кукурузные початки лопал и радовался.

Разбив витрину, вытащил копченую рыбину, забросил в пасть, констатировал, что есть такое можно, но вот много умыть не получится - слишком соленая.

Чавк резко оживился:

- Замечено, что *Первый* что-то ест. Дай *Второму* попробовать.

- Да жри, кто тебе не дает.

- *Второму* можно брать еду?

- Бери-бери, я сегодня, как никогда, добрый.

- *Первый* хороший, *Первый* не забыл про *Второго*. Хрум-хрум. *Первый!* Это плохая еда! Это очень плохая еда!

- Раз не выплюнул, значит, не так уж все и плохо. Вот и жуй.

- Хочется пить.

- Дружище, я тебя прекрасно понимаю.

- Сюда идут.

Трэш, насторожившись, вслушался, и расслабился:

- Это не люди, это такие же странные любители пожрать, как и ты.

- Это другой *Первый* и другой *Второй*. Надо их убить или прогнать, станем *Первыми* и *Вторыми*. Будет много еды, будет хорошо.

- Я не понял? Это что за карьеру ты мне предлагаешь?

С улицы громко, с угрозой, заурчали в несколько глоток. Трэш захрустев второй рыбиной, приблизился к окну и оценил обстановку. Так и есть, перед магазином собралось почти полтора десятка "странных",

причем, как поведением, так и внешним обликом, они в разной степени отличались от всех своих собратьев, встреченных ранее в городке.

Первое, что бросалось в глаза - среди них совсем не встречалось почти чистых, отличимых от обычных людей лишь специфическими движениями и застывшими масками почти лишенных мимики лиц. Все до единого или в запачканной одежде, или вообще без нее. Тела в разной степени деформированы, местами несимметричны, кожа сморщена и приобрела нездоровий желтовато-серый оттенок. У некоторых изменения дошли до увеличения размеров тела, включая рост; непомерного раздува черепов из-за новых челюстей; у таких, как правило, почти не осталось волос, лишь свалившиеся клочья mestами сохранились.

Посреди этой шайки, урча громче всех и приняв угрожающую позу, застыл тот, которого Чавк, видимо, подразумевал, упоминая альтернативного Первого. Даже мимолетного взгляда хватило, чтобы понять - до Трэша этому королю страхолюдин также далеко, как зубам до локтя, но нельзя не признать, что он смотрится серьезнее всех, кого ему доводилось встречать до этого.

Начать с того, что человеческое в нем едва просматривается. Пропорции тела крайне искажены: в основном это касается длины и толщины рук, также бросаются в глаза несуразно-огромные бугры плеч, раздутые коленные и локтевые суставы, и, главное - голова.

Она, если говорить откровенно, мало походила на голову. Сплошные броневые щитки расположились причудливым узором, образовав подобие частично раздавленной морской раковины, где приплюснутой с боков щелью между створками выступала усеянная мощными зубами пасть. Волос не видно вообще, глаза прячутся среди костяных выступов и коротких шипов, форма черепа характерная: вытянутая вперед, массивная сзади, от такого должны рикошетить пули слабого оружия, да и сильное, не факт, что справится. Это, разумеется, произойдет, если вооруженный противник будет находиться впереди.

Ну и самое главное - размеры и вес. На глаз, эта тварь полегче Трэша раза в два, но это все равно очень прилично, впервые такой здоровенный встретился, остальные, даже самые хитрые, показывающиеся на глаза лишь издали и мельком, значительно ему уступают.

Трэш замер на высоком крыльце, принял позу спесивого аристократа, к которому на прием каким-то чудом пробрался самый захудалый простолюдин, повел руками, при этом зловеще перебирая громадными когтями, и осведомился:

- Эй, клоуны, по какому случаю представление?

Урчащее чудище медлить с ответом не стало:

- Я Первый. Тут все мое. Тут вся еда моя. Ты никто. Ты плохой. Уходи. Не хочу тебя видеть здесь.

- А с чего это ты вдруг решил, что мечтаю быть для тебя хорошим? Мужем своим командуй, урод недоделанный. Я сегодня добрый, так что, можете что угодно устраивать, но только не рядом со мной. Не надо шуметь в том месте, где я кушаю. Понятно? На этом все, я вас отпускаю, валите.

- Это еда наша! Здесь вся еда наша!

"Конкурент" резко повысил голос и начал приплясывать, демонстрируя ложные атаки с более чем безопасного расстояния.

Стая поддержала его усилившимся урчанием и бледными попытками скопировать угрожающие движения.

Чавк в ответ на это, бессвязно заурчал, пикирующим коршуном слетел по лестнице, проносясь мимо ближайшего "странныго", сохранившего из одежды лишь разорванную до пуга и почерневшую майку, на ходу врезал ему пятерней, снеся полморды вместе с глазом, после чего попытался повторить этот номер с вожаком. Но тот, гибким движением уйдя с линии атаки, взмахнул своей "граблей", вспоров спутнику плечо с такой дурью, что тот покатился кубарем, жалобно поскрипывая и разбрзгивая по асфальту кровь.

Тут уж Трэш не стерпел. Да, Чавк, возможно, туповат и бесполезен, но он все же свой, такое спускать никому нельзя.

Одним прыжком преодолев все ступеньки, для начала ухватил стоявший у магазина мотороллер и, крутанувшись, до всей дури запустил его в собравшегося было заняться Чавком вожака. Тот засек угрозу, проворно отскочил назад, тяжеленный снаряд промахнулся. Но нельзя сказать, что задуманное провалилось с треском, - он полетел дальше и ударил в одного из самых чахлых членов стаи, отправив его в нокдаун, подсчитывать заработанные переломы.

Продолжая развивать успех, Трэш бросился вперед, намереваясь устроить рукопашную с предсказуемым исходом: обнаглевшего вожака придется научить уважать новых знакомых, ну а остальным можно задать отменную трепку, только если сами полезут. Все они весьма слабы, но гоняться за ними - себя не уважать.

Пусть сами приходят, тогда уважит.

Вожак, не принимая бой, резво помчался прочь. При этом на Трэша он не оглядывался, но зато посматривал на небо. Сзади не разглядеть выражение его морды, но, почему-то, возникла уверенность, что чудище в высшей степени обеспокоено.

Причем беспокоит его вовсе не преследователь.

Трэш тоже задрал голову и только сейчас, благодаря тому, что хоровое урчание "странных" испуганно притихло, уловил угрожающе-усиливающийся звук, смутно напоминавший комариное жужжание.

Вот только комар должен быть грандиозным.

Дальше действовал не раздумывая, на голых инстинктах и частично подчиняясь таинственному внутреннему голосу, который не имеет привычки ошибаться. Пригнувшись, подхватил Чавка за руку и бросился назад в магазин, игнорируя разбегающихся "странных", - лишившись поддержки вожака, они внезапно осознали, что напрасно ввязались в конфликт.

Промчавшись через торговый зал, Трэш сокрушил прилавок, дальше протиснулся в узковатую для его габаритов дверь, бочком преодолел короткий коридорчик, легко вынес еще одну дверь, на этот раз двустворчатую и широкую, вновь оказался на улице. Магазин остался за спиной, но это не означало исчезновение укрытия. Еще заранее подметил, что позади него тянется пешеходная дорожка, по бокам которой густо разрослись каштаны. Укрытие, так себе, прикрывает только от взглядов сверху, но именно это сейчас и требуется.

Обернувшись на усилившееся до дичайших значений жужжание, Трэш разглядел в промежутке между домами разбегающихся по главной улице "странных". Причем речь шла исключительно о членах "стай грязнуль", все прочие, медлительные или не слишком проворные, вели себя так, будто ничего не происходит.

В следующий миг над улицей стремительно промелькнуло что-то надрывно жужжащее, крестообразное, хищное, оставляющее за собой сдвоенный дымный след.

Вот только дым имеет свойство подниматься к небесам, или постепенно рассеиваться, а этот, с синеватым отливом, с неестественной быстротой ниспадает, растекается, обволакивая улицу от края до края, превращая ее в противоестественно выглядящую реку, где вместо берегов - линии домов, а вместо воды - черт знает что.

Чавк, с зубовым скрежетом и бессвязными угрозами потирая кровоточащее плечо, возжал на реванш:

- Первый, нам надо вернуться и всех убить. Полное уничтожение. Да, так, будет хорошо. Тебе нужно их бить, а я буду их добивать. Плохая еда, но я ее съем. Мне это нужно.

Тот, продолжая тащить спутника за собой, заорал, озвучивая неведома откуда возникшее в голове знание:

- Да ты полный кретин! Там терен! Терен-фосфат! Они несколько ведер аэрозоли вылили, один вдох, и твои легкие превратятся в гнойные сопли! Быстрее, если ветер переменится, нам конец!

- Но Первый, надо их убить. Обязательно надо, нам не нужно уходить, нам нужно к ним идти.

- Забудь, они там, наверное, уже внутренности выхаркивают, если убежать не успели.

Говоря это, Трэш лихорадочно оглядывался, пытаясь засечь летательный аппарат, выпустивший на улицу щедрую порцию голубоватой заразы с мудрым названием. Спасибо внутреннему голосу, он, оказывается, в курсе дела, сразу предупредил, что надо в темпе сваливать, еще до того, как содержимое выливных авиационных приборов отправилось на головы урчащих потребителей.

А вот и он. Да, и правда похож на крест, но, вообще-то, это всего лишь самолет с непомерно длинными и узкими крыльями. По-своему красивый, очертания, будто зализанные, места для кабины нет - беспилотник. Трэш смотрел, как тот, уйдя в вышину, начал разворачиваться. Если это второй заход, необходимо, хотя бы, приблизительно определить расположение цели, чтобы к моменту удара оказаться от нее как можно дальше.

Дрон, совершив неполный разворот, начал быстро удаляться с набором высоты. Или слишком легкий и израсходовал запасы химической дряни за один раз, или счел свою миссию выполненной.

Чавк, успев слегка отойти от вспышки бешенства, наконец, начал что-то осознавать и, уставившись вслед удаляющемуся механическому убийце, произнес единственное слово:

- Смерть.

Глава 16

- Хочется есть.

Чавк, озвучив эту фразу приблизительно в четыреста девяносто восьмой раз за неполный день, с надеждой покосился на Трэша, надеясь на полное взаимопонимание с его стороны и скорейший положительный результат в решении вопроса. Но тот даже не моргнул, так и продолжал неотрывно таращиться через щель между дверными створками.

Уродец пошел на очередной заход, чуть изменив содержание:

- Я бы чего-нибудь съел. Хочется вкусного.

- Заткнись, - беззлобно приказал Трэш.

Картина, которую он наблюдал, скрывшись от нежелательных взоров, ему не нравилась. Он начал жалеть, что в качестве убежища выбрал именно этот подъезд, поневоле закрадывались мысли, что сам себя перехитрил.

А ведь поначалу идея показалась перспективной.

Трэш был почти на сто процентов уверен, что дрон выплеснул смертоносную химию именно в честь него. Ведь до этого немало побродил по городку и ни разу не видел ничего похожего на следы применения подобного оружия. Как-то подозрительно, что это случилось именно сейчас.

Хотя, как вариант, атаку беспилотника могла спровоцировать нагрянувшая к магазину стая. Если предположить, что оператор или система автоматического распознавания выискивает не рядовых "странных", а уродов вроде Чавка и местного Первого, ничего удивительного, что пошла команда отработать по площади, где находится группа столь серьезных целей.

Первая мысль оригинальностью не блестала - захотелось бежать без оглядки до самого вечера. Но Трэш переборол приступ паники и хотя припустил проворно, помчался не по прямой, а по крутой дуге. В итоге опять выскочил к главной улице, но с таким расчетом, чтобы ветер задувал от него в сторону зараженной отравляющим веществом местности.

Внутренний голос подсказывал, что гадость, которую здесь применили, не слишком стойкая. Она теряет убойные свойства часов за

десять-двадцать, в зависимости от температуры и влажности, к тому же солнечный свет ускоряет этот процесс, а денек, как раз, ясный. Но эти сроки можно смело делить на пятьдесят, потому что терен-фосфат в аэрозольной форме живет всего лишь несколько минут, после чего все, до последней капли, выпадает в осадок. При этом он не утрачивает ядовитые качества, но надо сильно постараться, чтобы пострадать от пыли и запачканного асфальта.

Этот внутренний голос знает очень много полезных вещей, которые не могли попасть в голову Трэша мимоходом, незаметно от сознания. Они уже были там, когда он впервые себя осознал, это, скорее всего, подсказки от Трэша-старого, каким он когда-то являлся, а потом себя забыл.

Очень жаль, что прямого доступа к прежней памяти нет, уж он бы тогда не ломал голову по любому поводу. Не говоря уже о том, что столь полезные знания могли уберечь его от многих ошибок.

Как, например, от этой.

Вот зачем он укрылся всего-то в паре сотнях метров от начала токсичной дорожки, оставленной ударным беспилотником? Да, ветер задувал в другую сторону, да и спустя десять-пятнадцать минут можно вообще ничего не опасаться в считанных шагах, но разве бояться надо только этого?

Трэш рассчитывал, что возможные преследователи в последнюю очередь станут искать его в месте, откуда прекрасно просматривается участок улицы, заваленный скрюченными в неестественных позах телами отправленных людоедов. Они просто обязаны подумать, что он поддался первому порыву, помчался прочь от страшной смерти, и ловить его следует где-то в подступающих к городку лесах.

Но враг оказался хитрее - прислал еще один дрон. Маленький, как две капли воды похожий на тот, который Трэш безуспешно пытался сбить бросками коряг в самом начале своего рывка к свободе, когда взбесившаяся река несла его к мертвым землям.

Этот низко не опускался, добросить до него тяжелый предмет можно, а вот попасть - очень сложно. Просто кружил над городком, то удаляясь, то приближаясь, нервируя своим противным жужжанием. Вряд ли на такую мелочь установлено какое-либо вооружение, но вот то, что там имеются следящие приборы - сомнений не вызывает.

И есть подозрение, что цель с габаритами, которые Трэш здесь ни у кого больше не наблюдал, эти приборы засекут быстро.

То есть, выбираться из подъезда, это все равно что выйти на середину улицы и начать орать во всю мощь легких, что, дескать, вот он я, начинайте

ловить, игра продолжается.

Нельзя ему отсюда уходить, нужно сидеть и ждать.

Чего именно ждать?

Вариантов, пока что, два: дрон израсходует запас горючего (или заряд батарей); дрон будет продолжать жужжать до тех пор, пока не приедут те, кому он выдает информацию.

Первый вариант, само собой, нравился посильнее второго. Но Трэш готовился к худшему, уже привык, что ему хронически не везет, постоянно попадает в историю, зарабатывая все новые и новые отметки на броневой шкуре. Враги вряд ли заявятся пешком, опыт подсказывает, что нужно ждать самые разные машины, в том числе и хорошо защищенные. Если насчет бронетранспортеров есть кое-какие мыслишки (да и опыт), то что прикажете делать с танком? И вообще, он не чувствует в себе силы сражаться с многочисленными хорошо вооруженными противниками.

Ему нужно уйти отсюда тихонечко, без крови и стрельбы.

Проклятый дрон, ну сколько можно жужжать?

А что если...

Чавк, тем временем, не сдавался:

- *Много мяса лежит. Невкусное, но можно пожевать.*

- Можно, - охотно согласился Трэш. - Только подохнешь.

- *Чавк не хочет умирать.*

- Тогда включи голову. Я ведь говорил, что все эти ребятки надышались яда. Знаешь, что такое яд?

- *Смерть.*

- Вот сожрешь такую падаль, и сам рядом ляжешь.

- *Смерть летает. Когда смерть летает, становится больно.*

Чавк потер бок, где виднелся совсем уж слабенький шрам, почти намек на него, Трэш его даже не сразу заметил. Только если приглядеться, становится очевидно, что спутнику это место здорово повредило. Удивительно, до чего хорошо все зарубцевалось.

Или он такой же живучий, как Трэш? Если так, то ничего

удивительного, ведь у того даже мертвые с виду броневые пластинки излечиваются, отрастая заново, пусть и досадно-медленно.

- Чавк, надо попробовать отсюда свалить. Помнишь, где мы в город забирались? Если пойти напрямик, быстро там будем. Но надо, чтобы смерть нас не увидела. Можно так пройти, чтобы не через мост, где речка? Там открытое место, смерть увидит.

- *Есть еще мост. Там хорошие места, много вкусной еды.*

- А там есть, где спрятаться?

- Зачем прятаться? Первый сильный, Первый всех убьет. Второй будет ему помогать убивать, а потом есть. Еда бывает вкусная, бывает не...

- Да задрал ты меня уже своей едой, - грубо перебил Трэш. - Если мне с неба на башку выльют эту дрянь, мы с тобой рядышком станем в судорогах корчиться. Ты точно этого хочешь?

- Второй хочет есть.

- Вот ведь неугомонный, прям удивил своим заявлением... А жить Чавк хочет?

- Жить Второй хочет.

- Тогда скажи, можно ли как-нибудь к выходу из города пройти не по открытым местам? Дома, деревья, стены - нас все время что-то должно прикрывать от смерти.

- Второй не знает.

- Значит, не пройти?

- Второй может попробовать. Но смерть над головой. Смерть хорошо видит.

- Я о том и талдычу - как сделать так, чтобы она не видела. Давай, напряги голову, представь, что на выходе из города нас ждет целая гора

вкусной еды, к которой надо пробраться незаметно - это обязательно. Чавк хочет вкусную еду?

- Второй всегда ее хочет.

Надо признать, что полчаса, потраченные на разговор с Чавком, где тому раз за разом приходилось вбивать в голову простейшие вещи, себя окупили. Спутник начал действовать похвально-осторожно, ни разу не привел Трэша к обширному открытому пространству, всегда обходил их стороной, даже попыток высунуться не предпринимал.

Виси дрон на одном месте, проблем бы не было вообще, но он, скотина неугомонная, бороздил небосвод по непредсказуемой траектории. Да еще и высоту то и дело менял, так что, то и дело приходилось учитывать новые углы обзора, делая поправки в своих планах.

Когда ситуация становилась угрожающей, Трэшу не приходилось трястись от страха, всегда поблизости оказывалось убежище, где можно надежно укрыться от взглядов с беспилотника. Один раз на этом даже выгоду поимели - пришлось вломиться в магазин, где обнаружилось немало разнообразных консервов. Используя пластиковые поддоны вместо тарелок, перекусил сам и Чавка накормил. Тот, правда, крутил носом и пытался ковыряться в своей порции, выбирая куски тушенки и игнорируя все прочее, так что, пришлось сделать ему замечание, сопряженное с угрозой грубого физического насилия. После этого умял все без возражений и с великим удовольствием запил обед газировкой, - она, почему-то, привела спутника в состояние, близкое к восторгу. Четыре раза добавку выпросил, после чего начал икать и громоподобно отрыгивать.

Пробравшись через магазин, на его заднем дворе обнаружили крохотный грузовичок, загруженный картонными ящиками. Трэша они заинтересовали, причем не зря - в некоторых оказались консервы.

Есть их не стали, вместо этого из сорванного тента грузовичка устроили примитивный мешок, набив его жестянками. Добавили к ним несколько упаковок газировки, Трэш взвалил ношу через плечо и дальше пошел.

Будет, что пожевать вечерком.

Очередным маневром дрон загнал мечущуюся от укрытия к укрытию

парочку в подъезд старого двухэтажного дома. Причем, там обнаружился второй выход, с другой стороны, не пришлось ждать, когда беспилотник скроется из виду.

Запасная дверь оказалась забита досками, такими же древними, как само здание. Трэш легко развалил преграду, выбрался во двор и замер, оценивая открывшуюся картину.

Во дворе наблюдалась повышенная активность "странных". Они и до этого частенько попадались, поспешно убираясь с пути парочки и напрочь игнорируя жужжание с небес, но здесь совсем другое дело: многовато их, и ведут себя крайне необычно. То есть, не стоятарами и тройками, монотонно раскачиваясь с пяток на носки, и не бредут непонятно куда, ускоряя шаги при виде Трэша, а собирались толпой чуть ли не в три десятка, скучившись на асфальтированном пятаке перед трансформаторной будкой. Мешая друг дружке, они упорно ломились в закрытые двустворчатые двери. Те должны открываться наружу, а их пытались вдавить внутрь, что выглядело глуповато.

Чавк, углядев эту картину, озвучил логичное предположение:

- Вкусная еда закрылась в маленьком домике. Нужно ее съесть. Нечего было закрываться.

Трэш и сам понимал, что каннибалы рвутся в будку неспроста и также хорошо понимал, что трансформаторы и прочее электрическое хозяйство совершенно не ассоциируются с вкусной едой. Очень может быть, что внутри скрывается обычный человек - как мирный, от которого не следует ждать ничего плохого, так и враг.

В последнем случае стоит помочь "странным" до него добраться, а в первом...

Первый случай - это очень хорошо. Трэшу нужна информация. и он уже знает, что от таких, как Чавк, ее получать проблематично. Давно созрела необходимость пообщаться с теми, кто умеют не только урчать. Собственно, это одна из главных целей, приведших его в город.

Прислушиваясь к удаляющемуся жужжанию дрона, Трэш направился к столпотворению людоедов, на ходу проинструктирував Чавка:

- Разгоним этих упырей и посмотрим, кто там. Без моего разрешения никого не трогай.

- Второй без спроса никогда не тронет еду Первого.

- Вот-вот, не забывай вести себя прилично, не то я стану злым и нехорошим.

Людоеды были столь самозабвенно увлечены попытками проникнуть в трансформаторную будку, что напрочь проигнорировали приближение Трэша. Они его попросту не замечали, все их внимание оказалось устремлено исключительно на сотрясаемые ударами двери. Самый осторожный обернулся в тот момент, когда до ближайших оставалось не больше пяти шагов. Он тут же, без размышлений, рванул в сторону с такой прытью, что потерял волочившиеся за ним вонючие штаны. Его поведение привлекло внимание ближайших "странных", они начали крутить головами. Некоторые, углядев угрозу, тоже помчались прочь, но основная масса так и продолжала ломиться в двери.

Слегка озадачившись их бестолковым упорством, Трэш остановился, легонько постучал одного когтем по голове, чуть выше уродливого, разделенного на дольки нароста и проурчал:

- Я проголодался, а вы на вид вкусные.

Чавк, оживившись, добавил от себя одну из самых сложных фраз за все время знакомства:

- Съедим вкусную еду, потом за вас возьмемся, чего добру пропадать.

Выслушав непростые новости, людоеды дружно вспомнили о массе неотложных дел, которые дожидаются их где угодно, но только не здесь. В общем, помчались кто куда с разными скоростями. Один, с переломанными ногами, ухитрился сделать это ползком.

Трэш остановившись перед дверьми, покосился на Чавка и с угрозой предупредил:

- Ты никого не будешь есть. И не заходи туда.

Тот возражать не стал:

- Второй не ест еду Первого, только нюхает.

Трэш поддел створки сверху когтями, потянул их на себя, со скрежетом вырвав обе. Чуть удивился содеянному - ему легко удалось то, с чем не справились десятки "странных". А ведь некоторые из них по уродливости пусть и уступали Чавку, но заметно, что тела у них усиленные, с обычным человеком уже не сравнить.

Будка и снаружи не выглядела большой, а внутри оказалась еще меньше. Прятаться в ней особо негде, но все же Трэш никого не увидел.

Принюхиваясь, уловил человеческий запах, пригнувшись, сделал шаг вперед и начал осторожно прятываться между стеной и тушей трансформатора. Последний не гудел, и вообще, по всему городу не наблюдалось признаков наличия электричества в сети, однако, размеры агрегата заставляли относиться к нему с опаской и уважением.

Электричество Трэша пугало. Сам не понимал - почему. Возможно, это началось с того момента, когда себя осознал. Его ведь, вроде как, мучили током.

Как-то странно, ведь ничего этого он не помнит.

Впрочем, это далеко не единственная числящаяся за Трэшем странность.

За трансформатором, вжавшись в пол, сидела женщина. Длинные каштановые волосы растрепаны, лицо осунувшееся, поперек щеки тянутся две параллельные широкие царапины, большие выразительные глаза переполнены ужасом и отчаянием, в руках держит тряпичный сверток, крепко прижимая его к груди.

Неотрывно уставившись на Трэша, женщина молчала, лишь в ее взгляде читалась все более и более усиливающаяся обреченность. Нетрудно догадаться, почему так смотрит, ведь он и сам себя в зеркале боялся увидеть - образина пугающая.

Миролюбиво воздев руки, тихо и спокойно произнес:

- Не бойся, я тебя не съем.

- Да-да, правильно, пусть Второй съест.

Обернувшись в сторону распахнутых дверей, где с ноги на ногу в нетерпении переминался Чавк, Трэш рявкнул:

- Заткнись, пока я тебе язык в узел не завязал. Ты не будешь есть эту женщину.

- Хорошо. Ну хотя бы косточки мне оставь.

- Я тоже не буду ее есть. Она пойдет с нами. Пойдет сама, живой. Она мне нужна. Ты ее не будешь трогать, и будешь защищать от тех, кто захотят ее съесть. Все понял?

- Второй понял, что вкусно поесть не получится.

- Вот и хорошо, что ты такой понятливый.

Трэш вновь повернулся к женщине. Та за время короткого разговора ухитрилась спиной вперед отползти на несколько шагов, вжавшись в угол. Дальше отступать некуда, ей только и оставалось, что сверкать глазами, в которых не было ничего, кроме ужаса и обреченности.

Только сейчас Трэш понял, что в руках у нее не просто сверток: это ребенок, очень маленький, возможно - новорожденный. Странно, что ведет себя так тихо, внутренний голос подсказывал, что младенцы - шумные создания, а уж в такой ситуации они просто обязаны орать без умолку.

Естественно, слова, сказанные чудовищем, женщину ничуть не успокоили, хотя бы по той причине, что она ни одного из них не поняла. Трэш по неопытности упустил, что думает на одном языке, а говорит почему-то на другом. Похоже, она решила, что он озвучил гастрономические планы на ее счет, вон какой взгляд, вот-вот сердце разорвется от ужаса, уши прекрасно слышат каждый удар - колотится нездоро.

И что теперь делать? Как заставить ее выйти? Силком потащить? Да к ней прикасаться страшно - опасно хрупкая и к тому же, это ее, наверняка, перепугает еще больше.

Покрутив головой, Трэш вытянул руку и начал водить когтем по стене, сдирая краску. Черточки сливались в буквы, буквы в слова, а слова во фразы. Не прошло и минуты, как он сумел вывести внятное послание: "Женщина, не бойся нас, мы тебя не съедим. Пойдем с нами, мы будем тебя защищать. Если останешься, умрешь, рядом много людоедов".

Написано неплохо, вот только та, которой это адресовалось, отказывалась понимать. Она не поднимала глаза, а как без этого прочитать?

Трэшу пришлось постучать по стене несколько раз, прежде чем ее безумный взгляд сфокусировался на тексте и побежал по нему. Какое-то время ничего не происходило, а затем, судорожно передернув плечами, женщина, боязливо скосив взгляд, еле слышно спросила:

- Кто ты?

Урчать в ответ - бесполезное сотрясение воздуха. Пришлось использовать нетронутую часть стены для второго послания, на этот раз совсем уж короткого: "Зови меня Трэш".

Глава 17

Стопки бетонных плит способны выдерживать громадные нагрузки, но Трэш перемещался по ним с такой аккуратностью, будто протаскивал свою тушу по разложенным на ненадежных упорах листам тонкого стекла. Он только сейчас обратил внимание на изменившийся стиль передвижения, раньше почти всегда направлялся по кратчайшей траектории и медлить не любил. Сейчас все иначе: неспешно, постоянно оглядываясь, от укрытия к укрытию, или, хотя бы, стараясь не сильно маячить на виду у возможных наблюдателей.

Короткая сознательная жизнь быстро научила азам осторожности.

Трэша интересовал шум моторов, доносившийся со стороны шоссе, вдоль которого он вместе с Чавком несколько часов назад подбирался к городу. Непохоже, что машины приближаются, но проконтролировать не помешает.

Не доверяя ушам, осмотрел небосвод пристальным взглядом на предмет летающих дронов и не обнаружив искомых, предпринял последний, самый рискованный рывок - метров сорок лишенного укрытий пространства. Этот отрезок хорошо просматривается лишь с одной стороны, и за нее Трэш относительно спокоен, ведь именно оттуда пришел. Но мало ли, все равно напрягает, пусть там остались Чавк и женщина, не стоит всецело доверять этому направлению.

Добравшись до нужного места, наскоро приспособил на голову кусок грязного брезента, подпрыгнул, ухватившись за край вагона, подтянулся, и, удерживаясь на когтях, уставился в сторону шоссе. До него отсюда оставалось не больше трех сотен метров.

Так и есть, знакомые машины катаются - те самые, с красными ромбиками. Сильно растянувшаяся колонна вытекает из-под железнодорожного моста: грузовики, уродливо обшитые железными листами, решетками и сетками, пикапы с пулеметами, реже с ненавистными огнеметами, парочка стареньких бронетранспортеров. Но основной транспорт - фуры с защищенными кабинами. Прицепы на них вообще не дорабатывали, причем, все до единого груженые.

У Трэша слегка отлегло от сердца - непохоже, что это команда, посланная за ним. Очень может быть, что колонна направляется на базу из очередного разграбленного города. В фурах, возможно, перевозят десятки

тонн вкуснейших деликатесов, но, увы, ничего из этого богатства маленькой стае не достанется. Противник слишком многочислен и силен, по-плохому его поделиться не заставишь, а по-хорошему он не согласится.

Трэш начал медленно поджимать ноги. Пусть голова частично прикрыта брезентом, маскировку раскусят, если засекут движение. Присев, с минуту выжидал и лишь убедившись, что гудение не меняется, колонна так и движется в прежнем темпе, ни одна из машин не останавливается, счел, что наблюдение проведено незаметно от противника.

Интересно, как часто здесь катаются враги? Если дорога пользуется популярностью, нужно как можно быстрее сменить убежище. А жаль, ведь это место Трэшу понравилось. Множество просторных помещений с удобными для его немаленького тела входами, плюс полное отсутствие всех разновидностей людей. Лишь в паре мест встретились обглоданные кости, но тот, кто здесь пообедал, давно ушел, даже запах каннибалов успел развеяться. При желании, тут можно целую толпу спрятать (в том числе и от воздушного наблюдения). Имеется здоровенный резервуар с чистой водой, хоть целый год ее пей. Из минусов лишь отсутствие еды, но, возможно, этот недостаток получится устранить, если, как следует, пошарить по вагонам. Судя по всему, здесь их освобождали от грузов, в том числе скоропортящихся.

Глядишь, там много чего отыщется.

Размышляя над перспективами освоения этого приятнейшего во многих отношениях места, Трэш пробирался через заставленные вагонами тупиковые ответвления и стоящие рядами контейнеры, прикрываясь от возможных взглядов за погрузочной техникой и штабелями ящиков, вдыхал смолистый запах, доносившийся от обширной площадки, где сгружались пиломатериалы. Здесь, не так давно, работало немало людей, не меньше нескольких сотен, но все они куда-то исчезли, оставив после себя настоящий лабиринт, где можно эффективно укрываться, устраивать засады, нападать и скрытно отходить в направлении сразу двух лесополос, заросшего зеленью дачного поселка или даже в город. Там, среди домов, тоже можно отрываться от преследования.

Да уж, сплошные удобства, ради них можно даже смириться с оживленной дорогой под боком. Глядишь, это и к лучшему, враги должны думать, что ни у кого не хватит наглости устроиться поблизости от их транспортной магистрали, что положительно скажется на безопасности.

Свою маленькую стаю Трэш оставил в громадном бетонном здании, заставленном различным оборудованием. Не очень-то удобное место, но было там одно исключение - будка из фанеры и пластика в углу. Должно

быть, раньше в ней размещался какой-то мелкий начальник, знавший толк в удобствах. Внутри все добротно общито вагонкой, мебель, в основном, не первосортная или грубо-самодельная, но с претензией на красоту, из минусов лишь дверь небольшого размера, тяжеловато в такую протискиваться.

Женщина сидела на стуле, прижимая к себе запеленатого ребенка и испуганно таращась на Чавка, переминавшегося с ноги на ногу в паре шагов от нее и не забывавшего при этом то и дело шумно слатывать слюну.

Завидев Трэша, каннибал не позабыл высказаться на извечно волнующую его тему:

- *Хочется есть. У этой есть еда, Второй ее хочет.*

- Откуда у нее еда взялась? - проурчал Трэш.

- *Она держит ее в руках.*

- Балбес, это не еда, это ребенок, его трогать нельзя.

- *Зачем ей нужен мертвый ребенок? Давай лучше его съедим.*

Слова Чавка заставили Трэша задуматься об очевидной вещи - с ребенком и правда не все ладно. До сих пор он младенцев не видел, но почему-то был абсолютно уверен, что это весьма шумные и прожорливые создания, большую часть дня и ночи они орут и принимают пищу. Этот же все время спал, ни разу голос не подал, даже когда его носили на руках по пересеченной местности.

Да что там говорить, ведь он не издал ни писка, когда Трэш, запасаясь фанерой, с грохотом выронил сразу несколько листов.

И мать все время старается прикрыть его с головой. По пальцам можно сосчитать, сколько раз удавалось разглядеть что-нибудь, помимо тряпья.

С этим ребенком явно что-то не так.

Женщина испуганно уставилась на Трэша. Она, в принципе, всегда на него смотрит с отрицательными эмоциями, но сейчас себя превзошла. Каким-то образом прочитала мысли и нашла в них угрозу? Или того проще - понимает, о чем говорят урчанием?

Да нет, она ведь уже отвечала, что не видит ни малейшего смысла в издаваемых Трэшем звуках. А жаль, ведь это могло здорово облегчить

общение.

Зажал в лапе здоровенный кусок каменного угля, прихваченный из вагона и накарябал на фанере - "Что с твоим ребенком?"

Женщина, прочитав вопрос, судорожно поежилась и скороговоркой пролепетала:

- Сашенька спит. Просто спит. Ему много спать надо, возраст такой у него. Спит он. Спит.

"Почему ты его не кормишь?" - тем же способом спросил Трэш.

Помедлив с ответом, женщина почему-то оглянулась и чуть ли не шепотом ответила:

- Молока не осталось. Питание нужно. Детское питание. Я видела здесь газовую печку, я бы накормила Сашеньку.

"Почему я не слышу, как дышит твой ребенок?"

- А вы и не услышите, он у меня тихоня, он тихо дышит, не сопит. Он очень спокойный.

"Я слышу, как под полом мышь шуршит, и как пищат птенцы в гнезде под листом крыши. Я должен слышать дыхание твоего ребенка".

- Нет-нет, я же говорю, Сашенька тихоня, - женщина резко повысила голос, заговорила с несвойственной ей горячностью.

Трэшу хотелось окончательно прояснить вопрос с ребенком, но, глядя на собеседницу, понял, что эта тема слишком ее возбуждает. В конце концов, это ее сын, нужно будет сказать что-нибудь по этому поводу, сама скажет. Даже если предположение Чавка верно, что с того? Ну нравится ей таскаться с мертвым ребенком, пускай таскается, это личное дело матери.

Но, вообще, стоит, наконец, признать, что с этой женщиной Трэшу крупно не повезло.

Она или невменяемая, или действительно абсолютно ничего не понимает.

Начать следует с того, что от женщины не просто не попахивает живцом, как от всех встреченных до этого врагов, она о нем знать ничего не знает. В ответ на по-разному сформулированный вопрос или вообще ничего сказать не могла, или несла чушь о рыбной ловле, в которой, похоже, совершенно не разбиралась, но уверенно доказывала, что именно при этом занятии применяются какие-то живцы.

Несусветный бред.

Женщина понятия не имела, что за люди ездят на технике с красным ромбом и откуда они взялись, но при этом их боялась, потому что именно они убили на ее глазах некоего Димочку - отца ребенка. Тот, судя по сбивчивому рассказу, был тем еще ненormalным кренделем. Вроде как,

поначалу, пылинки с нее сдувал, был эталонным мужем и отцом, а потом вдруг озверел, полез кусаться и рвать одежду, мычал не своим голосом. От него она закрылась в подъезде, после чего через крышу перебралась в другой и там через пыльное окно увидела, как остановилась машина с ненавистным знаком, после чего послышался выстрел, и у мужчины разлетелась голова.

Надо добавить, что затем из машины выбрались вооруженные люди, вломились в подъезд и провели там некоторое время, после чего вышли явно разочарованные и начали выкрикивать уже знакомые Трэшу призывы поторопиться идти к ним, потому как, проводится спасательная операция.

Естественно, что женщина спасаться с ними не пожелала и до сегодняшнего дня успешно скрывалась в городе, где остались лишь вечно алчущие человеческого мяса "странные", встреча с которыми могла привести к крайне печальным последствиям. Но бесконечно отсиживаться не получалось, в ее убежище закончилась вода, также остро встал вопрос детского кормления - если сама могла потерпеть еще пару дней, младенец терпеть не сможет.

Ну а дальше все просто - попалась на глаза каннибалам, сумела добежать до трансформаторной будки, по какой-то причине оказавшейся открытой и легко запирающейся изнутри. Там бы она и нашла свою смерть, если бы не Трэш с Чавком.

Вот что можно понять из ее рассказа? Разве что то и дело повторяемые стенания, что все это началось в тот момент, когда пропали электричество и связь. И еще все время возвращалась к рассказу, как огромный автомобиль носился по улицам и давил людей, а полицейский, вместо того, чтобы попытаться остановить водителя, расстрелял патроны по прохожим, а последним выстрелил себе в голову.

Также удалось узнать, что "странные" - в прошлом, обычные люди. Они стали каннибалами потому что их покусали, или из-за воняющего кислым дыма, накрывшего город в самом начале.

Но можно ли верить этой информации? Женщина явно не в себе, по ней заметно, что здорово натерпелась, от таких переживаний можно запросто тронуться. Взять, хотя бы, ее короткий рассказ о попытке уехать из города - она уверяла, что Димочка, будучи прекрасным водителем, знающим в округе каждую дорогу, ухитрился заблудиться, едва они отъехали. Точнее - не заблудились, а вместо знакомой местности увидели черт знает что.

В общем, Трэш от ее сбивчивых рассказней запутался еще больше, не представляя, как понимать большую их часть. И не выяснил самое главное:

где можно раздобыть живец и еду; есть ли поблизости враги и сколько их.

Ну и самое главное: кто он, черт побери, такой и за какие великие грехи его гоняют, будто дикого зверя? В голову приходил вариант, что это тело некогда было человеческим и, постепенно изменяясь, дошло до такого. Этот процесс прекрасно прослеживался у каннибалов, брось один взгляд на Чавка и все поймешь. Но есть три непонятных момента: среди жадных до мяса созданий никого, похожего на Трэша, не наблюдалось; все они предпочитали человечину всему прочему, а он на нее смотреть не мог; и ни один из них не демонстрировал даже зачатки его интеллектуальных способностей.

Ах да, и коммуникацию с остальными людьми надо добавить. "Странные" с ними не общались, да и, судя по Чавку, не понимали их язык совершенно. Вкусная еда, и все тут, нечего с ней лясы точить.

Перестав задумчиво таращиться на женщину, Трэш написал очередное послание: "Где можно найти детское питание?"

Та, резко заволновавшись, затараторила:

- Я покажу, это недалеко, тут магазин есть, он хороший.

"Возьми уголь, нарисуй".

- Что нарисовать?

"Карту, как пройти к магазину этому. Как он выглядит. Его название. Номер дома и улицу".

- Карту? Вы... Вы понимаете в картах?

"Да я гений карт. Рисуй".

Женщина истерично хохотнула:

- Зато я ничего в них не понимаю. Сейчас попробую. Только можно мне еще воды? Пожалуйста.

Чавк резко заволновался:

- Бесполезное создание выпьет всю нашу газировку. Только пьет, больше ничего не делает. Много пьет. Второй недоволен. Говорить не может, что-то глупое чирикает. Совсем плохая. Может не надо нам ее в стаю, может давай съедим? И что она делает? Зачем пачкает фанеру? Хочет стать похожей на Первого? Она глупа, раз так думает.

- Она показывает мне, где можно найти еду.

- *Как можно показать вкусную еду, пачкая фанеру?*

- Это способ такой. Только Первые знают, Вторые не знают.

- Второй был неправ, это полезное создание. Второй голоден, много ли там еды?

- Много, - ухмыльнулся Трэш, представив реакцию спутника, если в магазине не обнаружится ничего, кроме детского питания, вкусовые качества которого под большим вопросом.

Ночью город стал черно-белым, и на этом неудобства исчерпывались, ведь и в такую пору Трэш видел прекрасно. А вот у Чавка явные проблемы, он и до этого в темноте становился чуть ли не слепым, дальние предметы если и замечал, то без помощи зрения. С нюхом и слухом у привязавшегося спутника все в порядке в любое время суток.

Первоначально Трэш планировал оставить его вместе с женщиной, пускай охраняет, она ведь совершенно беспомощна. Но тот начал канючить, опасаясь, что "глава стаи" слопает найденное вкусное на месте в одну пасть. Ну и практические соображения тоже играют роль - если в магазине обнаружится много еды, лишняя пара рук не помешает.

Чем больше унесут, тем дольше можно будет не думать о поисках пищи.

Карта, нарисованная женщиной, изобиловала неточностями. К тому же, вывеска в темноте стала черно-белой, и пояснения, что она должна быть оранжевой, ничем не помогли. Спасибо, что догадалась поставить ориентиром пруд, выдающий себя запахом тины на всю округу. Трэш, устав кружить без толку, добрался до него, а затем планомерно обыскал прилегающий район, быстро обнаружив искомое.

Этот магазин тоже оказался разграблен: выдавленные витрины, опрокинутые стеллажи, разбросанные и частично раздавленные товары, смрад от холодильников и оставленных по закоулкам куч дерьяма. К счастью, мародеры, как и в остальных случаях, не вынесли все подчистую. Детское питание их не заинтересовало, также удалось разжиться несколькими упаковками газировки. Ею Трэш подсластил горькую пилюлю для Чавка, ведь, увы, покормить спутника не удалось, здесь ни одной банки рыбных консервов не завалялось, не говоря уже о тушенке.

Выходя из магазина, спугнули стайку "странных". Явно не та, с

которой днем случился конфликт, ну или ее остатки. Слабые создания, заметно уступающие Чавку, полезли в магазин, привлеченные шумом, но, углядев его виновников, поспешно ретировались.

В стороне, куда они побежали, через пару минут щелкнул негромкий выстрел. Чавк молниеносно обернулся на звук, едва не выронив упаковку газировки и проурчал:

- *Еда шумит. Вкусная. Надо съесть.*

- Еду на рельсах поищем, - ответил на это Трэш, не сбавляя скорость и озираясь вдвоем пристальнее прежнего в поисках возможных угроз.

- *Второй видел рельсы. Второй не видел еду на рельсах.*

- Там куча вагонов-холодильников, поищем мясо или, хотя бы, рыбу.

- *Мясо? Второй хочет вкусную еду.*

- Мясо из фуры ты жрал за троих.

- *Когда Второй голоден, он поступает неправильно.*

- Раз ты со мной, мясо жрать - правильно, а людей есть нельзя. Вот сколько я могу тебе это объяснять? Что непонятно?

- *Второй все понял: людей есть нельзя, мясо можно. Первый, но если ты все же съешь человека, оставь хотя бы маленькую косточку Второму. Ну и мяса на ней чуть-чуть оставь, ладно?*

Вот что прикажете делать с этим закоренелым людоедом?!

От вагонов-рефрижераторов пахло по-разному, в том числе и приятно. Но с первым случился облом - вместо искомого мяса или, хотя бы, рыбы, там перевозили тропические фрукты. Естественно, не замороженные, а наоборот - в тепле.

Такой едой даже неприхотливый Трэш побрезговал - расprobовавший тушенку никогда не соблазнится бананами. Пришлось браться за следующие вагоны, где повезло больше. Замороженная до дубового состояния рыба тоже не привлекла, а вот бараньи туши, хоть и были такими же твердыми, но пошли на ура.

Пока Чавк жадно грыз добычу, Трэш тщательно закрыл вагон, раздумывая над перспективами включения его морозильной установки. Без нее рефрижератор не сможет долго хранить тепло, мясо испортится, придется грабить магазины, где после мародеров обычно не остается ничего хорошего.

Идея не пустая. В этом месте хватает самого разного оборудования, в том числе и генераторов. Найти к ним топливо, тоже не проблема - в округе видимо-невидимо брошенных машин, можно сливать их баки. Внутренний голос уверенно подсказывал, что Трэш сумеет запустить холодильное оборудование, но, увы, загвоздка в руках - он не представляет, как этими чудовищными граблями выполнить тонкую работу.

Чавк, с урчанием давясь мороженым мясом, пригласил "вожака":

- *Первый, давай съедим побольше мяса. Больше съедим, меньше понесем.*

Трэшу сырая баранина в глотку не лезла, несмотря на голод. В голове засели слова женщины, та говорила о газовой печке, при помощи которой намеревалась совершать некие манипуляции с детским питанием. А что если она и мясо сумеет сварить? Это ведь удобно - ни огня большого, ни выдающего тебя на всю округу дыма.

В конце концов, пусть хотя бы отвлечется, не то вечно смотрит в одну точку, непрерывно трясясь от страха. Устроится при Трэше с Чавком кухаркой, в сытости и безопасности, и им тоже сплошные плюсы.

Взяв в одну руку три бараньи туши за задние лапы, второй Трэш ухватил импровизированный мешок, сварганный из автомобильного тента и приказал:

- Идем домой, там нас вкуснее покормят.

Ну вот, у Трэша появился какой-никакой, но дом.

Надолго ли?

Женщины "дома" не оказалось.

Трэш первым делом подумал, что она вышла из здания по физиологической надобности, но, принюхавшись и прислушавшись, понял, что в ближайшей округе ее нет. А это странно, она никогда не отходила так далеко.

Ребенка тоже нет на месте, а еще вскрыта новая упаковка с газировкой и отсутствует одна бутылка. Причем, ее не выпили здесь, среди пустых не обнаружилось такой же - этикетка приметная.

Даже до Чавка дошло очевидное:

- *Еду взяли в стаю, а она ушла. Неблагодарная.*

- Надо найти.

- *Правильно. Второй одобряет. Найдем и съедим.*

- Ты хоть раз можешь еду не вспоминать?

- *Могу. Первый оставит Второму кусочек?*

- Да что мне с тобой делать... Ладно, иди за мной. Женщину, когда догоним, не трогать.

- *Но зачем тогда за ней идти?*

- Затем, что она беспомощная, ее быстро поймают и съедят.

- *Первый умный, первый всегда прав, надо догнать и самим съесть.*

Похоже, женщина ушла недавно, ее запах отлично ощущался на следе. С учетом того, что в последнее время воды ей не хватало даже на то, чтобы утолять жажду, понятно, что попахивать должно сильнее обычного, и Трэш не сомневался в успехе погони.

Лишь бы не опоздать, настигнув уже обглоданные косточки.

С другой стороны, зачем вообще за ней гнаться? Только ради возможности поставить ее кашеварить?

Вряд ли, ведь о варке баранины Трэш подумал в последнюю очередь.

Хорошо живется Чавку, все его мысли понятны, а поступки предсказуемы. А тут, вместо того, чтобы, набив брюхо, завалиться

подремать, топаешь в ночи, приюхиваясь и прислушиваясь, рискуя получить пулю или снаряд (а то и облако оружия массового поражения на голову).

Трэш иногда сам себя не понимал.

Мрачные предположения частично оправдались - женщину и правда догнали каннибалы. Точнее, один, но этого для нее более чем достаточно - уродством, а, следовательно, и силой, он немногим уступал Чавку. Однако, до обглоданных костей дело не дошло.

Женщина забралась в трубу, проходившую под железнодорожной насыпью и перекрытую решеткой. Субтильное телосложение позволило ей протиснуться между прутьями, с ребенком, тем более, не возникло проблем. А вот у людоеда возникли, - он застрял и теперь, урча от жадного нетерпения, протискивался внутрь, сдирая с себя кожу и совершенно не беспокоясь по этому поводу.

А вот женщина беспокоилась. Одной рукой придерживая младенца, второй она зажала рот и приглушенно попискивала, глядя, как в тесноту трубы потихонечку пробирается смерть.

Да как она вообще нашла это убежище во мраке? Или у слабых людей тоже развито ночное зрение? Внутренний голос эту мысль подверг сомнению.

Изучив открывшуюся картину во всей красе и определив, что людоед увлекся настолько сильно, что не заметил прибытия парочки, Трэш решил перед началом мордобоя проявить вежливость:

- Добрый вечер.

Испуганно пискнув, каннибал в один миг выдрал тело из ржавой теснины и с дивной прытью помчался к ближайшей лесополосе, оставив за собой стойкий шлейф из запахов крови и экскрементов.

Трэш проводив его насмешливым взглядом, постучал когтем по решетке:

- Вылезай давай, мы по тебе соскучились.

Женщина, естественно, ничего не поняла и, похоже, даже не узнала его. Смотрит слепо, должно быть, внутренний голос прав, в темноте она видит скверно.

Легко выломав решетку, Трэш легонько коснулся когтем лба женщины,

затем отстранился от выхода, помахивая рукой в жесте, призывающим выдвинуться в его направлении. Наверное, все же что-то разглядела, несмело выбралась и, вжав голову в плечи, уставилась снизу вверх, будто ожидая чего-то крайне нехорошее для нее.

- Ну и зачем ты ушла? - добродушно проурчал Трэш. - Жить надоело, что ли?

Эх, как же не хватает фанеры и куска угля. Хотя не факт, что при таком освещении она сумеет разглядеть слова.

Нагнувшись, спасенная подняла бутылку воды, трясущейся рукой отвинтила пробку, жадно отпила и, глотая куски слов, мертвым голосом произнесла:

- Прости. Мне надо было. Надо. Сашенька. Сашеньки нет. Сашенька. Мой Сашенька. Я его похоронить хотела. Просто похоронить. Искала, чем землю рыть, и тут...

Объяснять ей, что заниматься похоронами в одиночку в полночный час в месте, кишащем охочими до человечины созданиями - странноватая затея, Трэш не стал. Все равно не поймет, напрасное сотрясение воздуха. Вместо этого направился прочь от дурно попахивающей трубы, поманив женщину за собой.

На полпути к лесополосе остановился, нагнулся, легко вонзил когти в землю, выдрав солидный ком почвы вместе с дерном. Повторив, чуть углубился, оценил размеры получившейся ямки, как удовлетворительные, молча протянул лапу, забрал спеленатого младенца.

Женщина в последний миг рефлекторно скала пальцы, но поздно, в ладони осталась лишь одна из тряпок. А Трэш, уложив тельце в крохотную могилу, одним движением лапы вернул всю землю и дерн на место, прихлопнул сверху пятерней и мрачно заявил:

- Ну вот и похоронили.

Чавка происходящее неприятно удивило:

- Первый, ты зачем еду закопал? Отдай мне, у меня не пропадет.

- Заткнись.

- Второй молчит. Второй все осознал, Первый делает запасы. Но лучше сейчас съесть, что там этих запасов.

Присев на колени, женщина склонилась, уткнувшись лицом в землю и затряслась в беззвучных рыданиях. Трэш хотел потащить ее назад, но

передумал.

Пускай поплачет, ей, похоже, это очень нужно.

Кстати, можно даже оставить ее одну на некоторое время и кое-что проверить. Дело в том, что людоед, сбежавший от трубы, как-то ненормально шумел в лесополосе. А еще оттуда донесся истощный кошачий крик, сильно возбудивший Чавка:

- *Первый, там еда. Самая вкусная еда. Надо съесть.*

- Пойдем посмотрим. Не беги впереди, там может быть опасно.

- *Так и надо всегда идти - Чавк умрет, Первый спасется.*

Вот ведь преданный людоедище.

Сбежавший каннибал, избежав воспитательной трепки от Трэша, тут же влип в другую историю, тоже скверную.

Он болтался кверху ногами в паре метров над землей, суматошно размахивая руками и разъяренно урча. Ему то и дело поддакивала потасканная жизнью кошка, пребывавшая в сходной ситуации. Нет, она не висела в петле, она была пристегнута к стволу дерева, восседая на обрезке толстой ветки. Дальше ей хода нет, короткая цепочка удерживает за ошейник, но голос подавать не мешает, вот и орет, поджав уши и перепугано уставившись на попавшегося людоеда.

Чавк вожделенно проурчал:

- *Кот. Самая вкусная еда.*

- Больше на кошку похоже.

- *Все равно вкусно.*

Трэш, легко оторвал цепочку от ствола дерева, затем, сжимая визжащую кошку в одной лапе, другой осторожно отделил стальное звено от ошейника. Неблагодарное животное при этом пыталось его поцарапать

и, воспользовавшись тем, что он опасался навредить крохотному тельцу, ловко извернулось, выскочило, помчалось во мрак.

Следом рванул Чавк:

- *Первый, я догоню. Я не забуду поделиться, верь мне.*

- Стоять. Пусть бежит.

- *Но первый, это вкусная еда.*

- Сказано стоять. Что неясно?

- *Осознал. Все ясно. Что, будем этого есть?*

- Посмотрим...

Подвешенный людоед после исчезновения зверька заметно успокоился. В том смысле, что его злоба куда-то ушла, сменившись страхом, похоже, он полагал, что пришел его последний час.

Трэш, внимательно изучив обстоятельства произошедшего, изумился - здесь, оказывается, была устроена хитроумная ловушка из тонкого стального троса и противовеса из кривого бревна и нанизанных на стальную проволоку шлакоблоков. По замыслу того, кто это соорудил, кот выступал приманкой, на пути к которой неосторожных любителей усатого племени поджидала коварная петля.

Очень просто и очень хитро. Причем устроено недавно - Трэш все еще мог различить запах человека, который здесь поработал.

Принюхавшись к шлакоблокам, он пораженно замер, уловив самый желанный в мире аромат.

Кто бы ни установил эту ловушку, от него пахло живцом.

Вот с кем нужно поговорить, а не с женщиной, от которой только проблемы и каша в голове из ее фантастических бредней.

Глава 18

Человек пришел под утро, в тот час, когда тени под густыми кустами начали проясняться, но предметы все еще оставались черно-белыми. Лишь в отдельных местах получалось разглядеть бледный намек на проявляющиеся цвета.

Женщина к этому времени толи уснула, прислонившись спиной к стволу ясения, толи из-за душевных мук отключилась от восприятия мира, но почти не шевелилась и дышала тихо-тихо. Уже в нескольких шагах Трэшу приходилось напрягать уши, чтобы ее услышать. Сам он бодрствовал, но бодрствовал странно. Еще до этого заметил за собой полезную особенность - в минуты отдыха мозг будто отключал значительную часть функций, это легко определить, потому что один глаз в такие моменты почти перестает видеть. Удерживаясь на краю провала беспамятства, можно замереть на часы и минуты, чтобы, вскочив в одно мгновение, почувствовать себя неплохо отдохнувшим.

Похоже, Чавк тоже умеет нечто подобное. Вон, сидит, один глаз безвольно прищурен, зато второй внимательно наблюдает за вялыми подергиваниями попавшегося в петлю каннибала. Тому, по очевидным причинам, не отдыхалось, но и первоначальной прыти не наблюдалось. Подустал "висельник", да и настроение явно скатилось к апатии, перестал коситься в сторону засады, как постоянно делал до этого. Видимо, опасался, что его все же съедят, вот и волновался, но со временем дошел до такого состояния, что даже эта мысль перестала непрерывно беспокоить.

Трэш уже начал лениво размышлять над перспективами смены позиции, ведь при свете зарождающегося дня эта станет слишком заметной, как вдруг учゅял знакомый запах человека и чего-то непонятного, неприятного, травяно-химического, будто какой-то неведомой гадостью пытались заглушить ядреное амбрे застарелого пота. Ветра нет, воздух совершенно неподвижен, значит, этот неизвестный сумел приблизиться, не выдав себя ни звуком, что настораживает.

Люди - крайне шумные создания. Обычно они выдают себя за сотню-другую шагов, на этом расстоянии в подобных условиях учゅять запах нереально. Значит, к центру событий крадется неординарная личность.

Покосился на Чавка, но тот, как сидел, таращась одним глазом на попавшегося единомышленника по пищевым пристрастиям, так и

продолжал таращиться. Похоже, нюх у него не настолько уж и хороший.

Ну так где же скрывается носитель запаха?

Поиск ответа на этот вопрос занял не меньше двух третей минуты, что очень много, ведь человек обнаружился всего-то в четырех десятках шагов. Не потревожив ни веточки, он ухитрился прокрасться вдоль края лесополосы, а ведь местами ему приходилось преодолевать густые заросли и груды сушняка, срубленного рабочими, расчищавшими подходы к железной дороге.

Да уж - и правда ловкий тип.

Трэш до сих пор так и не увидел человека, тот мастерски скрывался в густой поросли. Но сумел разглядеть, как еле-еле шелохнулась зеленая веточка, а затем другая. С них будто кузнечики спрыгнули, вот только эти насекомые еще спят, они даже некоторое время после рассвета остаются вялыми, неспособными к акробатическим трюкам.

Минуты две ничего не происходило, затем опять начали подрагивать ветки. Судя по их поведению, человек пятится в обратном направлении. Неужели, заметил засаду? Да нет, это невозможно, с того направления не выдающую себя ни звуком троицу надежно прикрывали заросли. Плюс достаточно густые сумерки, плюс полная неподвижность и неброская расцветка тел.

А не хватит ли гадать? Можно просто выскочить, настигнуть осторожничающего человека в несколько прыжков и пожелать доброго утра. Даже если он вооружен, сомнительно, что носимое вооружение способно серьезно огорчить Трэша.

И тут, незнакомец, уже почти схваченный когтистыми лапами, внезапно поднялся и уверенно выбрался из кустов. Мужчина невысокого роста, не толстый, но грузноват, хотя виной тому не только жир - мускулатура, похоже, не из жалких. Облачен в коричневую кожаную куртку, поверх нее нашиты многочисленные кармашки из синтетической ткани пятнистой раскраски, обеспечивая дополнительную маскировку и служа вместилищами метательных и обычных ножей, ручной гранаты, монокуляра и даже мультитула. Некоторые предметы рассмотреть не удалось. Голову прикрывает зеленая бандана, на ногах камуфляжные штаны и треккинговые ботинки.

Экипировка нижней части тела заставила насторожиться, вспомнив о врагах - те любили одеваться похоже. Но это лишь эмоции, а рассудком Трэш подозревал, что человек здесь сам по себе. Уж очень убого вооружен - одна граната просматривается, несколько ножей, да арбалет. Причем, последний с виду неказистый - явно не заводская работа. Люди,

раскатывающие в отмеченных красными ромбами машинах, в этом плане куда богаче.

Небрежной походкой приближаясь к затрепыхавшемуся от близости потенциальной добычи каннибалу, крепыш, на ходу отстегивая от пояса небольшую ладную кирку, насмешливо произнес:

- Утро доброе, земеля. Ну что, фарт сегодня не прет?

От звука его голоса Чавк встрепенулся, разинув оба глаза, а Трэш молниеносно сжал его рот и еле-еле проурчал, скорее даже изобразил звук:

- Молчи и не шевелись!

Чавк умом не блистал, но с простым приказом справился почти на отлично. Почему почти? Да потому что тут же начал слону сглатывать, неотрывно следя за человеком.

А тот, добравшись до отчаянно тянувшегося к нему каннибала, легко избежал прикосновения жадных рук, небрежно взмахнул киркой, тут же отскочил.

Болтающийся в петле "странный" задергался пуще прежнего, разбрызгивая кровь из пробитого виска. И, судя по движениям, это что-то вроде танца смерти - или затихнет, после чего его добьют, или сам помрет.

Трэш склонялся к последнему варианту.

Но вышло чуть иначе. Пользуясь дезориентацией тяжелораненого каннибала, убийца спокойно обошел его и уже ничего не опасаясь, расчетливо ударил еще раз, в уродливый нарост на затылке. Таким обзаводились абсолютно все "странные", если не считать самых никчемных, едва передвигающихся.

Трэш опять было дернулся выбраться, но был вынужден остановиться и на этот раз, потому что человек занялся странным делом. Пока тело извивалось в последних конвульсиях, невозмутимо чистил клюв кирки об траву, после чего повесил ее назад на пояс, вытащил нож с коротким лезвием и, разрезав бугор на затылке, начал в нем копошиться с непонятной целью.

Можно, конечно, и дальше наблюдать за загадочной деятельностью незнакомца, но только есть ли в этом смысл? Он сейчас очень удачно повернулся спиной к засаде, грех не использовать удачный момент. И дело тут не в опасности с его стороны, он разве что для Чавка опасен, вот только поймать его надо живым и невредимым, а с этим, в случае погони с перестрелкой, могут возникнуть сложности.

Его надо сразу подавить морально, а не физически, что лучше всего сделать на кратчайшей дистанции.

Трэш, выбравшись из зарослей, вкрадчивой походкой направился к

ловушке, где человек рассматривал что-то, извлеченное из затылка трупа и недовольно при этом бормоча:

- Ты же лотерейщик, а не бомж со свалки, так ведь? Ну и почему такая фигня? Всего одна виноградина. Шутишь, что ли? Ну откуда вас столько лезет, тупых и начинающих, зачем таких убогих, мамы понарожали. Теперь оттаскивай тебя, заново ловушку ставь, кота приманивай, и все ради чего? Один споран, всего один споран. Да имел я ввиду такую охоту.

До человека оставалось несколько шагов, когда Чавк, так и рвущийся вперед, не удержался, протяжно и зловеще проурчал:

- Еда. Вкусная еда.

Человек среагировал мгновенно. Выпустив нож из руки, проворно крутанулся на пятке, чуть приседая и вскидывая арбалет.

И замер, ошеломленно разинув рот, когда узрел перед собой не тщедушную тушку Чавка, а чуть ли не ходячую скалу, покрытую броневыми пластинами и утыканную шипами.

Трэш чуть было не начал его успокаивать несложными фразами, но осекся, не успев ни звука издать. Урчи не урчи, а все равно не поймет, так что, нечего времени переводить.

Пользуясь ступором испуганного незнакомца, Трэш поддел когтем его арбалет. Вытащив из безвольных рук, отбросил никчемное оружие в сторону, хотел было содрать куртку со всеми железяками, но замер, возбужденно поведя носом.

Вблизи обнаружилось, что человек пах живцом.

Хвала высшим силам, наконец-то Трэшу попался тот, кто ему так сильно нужен. Этот источник информации куда круче ни на что не годной женщины. Ценному пленнику вскоре придется поделиться секретом волшебного напитка.

Да и самим волшебным напитком тоже следует поделиться.

Трэш сорвал с пояса фляжку в кожаном чехле, уже отработанно пробил ее бок когтем, опрокинул содержимое в рот, после чего вытряс все до капли и едва удержался от желания вывернуть тонкий металл и на совесть вылизать, не оставив ни миллиграмма божественного напитка.

Надо сказать, что все это он проделывал, второй рукой удерживая отчаянно рвущегося к пленнику Чавка:

- Еда! Еда! Вкусная еда! Порвать для Первого вкусную еду! Первый оценит и поделится.

- Да уймись ты уже, это не еда.

- *Как не еда?! Что?! Опять?! Да сколько уже можно?!*

- Ага, опять. Этого мы будем беречь, как себя не бережем, ведь он знает то, что надо знать мне. Буду с ним разговаривать.

- *Можно сперва съесть, потом разговаривай.*

- И как ты себе представляешь такую беседу, умник?!

- *Никак не представляю. Второй голоден. Когда Второй голоден, он плохо думает.*

- Ты лучше думай о баранах, родственничках своих. Скоро мы к баранине вернемся.

Трэш приставил к груди человека коготь, после чего шагнул назад и, увлекая пленника за собой нехитрым жестом, проурчал:

- Куртку свою сними.

Ну да, чего рвать, это может испортить и без того непростые отношения. А так избавит одежду от оружия и вернет целой.

"Новый член стаи", разумеется, ничего из сказанного не понял, но пошел следом без понуканий, на ходу то и дело бормоча приблизительно одно и то же.

- Не ширялся уже хрен знает когда. Не пил с вечера. Что это вообще за дела пошли? Блин, да будь оно все четырежды проклято, из-за одного вшивого спорана так вляпаться. Знать бы еще - во что...

Глава 19

- Так я что-то не пойму, ты, получается, кваз? Разве можно до ТАКОГО измениться?!

Трэша вопрос пленника сильно заинтересовал. А как иначе, ведь ему очень хотелось разузнать о себея, как можно больше, или пусть, хотя бы, что-нибудь, самую малость, для постижения которой столь остро не хватает фактов. Но этот вопрос он оставил на будущее, сейчас нужно вести разговор по заранее намеченному плану.

Поэтому усилием воли отогнал соблазн узнать, что, собственно, такое, кваз и выразительно постучал по фанерной табличке, где углем было нацарапано несколько слов, вместивших в себя очень многое: "Ты кто? Что ты делаешь с людоедами? Что это за место?"

Мужчина развел руки:

- Да я все тебе скажу, вариантов нет. Но ты, парень, пойми, вопросы у тебя такие, что без бутылки никак не ответишь, тут своих вопросов сто штук на один твой рисуется. Вот, хотя бы - звать тебя как? Как вообще обращаться к тебе?

Вновь захрустел уголь, и ответом стало не только имя: "Я Трэш. И я вообще ничего не помню. Ты мне все расскажешь".

- Трэш? Нормальное погоняло. А я Сыч, получается, вот мы и познакомились. И не пойму, а это кто с тобой? На лотерейщика средней паршивости смахивает, вообще, не кваз. Ты что, мертвяка приручил? Это, типа, дар у тебя такой, или как?

Трэшу начало надоедать это нескончаемое затягивание, и он поспешному набросал еще одно послание: "Это Чавк, ты для него - вкусная еда. Если так и будешь трепать языком, а не на вопросы отвечать, я отдам тебя ему".

- Братан, да я все понял, давай мы будем без этого. Я же ведь не молчу, я тупо не знаю, как начать. Ладно, я, значит, Сыч, живу сам по себе, один, сложилось так, проблем нахватался маленько, но это дело временное и поправимое, с каждым случиться может, места здесь такие. Людоедами ты мертвяков кличешь? Видать и правда с памятью у тебя хреновые дела.

И Сыч начал в меру своего интеллекта (непохоже, что завышенного) рассказывать поразительные вещи.

Оказывается, сумасшедший и глупый вовсе не Трэш, ничего здесь не

понимающий, а сам мир. Вот как можно вообразить территорию неизвестного размера, большая часть которой нестабильна и обновляется с периодичностью от первых часов до нескольких десятков лет (а, возможно, и сотен).

И если бы дело ограничивалось только этим...

Спустя неполные полчаса Трэш осознал, что у него голова распухает от вороха несистематизированной информации, бессвязно вываливаемой Сычом. Тот, осмелев или обнаглев, временами даже склонялся и панибратски хлопал по шипам брони, неприятно скалясь и выдавая сентенции в духе:

- А я сразу понял, что ты свой. Непросто с тобой, конечно, но ты все равно чувак без гнили, просто всем квазам кваз. Я про таких только байки слыхал, думал, врут люди, а вот ведь оно как. Понимаешь, в чем тут дело - мертвяки резину не тянут, сходу рвут. Да и откуда тут такому бугаю взяться? Куда ни плюнь, кто-то засел, все путевые стабы окучены, почитай, до самой черноты под институтом прогнулись. Это я не о том самом институте, а о местных шутах. Тепло устроились, под крышей у бубновых сидят, а чуть что не так, внешникам недолго прикатить. Тут можно день пролазить и следа мелкого рубера не увидеть. Не дают мертвякам разгуляться, дроны и днем и ночами летают, да еще турелей этих понатыкали. А они, между прочим,ечно глючат. У меня так крестного завалило ни за что, сдуру начала шмалять хрен знает откуда. Не знаю, с кем перепутала, но он и "мама" сказать не успел. Тридцать миллиметров прям под шею, да еще и снаряды хитрые, я его башку потом полчаса по кустам искал. Свой ты Трэш, свой, но я вот одно не понял - это по какой такой причине у меня штаны чистыми остались? Да тебе даже делать ничего не надо, просто покажись, и у половины разрыв сердца случится.

Сказанное показалось Сычу смешным, он хрипло-неприятно расхохотался, похлопывая себя по бедрам, после чего уставился на новый фанерный лист с очередным вопросом, помрачнел и медленно покачал головой:

- А вот тут, дружище, есть одна проблемка. Сам живец сделать - не вопрос, вопрос в том, как к нему спораны накопытить.

Трэшу надоело пачкать фанеру, попробовал донести возникший вопрос жестом - покачал головой, приложил усилие к тому, чтобы смотреться озадаченным.

Сыч, как ни странно понял, хотя до этого догадливостью не блестал. Возможно, начал привыкать к ситуации, и голова заработала эффективнее.

- Ты даже этого не знаешь? Да уж, конкретные непонятки у тебя,

парень. Вот, посмотри на своего Чавка. Видишь у него штуку на затылке? Будто какой-то мичуринец скрестил мандарин с капустой и половину полученного фрукта ему прилепил. Понятно, что получилось то еще уродство. Эту хрень называют споровым мешком, потому как, из нее вытаскивают спораны. Я покажу.

Покопавшись во внутреннем кармане засаленной жилетки, Сыч достал плоскую жестяную коробочку, раскрыл, протянул:

- Вот, погляди.

Трэш еще не успел склониться, как душу его обуяла жадность.

Живец - восхитительный аромат живца. Странноватый, надо признать, запах, слишком суховат, терпким отдает и некоторых ноток не хватает, но все равно узнаваем, его ни с чем не перепутаешь.

Вот только живца в коробочке не наблюдалось. Дно ее было застлано ватой, в углублениях расположились шесть зеленоватых яиц какой-то мелкой пичужки. Скорлупа странноватая, слегка просвечивается, выглядит чуть ли не стеклянной, но почему-то нет сомнений, что к стеклу это не имеет ни малейшего отношения.

И запах, похоже, доносится именно от этих "яичек".

- Вот это и есть спораны. Мертвяки разные бывают, те, которые только-только переродились, вообще пустые, у них даже мешков споровых нет, нечеловеческое это дело, вроде паразита постороннего. Если жрачку находят, отъедаются, мордахи плыть начинают, на затылке эта хрень вылезает, будто прыш сухой, хрен знает чем покрытый, но только не кожей. Поначалу в ней ничего кроме паутины не бывает, а вот дальше эти самые спораны потихоньку появляются. По одному, по два, а то и без них, - как фарт попрет. А с товарищами серьезными можно с одной туши ох как приподняться. Вот будь ты не квазом, та штука, что у тебя на затылке, была бы не пустая. Из элиты жменями спораны достают, и если бы только их. Чего опять киваешь? А, ясно, ты насчет живца? Эк тебя приперло, понимаю, сам на сухую раз почти четыре дня просидел. Живец, живчик, живач, живило, живунец - как только его не обзывают. Нет нам жизни, если вовремя не отхлебывать. С ним просто все: спораны нужны, водка, ну и вода, если с чистой водки воротит. Некоторые еще и сахар пихают, и мед, разное, в общем, но как по мне - голубизной отдает. Водка, вода, спораны - больше нормальному мужику ничего не надо. Чего? Сделать тебе ведро живца? Парень, а у тебя рожа не треснет? Шучу-шучу. Ведро, Трэш - это десять литров, а одного спорана хватает на половину литра. Сечешь математику? Это, получается, двадцать штук надо, а у меня всего шесть. Да и последнее даже менты не забирают, ты уж что-нибудь оставь, мне ведь

без живца кранты.

Трэш внутренне ликовал. Он узнал одну из главнейших тайн этого ненормального мира - тайну получения живца. Оказывается, перед его носом то и дело оказывались все необходимые ингредиенты, но он их упускал по незнанию.

Да что там говорить, можно вспомнить случай в супермаркете и прочие случаи, когда он сталкивался с врагами в упор. Ведь даже без фляжек с живительным напитком от них хоть чуть-чуть, но всегда попахивало живцом.

Вот в чем, оказывается, дело - это был запах споранов. По незнанию, он их, должно быть, немало оставил на телах. Вон, Сыч целых шесть штук таскает, и еще один уронил, выпотрошив затылок пойманного каннибала. Надо будет обязательно вернуться к тому месту и подобрать, благо, запах такой, что долго искать сокровище в высокой траве не придется.

Двадцать штук на ведро? Однако-однако... немало.

Но есть у Трэша кое-какие мысли насчет того, где можно столько найти.

Увы, как он не торопится припасть к ведру с чудом, правильнее будет подождать до вечерних сумерек. Внутренний голос не успевает напоминать, что ночь - самая благоприятная пора для того, кто не хочет лишний раз попадаться на глаза.

Однако, оставшиеся до темноты часы не стоит растрачивать в праздности. Для начала, нужно устроить еще одну психологическую накачку Чавку, не то он уже все вокруг слюной забрызгал, не сводя голодного взгляда с нервничающего по этому поводу Сыча. И что странно - реакция на женщину куда спокойнее, поначалу мрачные намеки делал, но быстро забыл эту тему.

Может, мужчины вкуснее?

Итак, начать следует с Чавка. Надо вбить в его тупую голову, что новый член стаи очень ценен, с него пылинки полагается сдувать и уж употреблять его на ужин нельзя ни при каких обстоятельствах.

Затем...

Затем пойдет информация, - Трэш станет пытать Сыча дальше и дальше. Тот, несмотря на показную словоохотливость, без настойчивых наводящих вопросов ничего полезного рассказывать не торопится. Явный любитель потрапаться ни о чем. Плюс возня с фанерой сильно затрудняет общение, и как ее заменить чем-нибудь более эффективным, Трэш пока что не придумал.

Разве что, попытаться натренировать голосовые связки, чтобы начали

выдавать понятную людям речь. Общение с Сычом и до сих пор не назвавшей свое имя женщиной даром не прошло, он заметил, что слова они произносят, выдыхая воздух, а у Трэша его урчащая речь работает исключительно на вдохе. Глядишь, если перестроится, со временем что-то получится.

Со временем - потому что сейчас вообще ничего не получилось. При попытке произнести свое имя на долгом выдохе, раздался такой утробно-злобный звук, что Сыч спал с лица, и даже женщина, возившаяся у газовой плиты, обернулась с перепуганным видом. А ведь, казалось, успела хорошенько привыкнуть к странным спутникам.

Ничего, Трэш будет стараться снова и снова. Он упорный, если это возможно хотя бы в теории - своего добьется.

Сыч, обматывая конец троса вокруг неведомой стальной детали, походившей на причудливо перфорированный швеллер, болтал, не закрывая рот и в основном, поднимал бесполезные или непонятные темы.

Лишь временами проскакивало интересное.

- Гнилые края, тут ты или под бубновыми через раз дышишь, или вообще о кислороде забудь. Платный воздух, получается, гы-гы. Сволочи и гады. Силу они о-го-го набрали, круче, наверное, только внешники. Чужие, если заходят, так сразу уходят. Ну это, конечно, если успевают. Говорят, старшим у них внешник бывший, Тевтоном кличут. Это, мол, потому, что даже на ночь панцирь броневой не снимает - типа рыцарь, мать его. Может и не врут, я-то его никогда не видел. Некоторые говорят, что нет его вообще, выдумали вожаки, чтобы цену себе повыше набить. Как ни крути, но бубновые раньше не бубновыми были, а одной из шаек, каких много. Это они при нем начали всех подминать. Внешних маски и кремы не всегда спасают, случается всякое. На базу заехал, там у тебя сходу кровь берут и на анализ отправляют. Если хрень местную находят, все, ты уже никуда не идешь, ты в Улье навсегда. На карантине держат, поговаривают, особо ценным, белые выдают, чтобы не обратились. Внешним хорошо, они даже САМОГО привалить могут, отсюда и белые получаются. Кто не обратились, те, как бы, внешниками остаются, но сам, наверное, понимаешь, это не совсем то: на базу уже не зайти, косо смотрят, о возвращении вообще забудь.

На последних предложениях Сыч воровато-испуганно обернулся и, оставив в покое трос, заявил:

- Примотал. И нахрена тебе эта нагайка?

Трэш, по понятной причине ничего не отвечая, ухватил неведомую деталь, прихваченную из вагона, где хватало metallurgicalской продукции, легко ее согнул, заставив напряженную сталь заскрипеть, молча указал на другой конец, а затем на волочащийся трос.

- А, помню, внатяжку нужно примотать, - кивнул Сыч. - Ну и силища у тебя, парень. И что это будет? Ладно уж, не отвечай. Эко тебя пробрало, даже голос потерял. Никогда я о таком не слышал, неужто, совсем не помнишь откуда такой красивый взялся?

Трэш помнил много чего, но делиться этой информацией непонятно с кем не торопился. К тому же, руки заняты, приходится удерживать изогнутую сталь в одном положении. Чуть дать слабину, и может выпрямиться, врезав концом по Сычу. А тот слаб, ему такого удара может хватить для фатального исхода, и придется искать новый источник информации.

- Вроде, готово, - неуверенно произнес Сыч, отходя в сторонку.

Трэш перехватил деталь за середину левой лапищей, правой аккуратно взялся за туго натянутый трос, потянул его на себя, заставив сталь завибрировать с тихим намеком на звон.

Отвел до виска и отпустил.

Трос, проехавшись по когтям, врезал по пластинам брони с дикой силой. Больно, конечно, не было, но Трэш заволновался, начал изучать ущерб, причиненный оружию. Вроде бы, ни одно волокно не лопнуло, но надо что-то сделать с рукой. Обмотать ее мешковиной, что ли? Порвет, конечно, но не сразу, как времененная мера - сгодится.

Но лучше найти что-то понадежнее.

- Это ты что, лук себе сварганил? - с удивлением спросил, наконец, догадавшийся Сыч.

Трэш кивнул, задумавшись о следующем этапе.

К луку нужны стрелы.

Вагонов вокруг убежища стояло видимо-невидимо. Многие пустые, еще больше тех, которые набиты абсолютно бесполезными грузами, но,

даже с учетом этого, хватало груженых вещами, которым можно попробовать найти применение.

У Трэша появились руки. Не свои и не сказать, что сильно мастеровитые, да и управлять ими проблемно, но простейшие действия Сычу давались хорошо. С его помощью удалось отрезать от стальной трубы диаметром миллиметров в тридцать три куска одинаковой длины, которые с одной стороны грубо заточили, с другой обстучали молотком, выбивая выемку под тетиву.

Испытательный выстрел Трэш решил провести внутри, в качестве мишени выбрав кирпичную перегородку в углу мастерской. Натянул лук, как следует, отпустил тетиву, мягко ударившую по обтянутому резиной предплечью. Труба, молниеносно пролетев десятка три метров, ударила чуть левее и ниже пятна, выбранного целью. Во все стороны брызнула кирпичная крошка, стрела осталась торчать в стене, сильно задравшись кверху.

- Да ты так бэтээр прошить сможешь, если правильно пульнешь, - одобрил Сыч и, хохотнув, хлопнул возившуюся у плиты женщину по заду.

Та, резко обернувшись, попыталась огреть наглеца черпаком, но тот легко уклонился, и, не переставая ржать, как безобразно обкурившийся конь, отскочил на пару шагов:

- Трэш, а твоя подружка ничего так, строптивая. Нравятся мне такие. Звать-то тебя как, красавица? Но-но-но! Черпак сломаешь, пожалей инвентарь!

А Трэш, тем временем, нацарапывая текст на фанере, размышлял о выстреле. Результат ему не понравился, стреле не хватало стабилизаторов или, хотя бы, утяжелителя на заточенном конце. К тому же, меткость неудовлетворительная, и это стало неприятной неожиданностью, он ведь уже привык, что любой брошенный им предмет летит куда надо.

Но с луком этот номер не проходит.

Может, да ну его? Толку от такого косого оружия? К нему ведь еще нужно придумать колчан, да не простой, а чтобы в нем стрелы не гремели друг о дружку, выдавая Трэша на всю округу.

Сплошные проблемы.

С другой стороны, лук - это повышение возможностей. Если, допустим, вооружиться пачкой крышек от колодцев, применять их возможно лишь на небольших дистанциях, а там и голыми руками можно неплохо справиться. Трэша, разве что, танк сможет смутить, со всем остальным он готов разобраться.

Нет, лук - другое дело. Если научиться попадать по дальним мишеням,

глядишь, дроны потеряют статус неразрешимой проблемы. Пока что, уже на полста метрах беспилотники абсолютно недосыгаемы для Трэша, а это крайне неприятно.

Лук способен это изменить, и поэтому до темноты нужно успеть разобраться с колчаном и хотя бы немного потренироваться.

Трэш развернул фанеру к Сычу.

"Когда стемнеет, пойду в город. Знаю, где есть спораны. Ты пойдешь со мной, будешь их вырезать".

- Раз нужен, могу и сходить, - чавкая недоваренным мясом, стащенным голой рукой из кипящей бадьи, торопливо ответил Сыч.

Объяснять ему, что это было не предложение, а неоспоримый приказ, Трэш не стал - нетронутой фанеры не так уж и много осталось, нечего ее пачкать без острой нужды.

Кстати, можно напрячь женщину, пусть попробует ее очистить. Или, лучше Сыча, не то он явно без работы скучает.

Но только после того, как сделает колчан.

Глава 20

- Трэш, братан, а этот твой урод дрессированный... он бабу не того, пока мы это самое? В смысле, пожрать он мастер спорта, вечно косится и слюни пускает.

Вопрос Сыча несвоевременный. К этому моменту парочка преодолела лесополосу, которая тянулась за железной дорогой, и начала пробираться по городской застройке. Отсюда до убежища, где остались Чавк и женщина, возвращаться около полутора километров, быстро обстановку там не проверить. Трэш только после сказанного осознал, что зря он оставил Второго. Тот, вроде как, понимал все, что ему приказали, но, складывалось ощущение, что чем больше расстояние между ним и Первым, тем ниже желание следовать чужим указаниям.

Если подчинение упадет до значения, на котором его пересилит вечное желание что-то жевать, стая уменьшится.

Не сказать, что великая трагедия, ведь толку от женщины немного. Да, она умеет варить баранину, это не отнять. Трэш успел оценить вкус и признает, что пусть он уступает многим яствам, но на порядок превосходит сырое мясо. Однако, кашеварить можно и Сыча поставить, работа, на вид, несложная.

Вот только доверия Сычу в этом вопросе нет. Вот не хочет Трэш принимать из его рук пищу, вот что ты с этим поделаешь. Откровенно скользкий, мутноватый тип и то, как втирается в доверие, пытаясь к себе расположить, выглядит неприятно. Откровенно лебезит, но, при этом, явно себе на уме. Вон, как постоянно по сторонам косится, да и вряд ли до конца откровенен, не просто так затягивает важные объяснения, то и дело норовя перевести их на другие темы.

Ответить развернуто не получится, фанеру с собой Трэш таскать не стал, это было бы совсем уж слишком. Просто чуть повернулся к спутнику и покачал головой.

Уверенности в исполнительности и силе воли Чавка нет, но развивать эту тему, будучи, по сути, немым - зряшная затея.

Поборов в себе желание вернуться, решил, что если Второй, оставшись без присмотра, занялся женщиной, ей уже ничем нельзя помочь. Она слишком слаба телом и духом, ей и минуты не продержаться против столь целеустремленного и сильного противника. А раз так, нет смысла

терять время, не для того они устроили вылазку, чтобы туда-сюда шастать.

Тьма, опустившаяся на город, лишила Трэша цветного зрения, но других неудобств не причинила. Глаз, поврежденный Мазаем, восстановился до такой степени, что от здорового неотличим, так что, можно зреть в оба полноценно. Вон, в двухстах метрах крыса прошмыгнула, еще пару дней назад она могла оставаться незамеченной, но времена изменились.

В хорошую сторону.

Выглянул из-за куста, осмотрелся, заметил пару зараженных, стоявших чуть дальше по другую сторону улицы, рядом с ними лежало тело, на которое они даже не поглядывали. Возможно, отправлено, по словам Сыча, такие подлости иногда устраивались внешниками, распылявшими с дронов разнообразную химию. Но, с таким же успехом, безмозглые создания могли игнорировать мясо по причине сытости. У них ведь свои пристрастия, особые, если это не труп иммунного, они прикоснутся к нему, только когда сильно припрет.

Сыч, тоже оглядев улицу, похоже, вообще никого не заметил, но, голосом, выдающим нервозное настроение, заявил:

- Стремно тут. Тухлятиной несет. Когда город так смердит, лучше обходить его десятой дорогой. Такой запашок кое-кому нравится...

Трэш знал, что город благоухает по причине большого количества останков разной степени сохранности и ничего опасного в этом не видел. Опыт недолгой сознательной жизни показывал, что мертвых бояться не стоит, все беды приходится ждать исключительно от живых. Но не было ни возможности, ни желания спорить на эту тему, он просто вышел из кустов и уверенно двинулся в сторону центральной улицы.

Спутник на несколько секунд замешкался, - идея передвигаться на виду у возможных наблюдателей его смущала. Но затем припустил со всех ног, на бегу опасливо оглядываясь. Опасался кого-то, скрывающегося за спиной, причем совершенно зря, ведь Трэш точно знал, что никого там нет.

Он теперь много чего знал. Восстановилось не только тело, восстановилось и управление над ним, включая контроль над органами чувств. Трэш прекрасно видел, слышал и улавливал запахи, но этим дело не ограничивалось.

С его ощущениями происходило нечто необъяснимое. Вся информация, поставляемая в мозг, неведомым образом в нем систематизировалась без участия сознания, после чего любой сигнал, или хотя бы намек на него, наносился на бледное подобие трехмерной карты. Причем, последнее тоже происходило само собой, так же естественно, как

дыхание или сердцебиение, ни на миг не приходилось отвлекаться для управления процессом.

Трэш обозревал округу в приличном радиусе, одновременно все направления, всё сочетание улавливаемых ушами звуков, глазами - зрительных образов, и даже нос вносил свою лепту. Возможно, это не единственные источники информации, ведь некоторые явления он не мог объяснить одной только работой традиционных органов чувств.

Вон, в тридцати шагах пробежала еще одна крыса. Трэш ее не видел, но слышал, как она характерно-дробно шмыгнула по осколкам стекол, вывалившимся из оконных рам. Если любые звуки, раздававшиеся с небес, раньше заставляли его нервничать, сейчас он полностью игнорировал шум, создаваемый летучими мышами, носившимися в разных направлениях в поисках летающих насекомых. Остывая вместе с ночным воздухом, громко деформировалась закрытая пластиковая бутылка, и пусть на глаза она не попалась, направление и расстояние известны, значит, валяется через улицу, в траве под балконами, с одного из которых ее выбросил кто-то крайне нечистоплотный.

Трэш превратился в центр чуть ли не идеально просматриваемой сферы. В ее пределах даже самому мелкому созданию непросто избежать обнаружения.

Полезные новости. Похоже, чем больше он приходит в себя после череды травмирующих жизненных невзгод, тем сильнее становится. Глядишь, дождется восстановления брони и прочего, после чего превратится в...

В кого? Ведь как ни изворачивался Сыч, Трэш многое из него вытащил, в том числе и о квазах, к которым тот, вроде как, причислял своего пленителя. Но нет, с таким выводом соглашаться нельзя, слишком многое свидетельствует против этой версии. У таких людей не бывает споровых мешков, обычно, внешне они изменяются незначительно, даже до стадии, когда становятся похожими на Чавка, добираются далеко не все, а уж через нее переступить способны чуть ли не в единичных случаях. Несмотря на новый голос, они не теряют дар человеческой речи и не могут общаться с зараженными на их языке. Да и те не признают их за своих, рассматривают в качестве добычи. Уроды сохраняют прежнюю память, броневые платины встречаются в редчайших случаях, бляшки чаще, но крепость их несеръезная.

И, наконец - квазов весом в полторы тонны и больше не существует. Даже треть от такой цифры для них уже чересчур. Сыч, правда, ссыпался на какие-то истории, где фигурировали изменившиеся люди, достигшие

этой планки, но выглядели его рассказы крайне недостоверно.

Лишь одно роднит с квазами, Трэша не тянет на человечину. При одной мысли ее попробовать, становится дурно. Для зараженного - крайне нетипичное поведение, однако, это единственное, что не противоречит версии Сыча, все остальное работает против нее.

Трэш не кваз, Трэш зараженный, что бы кто на это ни говорил. Но нельзя не признать, что на всех прочих представителей своего племени он похож только внешне.

Почему? Из общения с Сычом родилось два ответа.

Первый: садисты издевались над Трэшем не просто так, они проделывали какие-то жестокие опыты, из-за которых он стал не таким, как все.

Второй: он достиг стадии, на которой у зараженных могут проклонуться самые разные способности. Почему бы не предположить самозарождение разума?

В последний ответ верилось слабо, "внутренний голос" и память о многом, в том числе о человеческом языке, смущали. Если разум появился с нуля, откуда у него взялись такие воспоминания?

А еще мучители не раз говорили, кем именно Трэш является.

Если он всего лишь элитник, то надо признать - элитник крайне странный.

Правда, Сыч мог попросту соврать, проверить его информацию пока что нет возможности.

Присутствие людей Трэш засек метров за двести от дома, где он вместе с Чавком скрывался от воздушного наблюдения, после химической атаки, под которую едва не угодил.

Под людьми, в данном случае, он подразумевал не какую-либо разновидность зараженных. Спасибо Сычу, если не напутал и не наврал, теперь понятно, кто есть кто, классификация несложная.

В районе центральной улицы находились именно люди, а не зараженные. И эти люди не прятались, воровато продвигаясь по захваченному мертвяками городу, они были уверены в себе настолько, что кто-то из них даже позволил себе закурить. А ведь Сыч все уши прожужжал, жалуясь на то, что ему пришлось отказаться от вредной

привычки, потому что твари чуют запах табака издали, а это может существенно сократить жизненный срок.

Похоже, их там немало, с десяток, как минимум. Неизвестно, что за техника, но она точно присутствует, доносится подозрительно тихий шум двигателя. Возможно, его каким-то образом приглушают. Там, где есть машины, может оказаться и тяжелое вооружение, а Трэшу лечение уже до чертиков надоело, хотелось обойтись без ущерба для шкуры.

Есть еще один нехороший момент - Сыч. Если Трэш, в случае опасности, может быстро покинуть опасное место, расшвыряв всех, кто отважатся встать на его пути, спутник на такое неспособен. Одна удачно выпущенная пуля или близкий разрыв гранаты запросто его покалечит или убьет. И кого после этого расспрашивать? Женщину? Ну да, смешно, ведь все, что сложнее вареной баранины - явно не ее епархия. Получается, она здесь новенькая, ничего не знает, в повышении информированности ничем не поможет.

К тому же, не исключено, что из пустой головы Чавка под давлением неутолимого голода вылетели все вбитые приказы, и он прямо сейчас обгрызает косточки поварихи, нахваливая вкусную пищу.

Кстати, поесть и самому не помешает.

Но это потом, сейчас необходимо разобраться с обстановкой и что-то решить с Сычом. Его Трэш взял исключительно в качестве инструмента по вырезанию споранов, но, похоже, сбор сырья для живчика откладывался на неопределенное время.

Спутника нужно куда-то пристроить.

Оглядевшись, Трэш нехорошо покосился в сторону одиночного мертвяка, занятого важным делом, - он неуклюже подпрыгивал, пытаясь добраться до крайне омерзительной добычи. Какой-то мужчина, определенно пребывая в депрессивном настроении, решил познакомить свою шею с петлей из стальной проволоки. Его тело свесилось из окна третьего этажа и прилично не доставало до земли. Благоухающий на всю улицу зараженный мечтал ухватиться за ноги, но было очевидно, что ничего из этого не выйдет.

Увлеченный этим занятием, мертвяк не замечал ничего вокруг себя и к тому же беспрерывно шумел, привлекая к себе внимание. Трэш, проанализировав ситуацию, решил оставить его в живых, хотя поначалу планировал прикончить. Даже не ради добычи, у столь слабых созданий, если верить Сычу, шансы найти спораны невелики. Он полезен, действует, как яркая лампа, приманивающая мотыльков. Глядишь, ни на что другое никто отвлечься не станут.

Например - на поиски спрятавшегося Сыча.

Заведя спутника в воняющий тухлятиной и дерьямом подъезд, Трэш, стараясь давить на плечо легонько, принудил его присесть у стены, после чего сумел изобразить шипящий звук, надеясь на понимание того, что это призыв соблюдать тишину и оставаться на месте.

Если Сыч удерет, придется за ним гнаться, а терять время не хотелось. Неплохо бы его связать или запереть. Может загнать в одну из квартир наверху и на дверь навалить тяжелых вещей? Нет, пустая затея, в доме всего-то три этажа, а этот тип с виду ловкий, если захочет, спокойно выберется.

Понадеявшись на авось, оставил спутника в сумраке подъезда. Вышел наружу, поколебался, думая, не подпереть ли выход автомобилем, стоявшим у подъезда, но представив шум, которым будет сопровождаться эта деятельность, рисковать не стал.

Кто знает, насколько у этих людей острый слух.

И насколько мирные намерения.

Тела, оставшиеся на улице после нанесения воздушного удара, Трэш считал своей законной собственностью. Ему они не целиком нужны, лишь кое-что на затылках. Пробираясь в город, он предвкушал добычу в десятки споранов, этого должно хватить на несколько ведер самого восхитительного в мире напитка.

Узнав, что кто-то обнаглел до такой степени наглости, что покусился на личные сокровища, Трэш первым делом задумал членовредительство, массовое убийство и порчу имущества.

В "сфере полного восприятия" пребывало одиннадцать человек и две единицы транспорта, на котором они сюда приехали: обширен железом тяжелый грузовик с пулеметным гнездом наверху, и ненавистный пикап, вооруженный тем же самым.

Люди действовали, чуть ли, не как у себя дома. Половина прикрывала занятых важным делом - перемещаясь от тела к телу, те потрошили затылочные мешки. Похоже, уже большую часть улицы вычистили от ценностей. Заметно, что этот процесс для них хорошо знаком, отработан до мелочей. Пикап все время наготове, заведенный стоит, то и дело меняя позицию. Когда народ прилично отрывается от грузовика, тот заводится и

подъезжает. Растворимость не допускается, держатся компактно, стрелки, с оружием наготове, контролируют все опасные направления.

Тьма не помеха - люди используют приборы ночного видения и фонарики, дающие странный свет. Должно быть - инфракрасные, с очень похожим явлением Трэш сталкивался в супермаркете, где впервые в сознательной жизни сумел хорошенко наесться.

Если такой штукой посветят на него, есть риск, что заметят. Ведь мало ли, вдруг от такого света его умение прятаться не помогает, оно ведь совершенно неизученное. И потому, он укрывался банальным способом - в кустах сирени.

Как ни осторожничали люди, незамеченными они остаться не сумели. И дело тут не только в Трэше, их слышала вся округа, ведь дрон вычистил лишь часть центральной улицы, обитатели всех прочих мест не пострадали и теперь проявляли интерес к деятельности потрошителей.

Самые глупые то и дело высакивали с разных направлений, после чего, в большинстве случаев, падали от выстрелов из арбалетов. В некоторых случаях людям приходилось браться за огнестрельное оружие. Даже оснащенное глушителями, оно, с точки зрения Трэша, шумело изрядно, что подтверждалось все новыми и новыми попытками нападения, - зараженные сбегались на звуки.

Но своим неожиданно прорезавшимся чутью он видел, что не все мертвяки торопятся подставляться под болты и пули. На самой границе "сферы всеведения" наблюдалась подозрительная оживленность. Как минимум, два крупных, значительно изменившихся зараженных, плюс еще один, упрямо избегавший обнаружения, выдававший свое присутствие лишь косвенными уликами. Ну и бегающая грязная мелочь тоже там крутилась, причем, страха перед развитыми сородичами эта шелупонь не проявляла.

С этими все понятно - стая. Возможно, остатки той самой, с которой случился конфликт у магазина. Руководство у этой своры не совсем уж туполобое, раз не торопится высакивать на пару тяжелых пулеметов, но и уходить не торопится, крутится поблизости, на что-то надеется.

А почему бы не попробовать спровоцировать конфликт? Взять и погнать стаю на людей. Трэш не сомневался, что с руководством общий язык найти получится - или поговорить дипломатично, или по голове кое-кому настучать, или и то и другое совместить.

Что-нибудь из списка непременно сработает.

Одно смущает - на технике не видно красных ромбов. Пускай во мраке их окраску не разглядеть, но сами-то они никуда не денутся. Враги

наносили их и спереди, и сзади, и по бортам и даже на крыши, а тут ни единого.

Значит, это вряд ли отряд из группировки бубновых. В самом худшем случае, - банда, работающая под их крылом. Но как-то сомнительно, ведь, в таком случае, им не нужно бояться действовать при свете дня.

Не исключено, что эти люди - враги врагов Трэша. Говорить о дружбе по этому поводу вряд ли возможно, но зачатки совести не радуются перспективе схватки.

Что-то он становится совсем уж мягкотелым. Его тут грабят самым наглым образом, а он чуть ли не целоваться с грабителями готов.

Мысленно обзываая себя слюнтям и крайне нерешительным созданием, Трэш, тем не менее, заставить себя атаковать не смог. Но и уходить не стал, вместо этого начал перемещаться от укрытия к укрытию, приближаясь к месту дислокации стаи зараженных. Для начала, хотел изучить численный и видовой состав, а дальше посмотреть, что тут можно предпринять.

И полпути не прошел, как заметил новые действующие лица. Тоже люди, тоже ведут себя тихо, но непохоже, что принадлежат к тому же отряду. Зато очень похоже, что собираются, как следует, навалить грабителям споранового Клондайка.

Трэшу пришлось рисковать, пробираясь под стеной дома, на крыше которого устраивался человек с винтовкой. Стоит тому пройти к краю и взглянуть вниз, как заметит полуторатонное чудище, с дивной для такого массивного тела бесшумностью пробирающееся к углу здания.

Зачем понадобился угол? А затем, что оттуда можно разглядеть машину, выдающую себя приглушенным урчанием двигателя. Очень хочется хорошенько ее осмотреть.

Трэш, чуть высунувшись, на секунду замер, после чего убрал голову. Больше смотреть не на что - все, что требуется, он увидел.

Пикап, подозрительно работающий чуть ли не бесшумно, несмотря на явно не последний движок, и по ночному темно-серый ромб на его борту. С принадлежностью этого отряда вопросов не осталось - старые знакомые.

С одной стороны грабят, с другой появились люди, при одном виде которых зубы скрежетать начинают, с третьей стая, а Трэш, значится, посредине этого собрания устроился.

Изо всех сил представляя, что превратился в невидимую невооруженным глазом точку, он размышлял над дальнейшими планами. Судя по тому, что наблюдает, бубновые собираются атаковать похитителей споранов. И, надо признать, сомнений в их победе нет. В "сфере

"восприятия" Трэш насчитал шестнадцать противников, к тому же, помимо пикапа, присутствует, как минимум, еще одна машина. Она явно тяжелая, возможно - хорошо бронированная. Находится слишком далеко, чтобы уверенно ее идентифицировать, подгонять сюда раньше времени ее опасаются, слишком солидно шумит мотор. Сколько там врагов - неизвестно. Как минимум - один.

То есть, на стороне бубновых численное превосходство и возможно, преимущество в вооружении и технике, ведь всего один бронетранспортер может оказать колossalное влияние на баланс сил. Ну и фактор внезапности - само собой, ведь сборщики споранов не подозревают об угрозе.

И еще кое-что - зараженные почему-то к бубновым не приближаются. Трэш понятия не имеет, в чем тут дело, похоже, заклятые враги используют какой-то секрет. Нужно будет у Сыча потом спросить, возможно ли такое.

Если этот мутный тип не успел улизнуть или попасться кому-нибудь на поздний ужин.

Взвесив все за и против, Трэш принял решение. Нет, нападать наобум не стоит - бронированная шкура еще от прошлых приключений не отошла, не стоит на новые нарываться. Но вот посмотреть со стороны на события, которые намечаются - не помешает.

Глядишь, и перспективный вариант подвернется.

Трэшу в первую очередь надо думать о жизни и здоровье себя любимого, но и о мести забывать не стоит.

Как и о споранах.

Глава 21

Бубновые действовали неспешно, очень похоже - это один из лучших их отрядов. Трэш видел, что оружие врагов не на свалке найдено, экипировка однотипно-эффективная, и действуют не каждый сам по себе, а будто единый организм, органы которого способны существовать, частично, автономно.

Расчетливые перебежки, где каждый прикрывает каждого, жесткий непрерывный контроль окрестностей с разных позиций и полная незаметность для противника, хотя между ними и подкрадывающимся авангардом и сотни метров не осталось.

Это не мародеры, вычищающие супермаркеты, это убийцы, которые вот-вот набросятся на ничего не подозревающих жертв.

Трэш, притворяясь маковым зернышком на дне бочки с мазутом, глядя на действия врагов, мрачнел все больше и больше. Очень уж расчетливо и безошибочно те действовали, а смердящий город будто им подыгрывал, не выдал ни единым насоком урчащих мертвяков. Если так и дальше станет продолжаться, они беспрепятственно устроят огневой мешок на последнем отрезке пораженной химическим оружием улицы. Вон, прямо посредине установили пулемет, прикрываясь брошенной машиной. От ее фаркопа протянули трос, привязав к скрывающемуся в переулке пикапу. Когда понадобится, тот сдаст вперед и оттащит преграду.

Вот ведь наглые. Не боятся, что заметят? Или радиус действия приборов ночного видения невелик?

Понятно, что не очень-то опасаются, а вот почему - загадка.

Расслышав, как вдалеке резко выросли обороты у неведомой тяжелой машины, Трэш покосился в сторону грабителей споранов и понял, что те до сих пор ни о чем не подозревают. Вот ведь тетери глухие. А ведь тяжелая техника начала выдвигаться, это верный знак, что вот-вот начнется самое интересное.

И надолго оно не затянется, потому как, в первые же секунды боя все потрошители затылков будут гарантированно уничтожены, а бойцы, их прикрывающие, как минимум, понесут тяжелые потери. С оставшейся группкой раненых и деморализованных справятся без малейшего труда. В лучшем случае, разве что, кто-то очень прыткий и везучий сумеет сбежать, затерявшихся во мраке и не попавшихся при этом в лапы зараженным.

И останется Трэш наедине с полнокровным отрядом опасно выглядящих бубновых.

Пара из них расположилась в считанных шагах - за углом соседнего дома. Дальше не торопятся, похоже, работать планируют именно оттуда. Поглядели в сторону противника, затем чуть отступили и завозились с дверью. Похоже, хотят проникнуть в магазинчик на первом этаже, превратив его в огневую точку.

Вот только ни один, ни другой не подозревают о полуторатонном сюрпризе за их спинами.

Ох и зря они полезли к этой двери, ведь там их не видят остальные. Обстановка, конечно, может измениться, вот только у Трэша на этот счет другие намерения.

Убедившись, что из посторонних никто не таращится в эту сторону, он стремительно пересек открытое пространство, припал к стене магазина и начал красться вдоль нее. Для своей массы и габаритов он умел передвигаться настолько тихо, что сам себе поражался. Да, на ступнях у него хитроумная система мягких подушечек с меняющейся конфигурацией, но сваливать все на нее не получалось. Нет, тут явно что-то нечисто.

Дальше подошло время рискованного момента - бесшумно убивать Трэш не умел. Ночь предательски тихая, ни намека на ветерок, можно легко расслышать человеческое дыхание за сотню шагов. Одна надежда - слух у людей не настолько хороший, как у пусть и нестандартной, но элиты.

Выскочив из-за угла, Трэш в коротком рывке достал сразу двоих, врезав одновременно обеими лапами. Один при этом начал продуманно разворачиваться, профессиональным движением уходя в сторону, другой, возвившийся с замком, ничего не успел осознать.

Все равно досталось обоим - громадные когти легко раздробили черепа, разбрзгав их содержимое.

Звук при этом раздался - будто реактивный самолет взлетает. Трэшу, естественно, от волнения такое показалось, но что-то в этом есть. То, что он успел перехватить тела, уложив их мягко и навалившись тушей, не позволяя дергающимся в агонии конечностям стучать по асфальту, помогло слабо.

Если не вся улица услышала, то половина точно.

Сканируя местность, он заметил было пару намеков на то, что случившимся заинтересовались. Но прошла минута, а в сторону магазина никто не выдвинулся.

Похоже - пронесло.

Выглянув из-за угла, Трэш убедился еще и зрительно, что сюда никто

не торопится. Бубновые все также продолжали планомерно обкладывать выбранный для засады отрезок улицы, а шум тяжелой техники перестал приближаться, - добралась до исходного рубежа, за который соваться нельзя - предупредит противника раньше времени.

Глупые люди, можете этого не опасаться, потому как, его все равно сейчас предупредят.

Трэш стащил со спины лук и аккуратно прислонил его к стене. Потрогал стрелы - трубы, утяжеленные заточенной арматурой (конструкция оказалась относительно устойчивой на приличных дистанциях полета, не пришлось возиться со стабилизаторами). Не гремят в набитых мешковиной пластиковых гнездах грубого колчана, вытащить можно быстро. Минус лишь один - их только три, поэтому заранее оценил расположение подручных предметов, пригодных для метания.

И заодно пожалел, что не прихватил дополнительное оружие. Хотел ведь взять тот рельс для узкоколейки, но счел тяжелым и неудобным. Вот ведь бестолковый, мог бы сейчас метнуть его вон в тот забор, накрыв скрывающуюся за ним парочку.

На будущее придется запомнить.

Пальцы у Трэша - будто пеньки от молоденьких деревцев, даже грубую работу такими выполнять не очень-то комфортно. Когти еще больше усложняют любую задачу, если речь не идет о кровавом членовредительстве, но, к счастью, хоть и выглядят обломанными, кое-какая острота на кончиках присутствует.

Сжав между пальцев выдернутую из разгрузки покойника гранату, Трэш сумел ухватиться когтями за кольцо, легко его вытащить, не разгибая стальные усики, после чего рычаг отделился с нехорошим звуком - прижать его к корпусу сноровки не хватило.

Что есть силы швырнул опасный предмет через улицу, планируя достать парочку врагов за забором, но, увы, с мелкими вещицами меткость работала скверно - металлический шар звонко плюхнулся посреди улицы и, прокатившись по асфальту пару-тройку метров, рванул с таким грохотом, что тут и последний недоумок должен осознать - незамеченным этот звук не останется.

Да его весь город услышал.

Сборщики споранов, не раздумывая ни мгновения, бросились куда, суматошно укрываясь по краям улицы. Их пикап взревел, сорвавшись с места, пулеметчик, разворачивая оружие, выпустил очередь вдоль улицы. Явно не целясь, никого не видя, просто пугнуть, или нервы сдали. Кто-то на бегу пульнул в ту же сторону из подствольника, но не успел хлопнуть

разрыв, как после приглушенного, "кашляющего" выстрела автоматчик рухнул замертво, разбросав по обочине содержимое головы.

А пикап бубновых, уже ничего не опасаясь, заревел, сдергивая с проезжей части брошенную машину. Открывшийся пулемет заработал чуть ли не в тот же миг, обрушив град тяжелых пуль на обе машины сборщиков. Грузовик застигли врасплох, он как раз стоял с заглушенным двигателем, а его младший собрат хоть и дернулся к проулку, добраться до него не успел.

Трэш решил заняться пулеметом попозже, для начала надо разобраться с близкими целями. С его позиции открывался прекрасный вид на стрелка с винтовкой, который засел на крыше. Тяжелое оружие и пользоваться им умеет, добраться до него непросто.

Самое время испытать лук в настоящем деле. Кирпичные стены и прочие мишени - удел слабаков.

Первым выстрелом Трэш промахнулся. Стрела, если так можно назвать эту сравнимую размером с рыцарским копьем штуковину, пронеслась в полуметре над головой снайпера. Для него это событие незамеченным не прошло, к тому же он, несмотря на явный профессионализм, позволил себе изумиться странности обстрела, потому как чуть приподнял голову.

Ну да, не каждый день у тебя над макушкой тяжелое сантехническое оборудование пролетает.

Вторая стрела попала, - Трэш сделал поправку на высоту цели. До этого он подобные тренировки не проводил, но все прошло, как надо, - человек только что сидел на крыше и вдруг исчез, даже крикнуть не успел.

Третью планировал потратить на пулемет, скучыми очередями обрабатывающий обочины, но тут вмешалась та самая тяжелая машина, до сих пор остававшаяся невидимой. Это и правда оказался бронетранспортер, тоже вооруженный тяжелым пулеметом. Выкатившись из проулка, он замер посреди улицы, развернул башенку и плюнул пламенем.

Сборщики споранов уже не один раз успели пожалеть, что посетили этот городок. Их пикап уже горел вовсю, а грузовик нехорошо дымился. Несколько бойцов нашли укрытие за ступенями магазина, из которых пулеметы сейчас выбивали бетонное крошево, остальные вжимались в землю или лежали за неказистыми укрытиями, суматошно отстреливаясь от выбивающих их с трех сторон врагов.

Еще пара минут такого боя и отстреливаться станет некому.

Трэш, натянув лук до отказа, выпустил последнюю стрелу. Она с грохотом врезала в борт бронетранспортера, чуть левее дверцы, в которую целил. Не пробила, но звук вышел столь оглушительным, что пулемет

заткнулся секунды не две. Возможно, засевший в башенке человек счел нужным принять сильнодействующее лекарство от стресса.

Вот зачем потратил впустую последний боеприпас? Баловство ведь, изначально было понятно, что цель слишком крепкая. Да и пробей, какой толк? От одной дырки такая машина не развалится.

Заигрался. Пора всерьез начинать работать. Лук - ерунда, а вот когти - наше всё.

Подавив порыв выкинуть ставшее бесполезным оружие, Трэш размахнулся и швырнул его в тот самый забор, через щели которого сейчас работали вражеские автоматчики. Попал куда надо, доски разлетелись в стороны, пальба моментально прекратилась.

Это он оценил уже на бегу, помчавшись за линией домов, протягивавшейся вдоль улицы. Место знает хорошо, разглядел еще днем немало полезных подробностей. Вот, например - стопка бетонных блоков. Почему бы не прихватить хотя бы один. Весу в нем не меньше трех центнеров, такая тяжесть в руках успокаивает, когда решаешься выйти против бронированного зверя.

Когда Трэш выскакивал на улицу, кто-то испуганно вскрикнул где-то справа, но это ничего не изменило. Легко преодолев оставшееся расстояние, запрыгнул на дернувшийся от прибавки массы бронетранспортер, пинком вывернулся продолжавший плеваться огнем и металлом пулеметный ствол, после чего, для разминки, врезал блоком по макушке башенки.

Лючок снесло, а внутри заорали с таким ужасом, будто углядели самого черта (что, в сущности, не лишено оснований). Дальше Трэш, не медля, сунул лапу в недра машины, кого-то ухватил и как следует сжал когтями.

Крик смолк.

Одним меньше.

Теперь размахнувшись блоком, занеся его двумя вытянутыми руками над головой, после чего со всей дури обрушить на крышу, примеряясь к подсказанному внутренним голосом слабому месту. Бронелисты выдержали, но не совсем - их повело, прогнулись, расходясь по сварным швам, экипаж при этом испытал богатейшую гамму эмоций, - изнутри в два голоса заорали неописуемо.

Трэш дернулся, припадая к броне, пропуская над собой реактивную гранату и оборачиваясь в направлении наглеца, посмевшего ее запустить. Вон он, в паре десятков метров. Вот же индюк тупорылый, забыл все, чему его учили, ведь гранатомет узнаваемый, дистанция для такого слишком

мала, на ней взрыватель не успевает встать на боевой взвод.

Это прекрасно, значит, никчемного бойца можно временно игнорировать, пускай играется дальше. Трэш размахнулся блоком, метнул его в пулеметчика, спешно разворачивающего свое тяжелое оружие и, не обращая внимание на удары автоматных и винтовочных пуль по непробиваемой коже, присел, просунул руку в щель разошедшегося шва, напрягся, ритмичными рывками тела начал отгибать край броневого листа кверху.

Между прочим - успешно. Вот-вот, и можно будет заняться самым интересным.

Внутри это тоже прекрасно понимали и потому решили спастись методом панического бегства. Бронетранспортер, не разбирая дороги, понесся по переулку, снося заборы, киоски, переезжая брошенные машины и сбивая торопившихся на шумиху зараженных.

А Трэш упорно продолжал сражаться со сталью.

Изнутри начали стрелять из пистолета. Пули били по скрученному металлу, рикошетили в морду, одна чуть в рот не залетела. Трэша это разозлило, заставило дернуться посильнее, с риском не удержаться, скатиться с разгоняющейся машины.

Есть! Это уже не щель, это уже полноценный проход в недра бронемашины. Ухватиться за углы, рвануть, загибая кверху. Готово. Теперь одну лапу внутрь, вторую следом, ухватить доблестного пистолетчика и свернуть ему шею. Чуть переборщил, голову оторвал, ну да какая разница, результат вполне устраивает.

Водитель, осознав, что бронетранспортер превратился в уродливое подобие кабриолета, где, к тому же, оказался крайне нежелательный пассажир, заорал совсем уж обреченно и отчаянно вывернул руль, направив машину в угол дома. За миг до столкновения Трэш вырвал крикуну из сиденья и отпрыгнул в сторону, одновременно швыряя тело в кучу набегающих мертвяков.

- Жрите быстрее и живо все за мной, там еще много осталось!

Тупая мелюзга налетела на визжащее угощение без дополнительных вопросов. Надолго им не хватит, и даже без пояснений Трэша понятно, что основное пиршество имеет место где-то впереди, так что, заявятся обязательно.

Кстати, пора бы и самому туда податься.

Сборщики споранов, которых он так вовремя спас от полного разгрома, суматошно грузились в дымящийся грузовик, непрерывно отстреливаясь от набегающих со всех сторон зараженных. При виде Трэша они засуетились еще быстрее, выделив и в честь него несколько очередей.

- Дебилы вы тупые! Я ж вам почти как брат! - насмешливо-обижено проурчал он, провожая стронувшуюся с места машину взглядом.

Поразительно, но, дымя, будто паровоз, она разгонялась очень даже бойко.

Покосился влево, где бубновые попали в такую задницу, что смотреть больно. И ведь можно почти с чистой совестью сказать, что Трэш тут, вообще, не при делах.

Стая дождалась своего, напав на врагов в тот момент, когда у тех и без них дел хватало. Понеся потери от действий Трэша и сборщиков споранов, в данный момент остатки бубнового воинства выглядели жалко: потеряно больше половины состава, а сбегающиеся на шум стрельбы зараженные не способствовали улучшению ситуации.

Один, похоже, решил спрятаться на крыше. Умная затея, возможно, никто не заметит его маневр.

Кроме Трэша. Он-то все видит и все помнит, если другие не доберутся, он наверстает ими упущенное.

Покосился в сторону грузовика, тот как раз сворачивал, скрываясь из виду. Все, бой закончен, улица очищена. Возможно, уехавшие увезли немалую часть добычи, но, вообще-то, вряд ли. Они понесли большие потери, тела там и сям валяются, да и новых мертвяков набить успели, а кое-кто и сейчас продолжает набивать - отдельные бубновые, загнанные по углам, спешно расходуют боеприпасы.

Трэш, развернувшись, направился в проулок. Там, в паре кварталов, остался Сыч, надо срочно тащить его сюда, пока новые охотники на чужое добро не понаехали. Без ловких рук спутника спораны добыть не получится, так что, придется ему поработать.

Работать, кстати, придется посреди толпы зараженных. Вот только они ничем Сычу не угрожают, бояться за его жизнь не стоит. Трэш сейчас шел через них, мертвяки так и продолжали сбегаться к центру событий, но могучую фигуру элитника огибли заблаговременно. Он продвигался среди них, будто ледокол по арктическом льду.

Вот только не бывает таких ледоколов, чтобы лед расходился с их

пути, не приближаясь к корпусу.

Трэш сегодня будет пить живчик. Трэш могуч, он победил врагов. Трэш сильнее всех. Трэша боятся. Трэша уважают. Никто не тронет того, кто подчиняется Трэшу. Сыч может смело поплевывать на головы зараженным.

Ну это, если достанет, ведь близко они не подойдут.
Понимают, под чьей он защитой.

Женщина, дожидаясь возвращения парочки, наварила столько баранины, что Трэш устыдился своих мыслей по поводу бесполезности этого члена команды. Пахло необыкновенно вкусно, рот начал стремительно наполняться слюной.

Заискивающе улыбаясь, повариха спросила:

- Лавровый лист принесли? Лаврушку?

Пока Трэш выгружал трофеи, Сыч оглашал список добычи:

- Специй тебе разных набрали. Так что давай, старайся, тут все не дураки вкусное порубать. Водки ящик целый затарили. Водка, ничего так, пьется хорошо и на живчик пойдет, только так. А я тебя не забыл, сухого винца прихватил. Ты же будешь? Ну, отметить такое дело надо. Слыхала, что в городе творилось? Трэш там чисто Содом и Гоморру устроил, ты бы видела, что он с бэтэром сделал, он его порвал на лоскуты. Ну вообще мощь. Я такое первый раз вижу, не парень, а чисто Годзилла.

Обернувшись на урчащего Чавка, Трэш оценил его раздувшийся живот и обгладываемую баранью кость во рту, после чего спросил:

- Чем ты тут занимался?

- Второй кушал.

- Ну в этом я не сомневался. Ты женщину не трогал?

- Зачем Второму трогать женщину? Женщина делает невкусную еду для первого, Второй смотрит, чтобы женщину никто не съел. Тут такое случается.

- Я заметил. То есть, ты вообще ее не трогал? Какой же ты молодец. Я

тебе газировки принес. Будешь?

- *Второй будет. А вкусное мясо Первый не принес?*

- Да куда тебе влезает, ты же уже по швам трещишь?!

- *Для вкусного у Второго место найдется.*

- Вот ведь прорва бездонная...

Присев на стопку захрустевшей под такой тяжестью фанеры, Трэш ухватил кусок баранины, забросил его в рот и, начал пережевывать. Покосился в одну сторону, затем во вторую. Слева Чавк жадно давится газировкой, справа Сыч звенит бутылками и посудой, высказывая в адрес поварихи однотипно-примитивные суждения на темы полового размножения и невысокой социальной роли женщины в современном обществе. Вон на плите кипит бадья с очередной порцией баранины, вон свалены трофеи, в том числе, несколько десятков вожделенных споранов.

Приятно на все это смотреть, настоящий дом, в который нравится возвращаться.

Но все же Трэшу чего-то не хватает в такой сытной и богатой приятными событиями жизни.

Что-то здесь не так.

Но вот что?..

Глава 22

Сыч отложил ложку в сторону, ухватил большую стеклянную банку обеими руками, вылил мутное содержимое в эмалированное ведро, не переставая при этом сыпать словами:

- Я, бывает, чистоган употребляю, нормально это. Можно и тебе так попробовать, если крепкого захочется. Это, чтобы водяру не портить. Сколько же ее в ведро влезет?.. Десять литров, да? Это, получается, двадцать бутылок. Ох да нихрена себе! Да ты, парень, невыгодный, получается. Двадцать бутылок за раз, это же, вообще... Сюда я пять пустил, остальное вода. Жидковатый живчик получился, как для девочек. И уже хрен добавишь, полное ведро. Ну так что? Пить будешь? Или на две порции разделю и водяры добавлю. На два раза получится, покрепче на спир, пожиже на спораны.

Трэш медленно покачал головой. Жидкость, которую Сыч назвал свежеприготовленным живчиком, его смущала. Да, она ошеломляюще благоухала именно живчиком, но всё равно смущала. А дело в то, что в предыдущих случаях выглядела гораздочище.

Почему в ней столько мути? Из-за того, что она свежая? Притащить фанеру и расспросить Сыча? Но ведь и без допроса понятно, скажет, что именно так и надо. Трэш уже привык к скользкой манере общения то ли пленника, то ли спутника, поэтому, мог с высокой точностью предугадывать его ответы.

Смысла терять время на общение нет. Вот он, вожделенный живчик в огромных количествах. Целых двадцать горошин растворены в десяти литрах смеси водки с водой. Большую часть добычи пришлось извести на единственную порцию.

Это того стоило. Добыча - ерунда. Будет еще. Трэш теперь знает, откуда извлекается основной компонент - спораны. А что до алкоголя, его, в отличие от тушёнки, везде полно, повышенным спросом не пользуется. Даже если вынесли из супермаркетов при массовом разграблении, всегда можно отыскать в мелких магазинах.

Осторожно ухватив ведро обеими лапами, Трэш поднял его, чуть наклонил, жадно припал губами, стукнув по краю выпирающими костяными бляшками, прикрывавшими ротовое отверстие. Животворящая смесь хлынула по пищеводу, наполняя желудок, откуда по всему телу

начала растекаться волна приятной расслабленности.

Но почему расслабленности? Должен быть прирост сил, ведь именно такой эффект наблюдался в случае с Мазаем.

Вылив в рот последние капли, Трэш с сомнением уставился на открывшееся дно. Это что там за каша осталась? Похожа на неприглядные последствия гнойной диареи. Откуда столько осадка взялось? Ни у Мазая, ни в трофеиных фляжках даже намека на него не наблюдалось.

Трэш начал разворачиваться, намереваясь сходить на кухню за углем и фанерой, чтобы расспросить Сыча по этому вопросу, но тело, внезапно, само по себе завалилось на колени, а затем и вовсе рухнуло на живот. Голова при этом неудобно задралась вбок, благодаря этому Трэш уставился на подозрительно примолкшего спутника.

Глаза у того выглядели испуганными и одновременно торжествующими. Что это значит? Опоил Трэша какой-то незаметно подсыпанной дурью? Ну сейчас он этому отравителю покажет...

Вот только показать не получилось, потому что тело стало совершенно непослушным. Почти как в самом начале жизни, когда его круглые сутки держали в состоянии паралича. Не было ни боли, ни малейших неудобств, просто руки и ноги отказались слушаться. Даже рот перекосило в одном положении, и веки отказывались опускаться. Спасибо, сердце не остановилось, удары его продолжают отзываться в ушах, да и легкие продолжают прокачивать воздух.

Но все остальное отказалось полностью. Трэш сейчас только и мог, что смотреть на отравителя с усилившейся с каждым мигом яростью.

Причем, пустой яростью, ведь сделать тому ничего не мог.

Сыч, суетливо вскочив со скрипучего стула, навис над головой Трэша и злорадно осведомился:

- Ну как тебе мой живец, падаль?

Ответом ему была лишь тишина, но это мерзавца не смущило.

Ухмыляясь, пояснил беспомощной жертве подробности происходящего:

- Прости, Трэшак, совсем из головы вылетело. Забыл, понимаешь, тебе сказать. Кое-что сказать. Важное. Понимаешь, тут такое дело, раствор процеживать надо. Фильтровать. Можно через несколько слоев бинта, или хотя бы тряпку нормальную. Главное, чтобы в растворе не осталось хлопьев. Они чистая отрава и для иммунных, и для вас, тварей поганых. Мы от него сразу дохнем, вы, когда мелкие, тоже, а вот с такими кусками дерма, как ты, быстро отмучаться не получится. Парализует вас наглухо, на несколько часов. Жаль, пули этой дрянью смазывать нельзя, нагрев

хлопья не держат, но с тобой, дебилом, и так прокатило. Что, за последнего лоха Сыча держал? Да? И кто теперь из нас двоих лох? Отбросов ты мешок, а не кваз. Шутил я за кваза, ты понял? Я сразу срисовал тему. Картинка с твоей уродской рожей на каждом перекрестке подвешена, и за тебя много чего обещано. Думаешь, ты весь из себя броневой? Непробиваемый? Не знаю, как ты такой получился, это внешние пускай разбираются, они не просто так за тебя награду дают. Зато я знаю, как таких минусовать. У всех вас, уродов, затылок - слабина. И ты такой же. Знаешь, что теперь будет? Начну с того, что разберусь с тобой. Потом также разберусь с твоим тупым дружбаном-лотерейщиком. Тот даже не заметит, мне всего-то и надо, сзади подойти и врезать, сам знаешь, куда, пока он мясо трескает. Разберусь с ним, позабавляюсь с бабенкой и сдам твою тушу, кому надо. Уж извиняй, но висит на мне много чего всякого, приходится от всех ныкаться. Но вот за такое все простится. Надоело уже по норам сидеть, чай не крот я, а человек. Получается, ты для меня, счастливый билет в нормальную жизнь. Гы-гы-гы. Ну что, билет, готов к полету?

Последние слова Сыч произнес, зайдя сзади и наклоняясь к голове. А затем затылок взорвался настолько чудовищной болью, что сознание отключилось в один миг.

Мгла отступила также мгновенно, как и навалилась. Трэш увидел стремительно перемещающуюся картину. Он мчался на разогнавшейся тяжелой машине, одной рукой ловко выкручивая трясущийся руль, а другой взявшись с закрепленным на приборной доске планшетом. Позади и сверху грохотали выстрелы, то и дело по корпусу колотили пули, но он не отвлекался, он продолжал заниматься своим делом.

Стоп? Почему он? Это не Трэш сидит на водительском сиденье, это обычный человек, с человеческими руками. Он смотрит его глазами, но не может воздействовать на происходящее. Просто зритель.

Но зритель, слишком многое понимающий. Он откуда-то знал, зачем человек, попавший под обстрел, в такой момент уткнулся в планшет. И еще знал, что это ему не поможет.

Последнее знание почему-то сильно взволновало, заставило напрячься, попытаться вспомнить, что здесь не так, почему он так сильно

переживает.

И начали проявляться новые воспоминания.

Человек слишком поздно сел за руль. Он предполагал, что когда-нибудь такой момент настанет, готовился к нему уже не один месяц. Но бежать ему надо было вчера, или, в крайнем случае, ранним утром. В полдень - слишком поздно, этим он лишь развязал руки врагам.

Но человек за рулем, в отличие от Трэша, не знал, что фатально опоздал. Он все еще на что-то надеялся. Управляя машиной одной рукой, он торопливо водил пальцем по сенсорному экрану тактического планшета. Техническая служба уже успела сменить пароли к системе управления автоматизированными турелями, но для себя он, естественно, оставил потайной ход. Уровень сигнала на этом отрезке дороги неплохой, всего лишь минута, ему нужна только одна минута.

Минута на то, чтобы получить доступ к турели номер сто шестнадцать и перевести ее в режим ручного управления. После этого в его распоряжении окажется расположенное на высокой точке стабилизированное тридцатимиллиметровое орудие с запасом подкалиберных снарядов из обедненного урана. Такие медленно теряют смертоносную скорость, они даже за километры способны справиться с броней начинающего, а то и среднеразвитого элитника.

Трэшу невольно захотелось почесать место, по которому недавно вскользь прошелся один из таких снарядов, неожиданно вылетев из ночного мрака. Даже так, едва задев, он сумел наделать бед и сильно озадачить. Очень хотелось узнать, что же это случилось.

Почесать, конечно, не получилось. Зато Трэш, наконец, выяснил, что же именно его тогда покалечило.

Человек продолжал возиться с планшетом. Он фатально не успевал, - вертолет стремительно нагонял машину, да и наземные преследователи висели на хвосте, то и дело постреливая на прямых участках дороги.

Но ничего. Несколько очередей. Всего лишь несколько пушечных очередей и с ними будет покончено.

А дальше безоглядный рывок на восток, насколько хватит горючего. По дорогам, где поначалу можно будет воспользоваться одной или несколькими турелями автоматизированной сети контроля территории. Оптика под управлением умной электроники отслеживает инфракрасную активность в зоне поражения. Зараженные, с их невероятным метаболизмом, уже на начальных стадиях температурят, а чем дальше, тем горячее становится их кровь. Во многих случаях даже в жаркий полдень способны выдавать себя издали этим показателем.

Распознав цель, система просчитывает баллистику, наводит оружие и открывает огонь. Но есть и ручной режим работы, именно к его интерфейсу человек пытался получить доступ.

Он бы успел. Обязательно успел. Даже то, что он слишком поздно ударился в бега, не могло помешать. Вмешалось то, чему, в такой ситуации, трудно что-то противопоставить, - вертолет. Несмотря на сложную обстановку по черноте, преследователи рискнули поднять его в воздух.

Именно сверху ударила роковая ракета. Трэш зажмурился за миг до взрыва, потому что он все вспомнил.

А затем мир заполонило грохотом, перед глазами завертелся ворох невнятных картинок, скрывающихся в дымном полумраке. Нормальное изображение проявилось некоторое время спустя. Человек уже никуда не ехал, он подползал к обочине, волоча за собой перебитые ноги. Оглядываясь, видел, как чадит перевернувшаяся бронемашина, всю ее заднюю часть уже объяло пламя.

А рядом, урча моторами, останавливались еще две такие же машины.

Человек мало что понимал от боли и оглушающих последствий близкого взрыва. Но тут настал миг прояснения, он осознал, что со зрением что-то не то. Не веря, поднял руку, провел по лицу, обнаружив, что его больше не защищает маска респиратора. И краем глаза увидел, как из остановившихся машин выскакивают фигуры в зеленом.

Маски на них были.

Потянулся к поясу, но не обнаружил кобуру. Похоже, сорвало, неизвестно где валяется, значит, застрелиться не получится. Почти не раздумывая, на непонятно откуда взявшемся автоматизме, оттянул застежку браслета, открыв крохотное потайное отделение. Выкатил из него крохотный красный шарик, торопливо поднес ко рту, проглотил и обессилено завалился на спину, уставившись в небеса с безумной улыбкой.

На этом все. Теперь они смогут лишь убить, не более. Не сказать, что приятный вариант, но альтернатива куда хуже.

Хуже не придумаешь.

Над человеком замерла фигура в зеленом. И несмотря на расплывающуюся картинку, Трэш ее узнал.

Он уже видел его. В тот день, когда впервые осознал себя, как личность, лежа беспомощным овощем с обожженным электричеством затылком. Тогда этот тип тоже носил маску, как и те, кого он с собой привел.

Полковник Зелот, так его называли.

Простояв несколько секунд неподвижно, военный покачал головой и с

издевательской укоризной произнес:

- Нэш, Нэш... что же мне теперь делать?

- Сходи в задницу, развейся хоть немного, - равнодушно ответил человек, не переставая таращиться в синь небес.

- Ценное предложение, но, вообще-то, я имел в виду тебя. Что мне с тобой делать? И что ты там успел проглотить с таким довольным видом?

- Не тяни... просто убей, я больше ни на что теперь не сгожусь, - произнеся последние слова, человек искривил губы в злорадной усмешке.

Свою жизнь он не спасет, зато избавится от такой участи, которую врагу не пожелаешь.

Полковник вновь покачал головой:

- Дай угадаю: ты съел жемчужину? Красную или черную? Впрочем, можешь не отвечать, это уже неважно. Нэш, ты отличный техник. Возможно - лучший техник Стикса. Но ты не биолог. И еще ты дуралей. Наивный дуралей. Понимаешь, если начал дышать чистым воздухом Стикса, спасти тебя может только белая жемчужина, а ее у тебя нет и не могло быть. Это предмет строгой отчетности, секретный, о нем у нас болтать не принято, чтобы не возникали дурные мыслишки... у некоторых. Таких, как ты.

- Врешь, - заволновался человек. - Я ведь читал дневники Ноя, там сказано, что жемчуг спасает, если вовремя принять.

- Ты читал их отредактированную версию, - усмехнулся Зелот. - Сильно отредактированную. Стикс - ужасное место, но жизнь в нем, потенциально бесконечна, а это соблазн. Потому, не надо, чтобы все знали такой секрет. Так что, радуйся Нэш, ты не умрешь. И ты поправишься. Ты станешь сильным.

- Нет...

- Да, Нэш... да. Твои ноги станут здоровыми сами по себе, без врачей. Тебе теперь, вообще, врачи не нужны. Ты будешь жить. Не знаю сколько, но будешь. Но здесь есть одна тонкость - это будет не жизнь, а существование. Ну... ты же все сам прекрасно понимаешь.

Картина поплыла, глаза человека, узнавшего, какая участь его ожидает, заполнились слезами.

А Трэш внезапно оказался в водовороте нахлынувших воспоминаний. Тех самых воспоминаний, о старой жизни, отголоски которых, иногда, в критически важные моменты, выдавал таинственный внутренний голос.

Только сейчас это никакие не отголоски, это полноценная память. Сразу вся или почти вся.

Трэш, задыхаясь под тяжестью обрушившегося знания, закричал, но из

глотки вырвалось лишь урчание чудовища.

Под этот звук он и очнулся.

Глава 23

Взгляд сфокусировался с трудом. Трэш разглядел перед собой голый цементный пол, чуть дальше обрывающийся линией кирпичной стены. Знакомое место, именно здесь он свалился, выпив ведро приготовленной Сычом отравы.

При воспоминании о произошедшем, непроизвольно дернулся. И о чудо, тело действительно шелохнулось.

Затылок здорово побаливает. Складывается впечатление, что добрую его часть отхватили огромным тесаком. Но оставшегося, похоже, хватает, чтобы управлять своим телом.

Это хорошая новость.

Тело управлялось далеко не идеально, поэтому, поднялся Трэш с трудом. Кое-как выпрямившись, он обернулся и замер. Простояв так несколько секунд, а затем склонился над телом.

Телом женщины.

Кто-то порвал на ней одежду, разбил лицо и пырнул ножом в живот. После этого она, оставляя за собой кровавый след, от кухни доползла до этого угла, отведенного под склад, где и умерла, застыв на полу в позе эмбриона с заточенным куском арматуры в почти разжавшейся ладони.

Осторожно вытащив железяку из мертвой руки, Трэш понюхал заостренный конец. Так и есть, попахивает собственной кровью. Похоже, именно эту штуку Сыч вонзил в затылочный мешок. Получается, женщина, прежде чем умерла, нашла в себе силы ее извлечь.

Возможно, именно это и позволило Трэшу прийти в себя. Затылочный мешок - самое уязвимое место, ахиллесова пятка всех зараженных. Почему у него с ним не все стандартно - непонятно. Впрочем, он весь такой... ненормальный. То, что других убивает на месте, его лишь сознание лишило.

Трэш перевернул почти невесомое тело на спину, изучил рану. Похоже, нанесена широким ножом. Именно такой был у Сыча.

Судя по посмертной позе, умирая, женщина очень страдала. Прижимала руки к животу, пытаясь унять боль, раздирающую порванные внутренности.

С такой раной столько проползти... Получается, она лишь на вид хрупкая. Трэш только сейчас осознал, насколько же убитая спутница была

сильна.

А он даже имя ее не знал.

Теперь и не узнает.

Черт!

Подскочив, Трэш, пьяно пошатываясь, бросился в сторону кухни.

Чавк, естественно, обнаружился там. Ну а где же ему быть, как не в самом любимом месте?

Спутник лежал на полу спиной кверху, его затылочный мешок был взрезан и грубо выпотрошен, вокруг там и сям разлетелись обрывки черных нитей, некогда заполнявших внутреннее пространство.

Воссоздать картину произошедшего несложно. Сыч, коварно разобравшись с Трэшем, как ни в чем ни бывало направился на кухню. Женщина продолжала варить мясо, а Чавк увлеченно жевал очередную кость. Ни она, ни он не заподозрили ничего дурного, ведь все шло, как обычно.

Первым дело Сыч вывел из строя самого опасного противника. Ударил сзади, пробив споровый мешок. Чавк так и завалился с костью в пасти, умерев мгновенно. Женщина все это увидела, но что она могла сделать против сильного мужчины, умеющего убивать?

Присев, потрогал тело спутника. Теплота едва ощущалась. Покосился в окно. Небо затянуто тучами, перед глазами все расплывалось, положение Солнца определить не получилось. Сколько Трэш провался в отключке? Да откуда ему знать. Понятно, что несколько часов.

И понятно, что Сыч успел уйти далеко.

Попытаться догнать? Мысль не показалась привлекательной, на Трэша почему-то напала апатия. Вот уж чему не место в подобной ситуации, но так и есть. Ему, внезапно, все стало безразлично.

Почти все. Кое-что продолжало волновать.

Зараженные не добрались до крохотного холмика, устроенного над последним пристанищем младенца. Толи запах элиты отпугивал, толи не почуяли съестное. И то и другое Трэша устраивало, ведь можно предположить, что не почуют и тела жертв Сыча.

Легко разгребая землю мощными ладонями, быстро вырыл глубокую яму. Поколебавшись, чуть смеялся и начал копать вторую. Возможно,

повел себя глупо, ведь женщина уже мертва, ей все равно. Но при жизни она очень побаивалась Чавка, наверное, будет правильно, если они останутся лежать в разных могилах.

Ненадолго останутся. Пройдет некоторое время, и кластер перезагрузится. Здесь все станет по новому. Могилы исчезнут, зато появится новый вариант женщины, с новым вариантом ребенка. Появился человек, из тела которого вырос Чавк. Какая судьба их ждет? Да какая угодно, Трэш не провидец, чтобы знать будущее.

Он понимает главное, - это будут совсем иные люди, похожие на прежних лишь внешне. Не факт, что женщина станет иммунной, а ее муж заразится. И не факт, что копия прототипа Чавка разовьется до лотерейщика.

Другие люди, другие судьбы.

Забросав могилы землей, кое-как попытался вернуть содранный дерн на место. Так себе, маскировка, но дополнительный способ не привлечь внимание зараженных лишним не будет.

Возясь с очередным пластом, ощутил резкий болезненный укол в затылке. Поднял руку, осторожно, стараясь не задеть оболочку спорового мешка когтями, потрогал пальцами. По ощущениям, разделенный на дольки пузырь совсем скожился, будто усох, едва выдавался уродливой ороговелой нашлепкой.

Боль, тем временем, усиливалась, заставляя морщиться и скрипеть зубами. Да что же там такое? Может, женщина не все вытащила, может Сыч вонзил туда две арматурины или еще что-нибудь? Трэш, как ни старался, не мог нащупать ничего постороннего.

И тут боль накрыла его, что называется, конкретно. С урчанием застонав, он рухнул на колени, обратил голову к небесам, но не смог их рассмотреть из-за слез, обильно заливавших глаза.

Это, наверное, все. Предательский удар Сыча достал. Пусть не сразу, но доконал, убил.

Свалившись меж могильных холмиков, Трэш обхватил голову ладонями и с натугой, преодолевая непонятное сопротивление, засевшее в верхней части груди и глотке, вскричал:

- За что?!

Странно, но, несмотря на немыслимую муку, он мгновенно осознал, что это был именно крик, а не урчание. Трэш, пусть и коряво, пусть со звериной хрипотцой, но выдал человеческую речь.

Впервые за все времена.

Ком в груди тут же рассосался, будто выполнив свою миссию, а в

глотке стало легко и свободно. Боль схлынула, исчезла, не оставив даже отголосков.

Но осталось кое-что другое.

Понимание.

Трэш много чего понял. В том числе понял, чем именно ему сейчас надо заняться.

Апатия ушла вместе с болью. Пора действовать.

В огромном помещении одуряющее благоухало вареной бараниной. Вот только варить ее больше некому, со своими лапищами Трэш не справится с газовой печкой, а как обойтись без нее и при этом не выдать себя на всю округу, он не придумал.

Да и не пытался думать. Голова сейчас другим занята.

Выуживая из жирного бульона куски уже остывшего мяса, он один за другим отправлял их в пасть. Мясо - это то, что надо. Мясо - это сила. А сила ему, в ближайшем будущем, не помешает.

Сейчас он доест и начнет готовиться встречать гостей. Подготовившись, станет их ждать. Они появятся. Они не могут не появиться.

А когда появятся, он покажет им, что такое гостеприимство чудовища. Им здесь не понравится.

Глава 24

Гости появились в глубоких сумерках, когда Трэш уже начал было сомневаться в правильности своих рассуждений. Они прибыли на грузовике, выдавшего себя издали высокими оборотами мощного двигателя. Когда машина показалась, стало понятно, почему так надрывается мотор: слишком много дополнительного железа на нее навешали, даже башенку с пулеметом ухитрились присобачить. Да и водила тяготел к скоростной, рискованной езде, один лишь визг тормозов при остановке рассыпали, наверное, все, без исключения, в радиусе минимум полутора километров.

Это или очень смелые люди, или полностью уверены, что ничего серьезное им здесь не угрожает. То есть, - хозяева территории, или близки к ним.

Трэшу не понравилось отсутствие красных ромбов на грузовике. Хотелось бы оказать гостеприимство именно бубновым. В который раз устроить им череду трагических событий. А этих он знать не знает, у них и знаков никаких не видать.

Да, ему сейчас очень хотелось убивать, но то, что сохранилось от человека, отказывался отнимать жизни у всех подряд. Требовались заклятые враги, а не случайно забредшие. Потому, глядя через узкую щель на останавливающийся грузовик, Трэш колебался.

Но уже через несколько секунд всякие сомнения испарились. Он подобрался и едва сдержался, чтобы не зарычать.

Трэш увидел Сыча.

Убийца всем своим видом изображал актера, пытающегося играть роль в высшей степени услужливого человека. Так и уивался вокруг статного бородача, выбравшегося из кабины с важным видом, так и таращел ему по ушам тихими словами, которые не могли расслышать даже чуткие уши Трэша.

А услышать хотелось. Очень хотелось.

И внезапно Трэш ощутил в себе возможность. Возможность модифицировать слух, сделать его не всеохватным, а подобным лучу, в котором можно различить писк мышки за пару сотен метров. При этом все прочие направления останутся обделенными, но это не страшно, ведь быстро оттуда никто не подберется.

Трэш даже не понял толком, как это у него получилось. Он просто осознал, что тело стало иным, более послушным и податливым, вот только разобраться с новыми возможностями не успел. Со слухом получилось почти само собой.

Он, пусть и некачественно, начал улавливать слова:

- Гвоздь, я, как сказал, так и сделал, - заискивающе распинался Сыч. - Показал место. Ну так как? Ты подпишешься за меня перед бубновыми? Сам же понимаешь, не мой косяк, по беспределу меня в черный список внесли. Решишь вопрос, а?

- Где это мясо?

- Да там, в цехе, - Сыч указал на здание, в котором скрывался Трэш. - Туша в самом лучшем виде. Я даже не прикоснулся к мешку. Убил и сразу ушел. Все по-честному, без кидалова, заточка так и торчит.

- А к чему там прикасаться? - насмешливо сказал бородач. - Умники говорят, затылок у него пустой. Я верю тем, кто это говорят, они не такие уж и балаболы, как некоторые.

- Как пустой?! - опешил Сыч. - Да нифига, это же элита, там весу тонны под две, пару баранов в одно рыло уплетал. Да не может быть.

- А вот может. Непростая это элита, понимать должен. Ученые эти, как всегда, что-то перемудрили.

- Гвоздь, ты же сказал, что все решишь.

- Я сказал, что посмотрю. А я пока что элиту не вижу, только слышу, что ты ее завалил.

- Да, завалил.

- Ишь ты... элитный победитель.

- Ты бы знал, какой он тупой. Вылакал ведро живца с хлопьями и даже не сразу понял, что дела у него пошли не очень. А там я ему арматирину в мешок забил, пошуровал чуток концом и ходу. Посмотришь сам, клиент еще не до конца остыл, весь из себя красивый лежит. Скажешь - слабо? Часто тебе такие подгоны делают? Ну так как? Кинешь мазу перед бубной?

- Сказано тебе, посмотрим.

- Но Гвоздь, ты же...

- Что я же? Я тебе что, кидала какой-то? Будет дело, будет и маза. Ты че такой грустный, Сыч? Тебе радоваться надо.

- Я грустный? Да ты че, земеля, я и правда только рад. Ты свое слово сказал, я тоже порожняк не гоню, значит, все путем.

- Не похож ты на веселого, Сыч.

- Да елы-палы, как это не похож? Хочешь, анекдот расскажу, что ли. Один хрен Нанайца ждем.

- Ну валяй.

- Значит, это. Идет заяц по лесу, и тут у него мобила звонить начинает.

- Это, типа, смеяться пора? Заяц с мобилой?

- Да не, ты слушай дальше. Он мобилу к уху, а там ему лиса хреновые новости рассказывает. Типа, в лесу завелся лось. Не просто лось, а лось-маньячелла. Охренеть озабоченный и подкрадывается незаметно. Хоть ты в лесу, хоть на поляне, но стоит только нагнуться, и он тебя отымет моментом. Четкий лось, продуманный, как ни тихарись, везде достанет. И всегда вежливый при этом, скотина. Ну, значит, заяц думает, это какой-то смешной развод, ржать начинает, под это дело мобилу роняет, нагибается за ней, да как заверещит. А из-за спины ему вежливым голосом: "Добрый вечер". Вот сейчас можно смеяться.

- Если бы за убого рассказанные анекдоты расстреливали, ты бы, Сыч, вообще, не жил. Ну что там, Нанаец?

Узкоглазый мужчина, болезненно худой и несмотря на вечернюю прохладу, выше пояса из одежды таскающий лишь разгрузочный жилет, неуверенно покачал головой:

- Я не вижу никого. Вообще, никого.

- И чего ты тогда такой разволновавшийся? - все тем же ироничным тоном уточнил Гвоздь.

Но Трэша спокойный тон не обманул. На самом деле, разволновался здесь, как раз, бородач, вот только мастерски это скрывает. Что-то в словах Нанайца его задело.

Узкоглазый вновь покачал головой:

- Не знаю, Гвоздь. Кластер нихрена не защищен в ноль, зараженных полно. Мы здесь нашуметь успели, они на такое сбегаться должны. Но не сбегаются, я ни одного ни засек. Пусто.

- Может, внешние с газом переборщили?

- Не знаю. Мне это не нравится.

Молча кивнув, бородач начал раздавать указания выбравшимся из недр машины людям:

- Варик, берешь Кейса, Баху и Дога, заходишь, смотришь там по всем углам, докладываешь обстановку. Четкий, ты давай вон на ту будку метнись, сиди с винтовкой, следи. Совок и Лодочник, давайте на вагоны, оттуда поглядывайте. Мафа остается в башне, ты, Нанаец и Сыч при мне, у машины подождем.

Трэш из всего подслушанного установил точное число противников и их расположение. Также он понял, что Сычу не вполне доверяют, держатся с ним настороже, а из оружие ему разрешили держать только арбалет, что

несерьезно. Возможно, эти люди всегда начеку, хотя, какая, в сущности, разница?

Как бы осторожно они не держались, это им мало поможет против такого противника. Трэш до сих пор не замечен, боль и слабость отпустили, телом, возможно, управляет еще не вполне так, как еще несколько часов назад, но контроль вернулся почти полностью: он способен быстро бегать, прыгать, совершать сложные маневры и метать тяжелые предметы. Против него всего лишь одиннадцать иммунных с легким стрелковым вооружением и одним крупнокалиберным пулеметом в башенке, кустарно сваренной из стальных листов и решеток. У одного из мужчин за спиной болтается труба одноразового гранатомета, но это не пугает. Всего-то и надо - просто не поворачиваться спиной к этому типу.

Четверка, назначенная Гвоздем для проверки здания, направилась к раскрытым настежь воротам. Трэш готовясь приступить к запланированному гостеприимству, приподнял над полом короткий рельс для узкоколейки, мысленно нашептывая, что он маленькая пылинка, которую невозможно разглядеть невооруженным глазом. Одновременно внутренне подобрался, выбрасывая из головы все лишние мысли и сомнения.

Ну все, сейчас начнется. Кто там хотел перед бубновыми слово за Сыча замолвить? Забудьте, наивные людишки, мертвые рекомендации не дают.

Зря он Сыча вспомнил. Пусть всего лишь мысленно, но зря.

Потому что Гвоздь тоже его вспомнил, вот только вслух:

- Сыч.

- Чего?

- Двигай за Вариком. Покажешь ему клиента.

Ублюдок пожал плечами:

- Как скажешь. Только они и сами найдут спокойно, клиент не из мелких.

Трэш расслабился, ничего плохого в новом приказе Гвоздя не заметил. Правда, теперь придется разбираться с первой группой аккуратнее, чтобы не зацепить Сыча. Значит, некоторые из жестоких заготовок придется отменить.

С Сыча Трэш готов пылинки сдувать. Отгонять от него комаров и мошек согласен. Тот ни в коем случае не должен умереть.

В том смысле, что не должен умереть быстро, прямо сейчас.

В здание можно попасть разными путями, но Трэш и остальные члены его бывшей команды привыкли использовать огромные ворота. Створка в

них одна, непомерно тяжелая, постоянно открывать ее туда-сюда никому неохота. В ней прорезана дверь, но она слишком узкая, элитнику через такую не пролезть. Вот и держали этот вход постоянно нараспашку.

Варик и его люди не стали мудрить, направились проторенным путем. Трэш довольно ухмыльнулся. Не зря он потратил время и нервы, взявшись с непослушными нитями стальных тросов и связками газовых труб.

Эх, будь у него хотя бы одна нормальная рука, жить стало бы куда вольготнее. Здесь повсюду столько возможностей технически навредить врагам, вот только реализовать их при помощи пары коряво-когтистых лапищ нереально.

Ничего, Трэш что-нибудь придумает. Выкрутится. Как-нибудь, потом. Он еще не освоился с новыми возможностями, тело, непонятным образом избавившись от диктата паразита, выдавало сюрприз за сюрпризом. Требуется время, чтобы разобраться с новшествами.

Все будет, но потом.

Люди подошли к воротам и остановились. Четверо почти в одну линию, еще один подальше. Хотя на улице уже почти стемнело, в сравнении с тем, что их ждало внутри, можно считать сносным освещением. Вот и остановились на границе мрака, непроизвольно, сами себе не признаваясь, что побаиваются, а трусоватый Сыч вообще отстал.

И это прекрасно, пускай и дальше держится особняком.

Варик, доказывая себе, что он круче вареного яйца, пренебрежительно заявил:

- Ну чего встали? Зассали? Это же просто дохлятина.

- Он бэтээр голыми лапами разломал, - буркнул неприметный мужичек в укрепленной металлическими пластинами кожаной куртке.

Трэш впервые наблюдал, чтобы здесь кто-то таскал настолько грубое подобие средневекового доспеха. Бронежилеты - да, частенько, но это совершенно другое.

- А я даже не стрелял. Руками его завалил, - похвастался Сыч из-за спин.

- Что-то ты зассал больше всех, великий победитель хренов, - буркнул Варик. - За мной, не то всю ночь провозимся.

- Угу, - поддакнут тот же носитель "доспехов". - Тут, по ночам, хлебниковские, бывает, катаются втихаря. Я не подписывался еще и на них нарваться.

- Бубновые с ними разберутся, - уверенно заявил Сыч.

- Ха, ну да, может и разберутся, да только какая польза покойникам от таких разборок? Сделаем дело и в темпе свалим. Если бы не ты, Сычара, я

бы сейчас с лялькой валялся.

- Да откуда на хуторе ляльки? У вас там одни коровы.

- А тебе и корова не даст, так что, завидуй молча.

Последний человек из четверки переступил через границу мрака и тьмы, лишь отставший Сыч все еще оставался снаружи.

Пора.

Трэш легонько потянул за конец троса, зажатый в левой ладони. Грубый стопор поддался, отпуская связку стальных труб в свободный полет. Падая, она резко натянула второй трос, после чего тяжеленная створка металлических ворот захлопнулась в одно мгновение с грохотом, лишь немногим уступающим звуку гранатного разрыва.

"Доспешный" мужичек с перепугу выстрелил, припадая на колено, кто-то просто заорал, рефлекторно, от неожиданности.

А Трэш, с недобрым ухмылкой уставившись на запаниковавшую группу из мрака, четко и спокойно произнес:

- Добрый вечер.

После чего взмахнул правой рукой.

Рельс отправился в свободный полет, бешено вращаясь в горизонтальной плоскости. Эдакий тяжеленный пропеллер получился. Даже силици Трэша маловато, чтобы запустить такой далеко, но сейчас речь не шла о больших расстояниях.

Не переставая вращаться, рельс пролетел сквозь группу, раскидав троих. Тому самому мужичку, в самодельном доспехе, повезло за счет того, что припал на колено еще до броска. Да и рост маловат, тютелька в тютельку трехцентнерная смерть над макушкой пронеслась.

Но везение вышло, так себе, подскочивший Трэш, проигнорировав бьющие точно в голову автоматные очереди, завершил дело одним ударом.

Минус четыре.

С улицы зарокотал крупнокалиберный пулемет, покрывая створку ворот стремительно густеющей россыпью бьющих светом пробоин. Трэш, уходя от обстрела, помчался вдоль стены, отмечая, что невидимый стрелок продолжает его сопровождать, будто видит цель сквозь преграды.

Что в этом непростом мире, вполне возможно.

Домчавшись до угла, всей тушей ударили в оконный проем, заложенный шлакоблоками. Преграда не выдержала, развалилась, и Трэш оказался на улице. Не удержавшись на ногах, перекатился через плечо, вскочил, подхватывая с земли сразу пару рельс, разложенных там и сям заранее.

Первую отправил в кабину грузовика, вторую в башенку,

одновременно бросаясь в атаку. С крыши трансформаторной будки громыхнул одиночный винтовочный выстрел, тяжелая пуля ударила в подбородок, но броня выдержала. Главное, - пулемет перестал плевать огнем, да и опасный противник с гранатометом, стоявший на крыше вагона, решил, что за храбрость ему не платят, спрыгнул вместе с напарником на землю по другую сторону поезда.

Догнав одного за другим разбегающихся от грузовика людей, Трэш каждому выделил по удару когтями, после чего сумасшедшим прыжком дотянулся до козырька крыши трансформаторной будки, уцепился за него одной лапой, взмахнул другой, направочь снеся ему голову. Он единственный, кто продолжал стрелять до последнего.

Все, последняя винтовка замолчала.

Минус семь. Возможно, минус восемь, ведь судьба башенного стрелка неизвестна.

Трэш заколебался, раздумывая, что предпринять дальше. Троє выживших противников разбегаются, толи расчетливо, толи в панике выбрав разные направления. Ему нужен только один из них и как минимум, еще одного придется отпустить. И одного, очень желательно, взять живым.

За кем погнаться в первую очередь?

Для начала, Трэш решил изучить пулеметную башенку и не прогадал. Рельс, угодив в нее боком, смял стальные листы, деформировал, зажав тело стрелка внутри. Тот остался жив, но только и мог, что верещать от страха, да дергаться без толку, крепкий металл не отпускал.

Вот и хорошо, пускай посидит.

Теперь Трэш знает, за кем именно нужно гнаться.

Сыч не выглядел хорошим бегуном, но жажда жизни и страх - лучшие в мире допинг и стимул. Он на завидной скорости промчался больше трех километров. Дыхание сбилось, из глотки вырывался то сип, то хрип, грудная клетка нездорово вздымалась, ноги заплетались, сердце оглушающее билось в ушах, а перед глазами темнело.

Облизав трескающиеся губы сухим языком, Сыч прорвался через стену густого кустарника и в глазах его блеснули огоньки радости.

У него получилось. Почти получилось. Вот она, долгожданная развязка на выезде из города. Сейчас пробежит под мостом, а там надо

свернуть на тропинку, которая ведет вдоль насыпи. Каких-то пару сотен метров, и все. Дальше тянется канал, наполненный водой, он глубокий и широкий.

Зараженные плавают плохо, а вот Сыч прекрасно.

Ну да, пловец из него куда лучше, чем бегун.

С этими мыслями Сыч заскочил под мост, где остановился настолько резко, будто на невидимую стену налетел.

Что, в сущности, так и было.

Трэш стоял перед ним гранитной скалой, которую невозможно обойти или перепрыгнуть. Да и убежать от нее не получится даже у чемпиона мира по легкой атлетики. Оружия у Сыча не осталось, арбалет он выбросил сразу, когда еще не утихло эхо от хлопка ворот. Мигом осознал всю остроту ситуации. Да и сохрани, какой от него прок?

Никакого.

Что ему теперь оставалось?

Только смотреть телячьими глазами.

Сыч смотрел на Трэша, Трэш смотрел на него. Так продолжалось не меньше минуты, в тишине, изредка нарушенной далеким скрипящим пением совы.

Наконец, человек разомкнул непослушные губы и заплетающимся, нервно-неуверенным голосом заканючили:

- Трэш, слушай, не надо. Давай договоримся. Не убивай, - видя, что слова произнесены, а элитник ничего не предпринимает, Сыч чем дальше, тем продолжал бодрее: - Слушай, ну ты же сам все понимаешь. Тут ничего личного, мне просто пришлось. Да мне деваться некуда. Да ты бы точно также поступил, без вариантов. Я тебе еще пригожусь, тебе ведь всегда нужна пара ловких рук. И я здесь все расклады знаю, я все расскажу, вот увидишь, не прогадаешь. Да я даже...

- Заткнись, - утробным, будто из бездонной бочки, голосом прогудел Трэш. - Я тебя не убью.

Сыч и правда заткнулся, он не ожидал, что чудовище заговорит человеческим голосом. Сложнейший эмоциональный момент, вон как челюсть отвесил. А монстр неотрывно глядя в его глаза, уловил, как в тех отступает обреченность, сменяясь холодной расчетливостью и отчаянной надеждой.

Человек осознал смысл последних слов и решил, что переживет эту ночь.

Какой наивный человек...

Трэш, молниеносно присев, небрежно взмахнул рукой, с сочным

хрустом перебив Сычу обе ноги. Покалеченный заорал, покатившись по земле.

А Трэш, выпрямившись и глядя на него сверху вниз, сказал:

- Для тебя я Нэш. Сержант Нэш. А сержант Нэш всегда держит свое слово. Я сказал, что я тебя не убью. И я тебя не убью.

Отвернувшись, Трэш заурчал во всю мощь чудовищных легких. Особым способом заурчал, такие звуки зараженные способны различить даже там, где их неспособны уловить самые чуткие микрофоны.

Одно из многих чудес Стикса.

И одно из самых нехороших чудес.

- Сюда! Быстрее все сюда! Здесь еда! Здесь вкусная еда! Вкусной еды хватит на всех!

Очень сомнительно, что последнее утверждение верно, только в "сфере зрения" Трэш засек уже троих зараженных, а ведь голос слышно далеко за ней. В этом районе мертвяков хватает, популярное место для миграций, тварям приходится обходить русло канала, вот и получилась тропа, не пустующая ни днем, ни ночью.

Они побаиваются элиту, но не могут противиться такому зову. Зараженный, издавая призыв, действительно делится информацией о корме, а не подманивает слабых хитростью, чтобы поживиться их плотью. Это рефлекс, неосознанный зов, позволяющий тварям оперативно уничтожать самую лучшую пищу, чтобы та не стала добычей червей.

Но с Трэшем особая история. Нет никакого рефлекса, он сзывает зараженных осознанно.

Пусть их будет много. Пусть они останутся голодными. Ведь что им один человек?

Трэшу нет дела до их сытости, у него сейчас другая задача.

Сыч, все осознав, пропищал раненым зайцем и пополз в сторону канала. Трэш не стал ломать ему еще и руки. Зачем? Вдруг потеряет сознание, а нужно, чтобы урод видел и понимал все, до последнего мгновения своей никчемной жизни.

Слишком медленно ползет, ему ни за что не успеть. Вон, из кустов за мостом уже урчат в ответ. Зараженные рядом, они торопятся на пиршество.

Трэш свое слово сдержал.

Не убил.

Глава 25

- Да хватит уже дрожать. Надоел. Сказал же, я тебя не убью. Что неясно?

Человек не дрожал, ведь дрожью такое дерганье называть - неимоверное преуменьшение. Да его даже не колотило, а натурально раскачивало нервной дрожью. Сомкни он челюсти, эмаль тут же рассыплется, не выдержит ударных нагрузок.

И чего, спрашивается, бояться? Вытащив из сплющенной башни последнего члена отряда, приехавшего за останками павшего элитника, Трэш, еще отгибая деформированный металл, вроде как, обо всем с ним договорился. Но нет же, не верит словам, трястется так, что толку от его рук не предвидится.

А ведь именно ради рук ему сохранили жизнь.

Вот чего, спрашивается, бояться? Трэш даже имя ему не назвал. Свое настоящее имя. То самое - старое, которое сообщил Сычу. А сообщил потому, что знал, дышать тому осталось всего ничего. Не было смысла скрывать, пусть хоть все тайны мира познает, рассказать никому не успеет.

Этому не сказал, этому и правда не собирался даже в малости пакостить. Пускай качественно выполнит работу, после чего сваливает на все четыре стороны. За ним, конечно, немало грешков должно числиться, но среди них нет издевательств над Трэшем, он никоим образом не вмешивался в его непростую судьбу. Парень не из бубновых и не из внешников, всего лишь из мелкой группировки, пытающейся с ними сосуществовать, нет смысла такому мстить.

А Трэш остался здесь только ради мести. Он, наверное и живет-то лишь ради нее. Что у него еще осталось?

Только старая память, да и та неполная. И выглядит она не родной, будто кинофильм просмотрел, как зритель, а не как актер. Иногда закрадывается подозрение, что так и есть, что воспоминания эти не родные.

Но нет, все верно. Еще как родные. Вот только в нечеловеческом мозгу они кажутся чужеродными, отсюда и диссонанс.

Трясущийся пленник в который раз немного переборщил с нажимом, и очередная лампочка лопнула с печальным хрустом.

Вздохнув, Трэш, пытаясь говорить как можно спокойнее, пояснил:

- Знаешь, это уже седьмая попытка, а твои дружки долго ждать не

станут.

- У нас есть время, есть! - испуганно вскинулся мужчина. - Совок и Лодочник раньше утра до Хутора не доберутся. А там без толку, наши сюда сами не сунутся: людей слишком мало и оружия хорошего нет. По договору, тяжелое держать нельзя, а что здесь без него делать? Получается, сдадут тебя бубновым, а те вряд ли до вечера соберутся. Им ехать далеко, да и неторопливые они, вечно копошатся. Времени еще полно, так что, ты не волнуйся.

- Это кто волнуется? Я? Да я даже не думал волноваться. А вот ты неспокоен, и это плохо. И еще, твои товарищи могут рассказать обо мне внешникам. Не подумал о таком варианте?

Пленник замотал головой с такой силой, что, по всем законам физики, та должна была отвалиться.

- Не, мы под бубновыми ходим. Мимо их тузов на внешников выходит, это все равно, что в рожи наплевать. Так у них дела не делаются. Наши бубновым тебя сольют, не внешним.

- Пусть так, хорошо. А бубновые потом скажут внешникам.

- Кто? Бубны? Внешникам? Да они же их козырные шестерки, они выдрессированы так, что стараются все вопросы решать без мамочки. Сами если не справятся, тогда да, тогда начнут звонить. Ты для них, как раз, вопрос, вот сами и прикатят. Но это не раньше вечера, я же тебе сдал весь расклад.

Рассказывая, пленник понемногу успокаивался, что Трэша более чем устраивало. Он готов весь остаток ночи развлекать его болтовней, лишь бы тот работал посноровистее.

В стекле очередной лампочки человек сделал пропил алмазным надфилем раньше, чем оно лопнуло, как предыдущие. Теперь настала очередь следующей стадии работы, о подробностях которой Трэш предпочитал умалчивать, не рассказывать заранее.

И без того пленник волнуется, незачем ему было знать, что порошок, который он сейчас станет засыпать в колбу лампы, крайне капризен и чрезвычайно опасен. Он способен воспламениться от трения, от намека на искру, от падения тяжелого предмета поблизости.

Да рядом с ним даже чихать противопоказано. Великое чудо, что импровизированная мастерская не взлетела на воздух еще на стадии смешивания компонентов и заливки их кислотой.

Станция оказалась тем еще Клондайком для знающего человека: всевозможные металлы и пластик в разных формах, азотные удобрения, кислоты и щелочи, бензин и дизельное топливо, всевозможная электрика.

Свою лепту внесли и трофеи, собранные с грузовика и тел. Трэш не человек, но когда-то им был, и большая часть прежней памяти вернулась. Когда-то его называли отличным техником, вот и пришло время доказать это еще раз.

Непросто заниматься такими делами в обстановке нехватки времени, если рабочих рук у тебя всего две, причем, обе чужие.

Да, к тому же, еще и дрожащие, как конечности отмороженного барабанщика на утопающем в каллабинольном дыму неформальном рок-концерте.

- Может ты пожрать хочешь? - любезно предложил Трэш, надеясь, что прием пищи еще больше успокоит пленника. - Есть вареная баранина и всякие консервы.

Мужчина замотал головой:

- Нет, не надо, с-спасибо. Слушай, ты извини за то, что я стрелял в тебя. Мне же приказали. Это был приказ, я ведь должен был. Приказ, понимаешь?

- Ты поэтому так переживаешь? Не надо волноваться, я на тебя не в обиде. Успокойся. Сказал же, отпущу, когда закончишь. А я слово держу, это тебе любой скажет.

То, что подтверждать сказанное некому (а некоторые, отдельные личности, даже могут заявить обратное, если волшебным образом вернутся к жизни), Трэш, понятное дело, уточнять не стал. Не надо тревожиться по таким пустякам, когда в твоих руках сжат почти доведенный до ума примитивный электродetonатор, созданный с нарушением всех писаных и неписаных правил техники безопасности.

Если эта штука сейчас рванет, у Трэша останутся лишь свои собственные, ни на что не годные лапы. Привлеченные руки, увы, разлетятся в разные стороны.

Пленнику остается примотать цоколь лампочки к латунной трубке. За неимением лучшего материала, придется использовать скотч. Если не рванет в процессе, получится первый детонатор.

Одного Трэшу маловато, но, даже если руки человека перестанут дрожать, много изготовить тот не успеет.

Потому что они у него не только дрожащие, а еще и кривые. Чтобы завести обычный генератор, ушло минут пятнадцать, а там работа из тех, с которой даже ребенок без лишних указаний справится.

Надо было сначала не рельсами разбрасываться, а поинтересоваться у приехавших насчет их профпригодности, после чего беспощадно зачистить всех тех, у кого руки растиут не от плеч.

Солнце светило вовсю, а Трэш и четверти запланированного не подготовил. Похоже, придется остановиться на достигнутом, ведь пленник может сорвать насчет сроков, или заблуждаться.

Ошика в расчете времени может стоить Трэшу жизни. Конечно, такую жизнь, или, вернее, существование, высоко не оценишь, но это хоть какие-то перспективы. Допустим, остается возможность отомстить кому-нибудь, или даже всем.

Мертвые не мстят, следовательно, придется жить.

Потому, пришлось сворачиваться в полдень, после чего, держа свое слово, вести пленника через железную дорогу и дальше в город.

Проще, конечно, башку оторвать, но Трэшу как-то не по себе от такой идеи. Он не ощущал ни малейшего негатива после гибели Сыча, только сплошное удовлетворение, но ведь здесь - принципиально иной случай.

Ведь Трэш пообещал твердо, без увиливаний. И этот человек помогал ему, как мог, всеми силами. Значит, все должно быть честно.

К тому же, кто знает, как там дальше обернется. Вдруг, возникнет похожая ситуация, и очередной пленник будет знать, что перед ним не врущее на каждом шагу чудовище, а чудовище, которое однажды дало честное слово и сдержало его.

Репутация лишней не бывает.

Этот сарай Трэш приметил еще в тот день, когда, вместе с Чавком, пытался убраться из города и при этом не попасться под зоркую оптику беспилотника. Приходилось двигаться от укрытия к укрытию, много чего подмечая.

Сарай странноватый. Как и положено сараю, без окон, даже без намека на них, но больше похож на аккуратный жилой домик, возведенный из крепкого бруса. Внутри одно небольшое, лишенное перегородок помещение с чистым дощатым полом. Ни единого предмета мебели или хоть какого-нибудь предмета, ни соринки, и крепкая дверь нараспашку.

На эту дверь Трэш и указал в конце пути:

- Заходи.
- Зачем? - перепугано вскинулся пленник.

Вздохнув, Трэш прояснил ситуацию:

- Я знаю, что, когда освободишься, ты сразу побежишь к своим

дружкам. Не дергайся, я не вижу в этом ничего дурного. Это нормально. Но я не хочу, чтобы они раньше времени узнали то, что я от них скрываю. Ты знаешь некоторые мои тайны, чтобы их сохранить, у меня остаются два выхода: убить тебя, или посадить в сарай на несколько часов. Так и быть, предоставлю тебе право выбора.

- В сарай! Запри меня в сарае! - взмолился мужчина.

- Ну так проходи, что тебе мешает?

Уже внутри пленник обернулся и дрожащим голосом уточнил:

- А когда ты меня отпустишь?

- Я не стану тебя отпускать.

- Но...

- Да что ты вечно так волнуешься? Не волнуйся, я сказал, что ты получишь свободу, а я всегда держу свое слово. У тебя есть нож, я специально его оставил. Здесь все деревянное, можешь расколупать им стены или дверь, выберешься сам. Зараженных в городе осталось немного, о они не станут лезть туда, где попахивает элитником. Если не начнешь сильно шуметь, тебя не найдут.

- Нет, не буду. Я тихонечко.

Трэш кивнул, прикрыл за пленником дверь и подпер ее прихваченным по пути бетонным блоком.

Ничем не примечательный нож - не лучший инструмент, когда требуется расправиться с крепкой дверью или стеной из бруса. Если же при этом работать максимально тихо, работа многократно затягивается. Трусливый пленник вряд ли отважится спешить, ведь это может усилить шум. Значит, пройдут многие часы, прежде чем он обретет свободу. Но и это не все, ему ведь еще понадобится добраться до своих, а Хутор располагается не близко.

Пленник ничего и никому не успеет выдать.

Глава 26

Шум моторов Трэш уловил, когда до заката оставалось около трех часов.

Пленник не так уж сильно ошибся в расчетах, зря о нем худое подозревал. Даже жаль, что настолько спешно пришлось свернуть работу, ведь не так уж и много недоделок оставалось, мог успеть довести до ума парочку достойных идей.

Моторы наземного транспорта, это перспективная новость. Получается, приехали, скорее всего, не внешники. Те бы, первым делом, подвесили над городом дрон, возможно, даже не один. Высотные беспилотники здесь применять невозможно, неподалеку подступают мертвые кластеры, слишком непредсказуемо меняется обстановка по черноте с каждым метром по вертикали. А все, что жмется к земле, неизбежно выдает себя шумом, мимо чутких ушей Трэша такое не проскочит.

К появлению беспилотников или вертолетов он, вообще-то, готов. Заранее притаился в кустах на возвышенном участке лесополосы. Видимость отсюда не очень достойная, зато самого тяжелее разглядеть, да и подумают на такое неприспособленное для наблюдение место в последнюю очередь. От хитроумной оптики (в том числе тепловизоров) защищает грубая накидка из подложки под ламинат, небрежно обшитой ключьями ткани. Вблизи такая маскировка, скорее, внимание привлечет, чем скроет, зато дроны не засекут аномалию.

И не стоит забывать о чудесной способности оставаться невидимым. До обретении памяти это ему удавалось, после это ценное умение тоже не пропало, опробовано еще утром, на пленнике. Конечно, в этом сумасшедшем мире может найтись иммунный, против которого способность элитника не сработает, но вряд ли такие уникумы часто встречаются.

Да и не факт, что, вообще, встречаются.

В том случае, если врагов окажется слишком много, или появятся внешники, Трэш просто уйдет. Он, пока что, не готов к серьезной битве. Ну не было времени организовать встречу на высшем уровне, да и новые возможности тела только намекают на свой потенциал, их еще придется исследовать, изучать, а это далеко не быстрый процесс.

По уму, следовало вчера вечером убить всех, ни единого не выпустить. После чего, убраться отсюда подальше, не привлекая лишнее внимание к своей и без того много кому насолившей персоне. Но Трэш не в том душевном состоянии, чтобы сдерживаться, вот и предоставил себе шанс оттянуться, как следует.

Или умереть.

Погибнуть в бою - неплохой, в сущности, вариант. Не сорви с него тогда, на исходе прежней жизни, кобуру с пистолетом, все бы закончилось еще на той дороге. В тот миг смерть казалась куда предпочтительнее альтернативы, предлагаемой Стиксом безо всякого на то твоего желания.

Да и сейчас гибель не пугала.

Наоборот.

Если выживет, уйдет после. Стикс, если не бесконечен, то невообразимо велик, выследить в нем существа с его знаниями и возможностями затея куда более бесперспективная, чем поиск иголки в стогу сена размером с Австралию.

Если, конечно, не нарваться специально. Без чего, скорее всего, обойтись не получится, ибо смысла существовать вот так, забившись в глубокую нору и не высывая нос, нет.

Но об этом надо будет подумать потом, сейчас - время действия, а не теории.

Дорога, по которой Трэш пришел в эти места вместе с Чавком, отсюда просматривалась скверно, лишь на отдельных интервалах. Но и этого вполне хватило, чтобы оценить силы противника.

Из серьезного прибыло не так уж и много: два бронетранспортера, одна боевая машина пехоты и танк. Военная техника вся с пушками, крупнокалиберные пулеметы виднеются лишь на грузовиках и пикапах: две и четыре единицы, соответственно.

А нет, чуток напутал. Второй грузовик, оказывается, не так прост. Пулемета на нем нет вообще, это машина для перевозки техники, а не личного состава. На прицепе загнана старая самоходная зенитная установка советского производства - "Шилка". Артиллерия на ней малокалиберная, зато лупит одновременно из четырех стволов, выдавая впечатляющую плотность огня. Если попадешь под очередь, в лучшем случае, свалит с ног. Но вряд ли удастся настолько легко отделаться.

Не сказать, что идеальный уничтожитель элиты, но все очень серьезно. Только почему-то не погнали своим ходом. Причина? Может, машина сломана? Если и так, то это не касается боевых агрегатов, иначе ее бы сюда не потащили.

По местным меркам, неплохие силы успели собрать. Причем, все подряд не сгоняли, скомплектовали колонну, по мере возможности, строго тем, что требовалось для выполнения именно подобной задачи. Ну не верилось, что у бубновых не нашлось под рукой ни одного бронетранспортера без пушки. Нет, люди, принимавшие решение, хотели, чтобы здесь оказалась именно такая техника.

Трэш их понимал, он бы, на их месте, поступил аналогично. Еще не забыл, на что способен снаряд из тридцатимиллиметровой пушки, да и отметины на броне до конца не затянулись. Повезло, что по касательной таким ограб, до сих пор свежи воспоминания.

Два пикапа с огнеметами в кузовах. Кожа при одном их виде заныла, тоже вспомнив былое. Пара прочих с пулеметами, эти не так напрягают. Зачем им понадобились два дополнительных грузовика? Они ведь, как боевые единицы - ничто, ими лишь пехоту перевозить. Скорее всего, собрали всех, кто умеют пользоваться гранатометами, от прочего оружия Трэш в предстоящей схватке смысла не видел. Разве что, снайперов с крупнокалиберными винтовками на возвышениях разместить, но проку от них еще меньше, чем от пулеметов тех же калибров. Меткие стрелки больше раздражают, чем вредят.

Бубновые не торопились. Колонна остановилась на трассе перед поворотом, дальше поехали только пикапы. Держа максимально возможную скорость, они разделились и начали непредсказуемо перемещаться между постройками и вереницами вагонов. Лишь через пару минут наблюдения Трэш понял, что юркие машины стараются описывать сужающиеся круги вокруг условного центра.

Почему условного? С этим, как раз, все понятно - никаких условностей. По центру кругов располагается то самое здание, где Трэш повидал много хорошего и плохого. Именно там погибли первые жертвы вчерашней расправы. Они так и остались внутри, вместе со ржавым орудием убийства.

Неужели всерьез считают, что он до сих пор внутри сидит? Или у них всегда так тупорно принято действовать? Жаль, пленник ничего вразумительного на этот счет не сообщил, а вернувшаяся память не все могла подсказать, да и освоена лишь частично. Ему с ней еще свыкаться и свыкаться, примиряя человеческое с чудовищным.

Решившись, Трэш отбросил в сторону маскировочную накидку. Останется жив, возможно, вернется за ней, а в движении от нее толку нет, лишь мешает. Да и порваться может обо все эти перемещающиеся шипы разной степени остроты.

Придерживаясь заранее намеченного маршрута, Трэш незамеченным добрался до первого ряда вагонов. Не пришлось красться, заранее все продумал, выбрав место лежки не просто так, а с расчетом, если что, не попадаясь на глаза, покинуть его в любом из нескольких направлений.

Не подготовься он заранее, дальше должна была произойти заминка. Но, естественно, не произошла. Его туша не могла пробираться под вагонами, однако, зачем это нужно, если они в необходимых местах заранее раздвинуты.

Все предусмотрено.

Так, пробираясь через один ряд за другим, Трэш забрался на платформу с парой перевозимых сельскохозяйственных агрегатов. К одному из них прижался, накинув на себя припасенный здесь брезент. Вблизи маскировку раскусят мгновенно, но издали можно счесть, что это всего лишь ценный механизм, небрежно прикрытый от непогоды.

С этой точки обзора почти нет, но в щель между вагонами просматриваются захлопнувшиеся вчера вечером ворота и частично можно разглядеть кабину оставшегося перед ними искалеченного рельсами грузовика. Теоретически, врагов должно больше всего интересовать именно это место, на этом и строились все расчеты.

Перед воротами промелькнул пикап. Останавливаться не стал, прошел на хорошей скорости. Чего это они кружат, будто воронье над падалью? В экипажах сенсы? Иммунные, с разного рода умениями, позволяющими замечать скрытое? Надеются засечь элитника? Но ведь должны знать, что один их спец, вчера, с такой же задачей не справился. Следовательно, и на остальных надежды немного.

В стороне трассы зарычали мощные двигатели. Трэш довольно осклабился. Получается, основные силы не стали отсиживаться в сторонке, выдвигаются к зданию. Скорее всего, планируют его окружить, после чего проверить уже вручную, а не при помощи сверхъестественных умений Стиksа.

Давайте-давайте, вперед, вам здесь рады.

С этой позиции "сфера зрения" доставала до поворота с трассы на подъездную дорогу. И там машинам приходилось переезжать через канаву с едва заметным ручейком, упрятанным в широченную бетонную трубу. Несколько часов назад Трэш заложил туда четыре двухсотлитровые бочки с самодельной взрывчаткой: смесь аммиачной селитры с дизельным топливом. Несмотря на дешевизну и простоту приготовления, очень даже приличная вещь. В таком количестве она способна устроить лунный пейзаж на локальной территории, напрочь уничтожив перекресток и все,

что находится поблизости от него.

Трэш протянул левую руку, обхватил увесистый обрезок деревянного бруса, к которому была привязана веревка. Правой сжал аналогичный, только веревка от него тянулась в другую сторону. Все нарочито грубое, специально так задумано, под неуклюже-огромные конечности монстра.

Погрузившись в анализ происходящего в "сфере зрения", Трэш понял, что накрыть все пикапы вряд ли получится. Они так и гоняли кругами, но с таким расчетом, чтобы не приближаться к зданию одновременно.

Плохо.

А вот с основной колонной все прекрасно. Она двигается компактно, машина за машиной входя в поворот. С точки зрения обеспечения безопасности - опрометчивое поведение. Но это если говорить в общем, зато, для конкретного случая, все делают правильно. Эта территория давно находится под контролем внешников и прислуживающей им бубновой банды. Посторонние иммунные если и забредают сюда, то украдкой, в надежде стащить лакомый кусочек и побыстрее убраться к себе. Засады здесь устраивать попросту некому, вот и не опасаются.

Еще не знают, что пробудили недобрую силу, которую отборной тушенкой не корми, дай только засаду организовать.

Кстати о тушенке... очень хочется есть.

Ничего, ускоренному метаболизму элитника придется потерпеть.

Дождавшись, когда невидимый глазами, зато прекрасно различимый в "сфере зрения" танк окажется над бетонной трубой, скрывающей восемьсот литров первоклассного сюрприза, Трэш согнул левую руку, одновременно напрягая правую, чтобы сделать с ней то же самое парой секунд позже, когда самый большой пикап подъедет к зданию максимально близко.

Веревка натянулась, однако, ничего не произошло.

Не веря в происходящее, Трэш потянул еще сильнее, а потом, занервничав, дернул. Веревка резко ослабла, уши уловили звон вырванной медной полоски, закрепленной на другом ее конце.

Что за черт?! К фугасу протянут надежный провод, в каждой бочке размещен отдельный детонатор. Даже нет, не детонатор, а инициирующее устройство, само по себе способное устроить неслабый бабах.

Но никакого намека на бабах нет и не будет. Этот остолоп с трясущимися руками где-то напортчил. Или провода плохо соединил, или еще что-то не так сделал, а Трэш не сумел проконтролировать.

И что же теперь делать?

Что-что... Радоваться надо, что не успел потянуть за вторую веревку.

Пикап проехал через нужную точку, а цепь так и осталась незамкнутой. Теперь это резерв Трэша, или внезапно зародившийся запасной план, о котором секунды назад не было и намека.

Вот только сработает ли эта цепь?

Должна сработать. Обязана. Ничего сложного в устроенных подвохах нет, странно, что первый фугас пропал впустую. Но второй - другое дело. Чтобы сразу оба оказались нерабочими, это совсем уж ничтожнейшая вероятность.

Трэш затаил дыхание и начал мысленно уверять, что его здесь нет и вообще, он невидимый. А что делать, если один из пикапов на очередном круге решил проехаться в паре десятков метров от его позиции. Благо, предусмотрительно расташенные вагоны позволяли это сделать, а рельсы, уложенные на плоскую поверхность, огромным колесам и высоченному клиренсу не помеха.

Пронесло, не заметили ни Трэша, ни провод. Тот конечно, замаскирован, но не полностью. Здание окружено асфальтом, что ни делай, а выглядеть будет подозрительно. Пришлось на последнем отрезке натягивать поверху. Да, на виду оказался, ну и что с того? Здесь полно всяких линий электропередач, сильно в глаза не бросается.

Пока пережидал пикап, колонна подъехала к зданию. Оба бронетранспортера и боевая машина пехоты проскользнули дальше, перекрывая пути отхода для, возможно, продолжавшего скрываться внутри элитника. Прочие машины далеко не все приблизились к стенам, все, по возможности, держались подальше, но с таким расчетом, чтобы перед ними оставался приличный сектор обстрела в нужном направлении.

Трэш пожалел, что в свое время выбрал под логово именно это здание. Слишком открытые подходы. Надо было селиться в таком, чтобы врагам пришлось подъезжать в упор, а не контролировать выходы издали.

Но что есть, то есть.

С замиранием сердца согнул правую руку, натягивая вторую веревку.

В тот же миг мир превратился в свет и сплошной оглушающий удар, разбивший "сферу зрения" на мельчайшие и почти бесполезные осколки.

Это не взрыв, это настоящий Армагеддон, пусть и локальный.

В здании Трэш экономить на бочках не стал. Места там много, так что, нечего мелочиться. Но, как-то, само собой, получилось, что они там оказались в меньшинстве.

Нет, по количеству с ними все в порядке: целых четырнадцать штук. Но имелись и другие предметы, стащенные со всей округи: баллоны кислородные и с бытовым газом, всевозможные открытые и закрытые

емкости с горючими жидкостями, включая взрывоопасный нитрометан и огромное количество ведер, залитых бензином. В помещении жарковато, он активно испарялся, смешиваясь с пропаном, вытекающим из открытых конфорок газовой плиты. Есть шанс, что за несколько часов там образовалась если не гремучая смесь, то что-то к ней близкое.

Да Трэш туда столько всего перетаскал, что до сих пор мышцы ноют.

И все это добро только что взорвалось, вспыхнуло, взревело, разметав здание в пыль и крошево, обрушилось этой массой и фронтом ударной волны на сгрудившуюся вокруг технику врагов.

Если Трэша за полтораста метров от эпицентра так знатно приложило, страшно представить, что сейчас испытали бубновые. В любом случае, им досталось больше.

Кое-как проморгавшись, он ринулся в недра бурой тучи, расползшейся во все стороны, игнорируя град обломков, колотящих по голове, будто кошмарный ливень. Переживет, как-нибудь, сейчас нельзя терять время, надо атаковать, покуда враг ошеломлен. Он и сам-то, после случившегося, не огурчик, но рассчитывает, что они вообще пятна от соплей, размазанные об асфальт.

Перед последней веткой железнодорожных путей притормозил. Здесь, на вагоне, заранее припрятал рельс от узкоколейки. Им и бросаться удобно и отмахиваться - универсальная штука.

Увы, но до здания отсюда слишком близко, а сила взрыва оказалась такова, что пустой вагон не выдержал, завалился на бок. Рельс неизвестно где, в густом дыму его не разглядеть, а "сфера зрения" для поисков бесполезна, она только-только начала восстанавливаться, выдавая жалкие песчинки связной информации.

А ведь до взрыва она ее выдавала исполинскими глыбами.

Не в силах ничего разглядеть, двигался по памяти, направляясь к месту, где стоял ближайший бронетранспортер. Он тяжелый и приземистый, не должен опрокинуться.

Увы, но машины не наблюдалось. Трэш, выискивая пропажу, начал двигаться по расширяющейся спирали, но тут заметил, что дым и пыль потихоньку сдают позиции, начинает проясняться. Во мгле засверкали отблески множества возгораний, казалось, пламенем объяты сам асфальт. Чудо, что до сих пор не наткнулся на один из таких костров.

А еще Трэш, наконец, заметил бронетранспортер. Тот все же оказался чересчур близко к взрыву, не спасла его тяжеленная броня, машина опрокинулась кверху брюхом и дымила из всех щелей. Задние двери распахнулись, оттуда начала выползать фигура в камуфляже.

Подскочив, врезал по ней сверху вниз кулаком, сплющив череп, после чего сунул лапу в недра бронетранспортера и немного там пошарил. Нащупал еще пару, мягких, теплых и возможно живых, сжал их посильнее когтями.

А затем руку пришлось отдернуть, ее начало припекать. Обстановка внутри все больше и больше напоминала раскаленную духовку, бронемашина разгоралась с каждым мгновением.

С этой покончено, можно заняться следующими.

Скользя среди очагов пожаров, Трэш обнаружил боевую машину пехоты в настолько плачевном состоянии, что там никого не пришлось убивать. А вот со вторым бронетранспортером пришлось разбираться. Он стоял с заглушенным двигателем, но видимых повреждений не наблюдалось. Для начала, свернул ему пулемет, а затем, поднатужившись, протолкал тяжеленную машину пару десятков метров, оставив в одном из самых приличных пожаров, пожиравшем груду металла, оставшуюся от размазанного по асфальту грузовика.

Здесь ему улыбнулась удача, он, наконец, нашел рельс. Скорее всего, один из тех, которых он стащил в здание. Взрывом их, наверное, раскидало по всей округе.

Обретенное оружие пригодилось почти сразу же, - Трэш наткнулся на танк. Могучая машина тоже пострадала от исполинского фугаса, это понятно по отсутствию крупнокалиберного пулемета на башне, его сорвало. Люки закрыты, двигатель гудит, в первый миг пришлось растеряться.

Вот что можно сотворить с подобным монстром? Броня у него настолько нешуточная, что Трэш ее, разве что, поцарапать сможет.

Но он не стал опускать руки. Для начала забросил в ствол пушки несколько кусков асфальта. Но этот способ лишить противника самого главного оружия показался ненадежным. Потому, размахнулся, как следует, рельсом и начал колотить им по всей протяженности орудия, пытаясь найти слабину.

Башня начала поворачиваться, - экипаж пробудился от града ударов и что-то пытался предпринять. Трэш могучим ударом свернул набок дульный тормоз, а затем, целясь в одно и то же место, наконец, сотворил заметную деформацию на стволе. Сомнительно, что он после такого на что-то сгодится, но отступать рано, надо искалечить боевой машине жало так, чтобы уже наверняка сломалось.

"Сфера зрения" (или, наверное, правильнее называть все же "сфера восприятия") возвращала утраченные позиции все быстрее и быстрее. Но

увы, все же недостаточно оперативно, скороговорка пушечной очереди из дымного полумрака стала для Трэша неприятным сюрпризом.

Увы, он слишком увлекся танком, позабыв, что судьба еще одной опасной машины не выяснена. Зенитная установка не попалась на глаза, а она, оказывается, уцелела. Взрывом ее снесло с платформы, но боеспособность если и пострадала, то не критично.

Заметив, как элитник сражается с орудием, экипаж развернул башню и дал очередь из десятков снарядов в одну секунду. Спасло то, что между Трэшем и "Шилкой" располагался корпус танка. Он-то и принял на себя львиную долю снарядов. Но несколько, все же, попали Трэшу в плечо, в район лопатки и в голову. От ударов он не удержался на месте, завалился, и это тоже пошло на благо, потому что окончательно скрылся за бронированным монстром.

Спустя несколько секунд, тряся гудящей и раздираемой болью головой, начал соображать внятно и осознал, что угодил в патовую ситуацию: стоит высунуться из-за корпуса танка и схлопочет новую порцию; в то же время, экипаж "Шилки" ничего не может сделать. У них, сейчас, по сути, не машина, а неподвижная огневая точка.

Вот ведь черт четырехствольный! Ведь это, если вдуматься, самый опасный противник. Бубновые знали, на кого идут, потому зарядили исключительно бронебойные снаряды. Башня зенитной установки разворачивается очень быстро, вряд ли получится убежать, рванув с места, успеют продырявить шкуру. Ему крупно повезло, что отделался легкими ранами: лишь лопнуло несколько пластин брони и оглох на одно ухо. Но при такой скорости стрельбы ему всю защиту разнесут на осколки за считанные секунды, а дальше - неминуемая смерть.

И Трэш начал делать единственное, что ему оставалось в сложившейся ситуации. Он пополз с таким расчетом, чтобы удаляться от "Шилки" по прямой, на которой стоял танк. Если не тупить, вскоре скроется в дыму, ни разу не показавшись врагам на глаза.

Он сумел проползти так около семидесяти метров, прежде чем на краю "сферы восприятия" засек угрожающее шевеление. Повернулся и увидел невдалеке, возле горящего бронетранспортера, две фигуры в камуфляже. Оба человека не сводили с Трэша напряженных взглядов, торопливо возясь с трубами одноразовых гранатометов.

Да как эти мягкокожие создания сумели уцелеть и остаться, к тому же, такими бодрыми? Их, как минимум, должно было крепко контузить, напрочь выбив всякую агрессию. Однако, нет же, настроены по боевому. Не иначе, местная магия сработала. Встречаются у иммунных

разнообразные умения, защищающие владельцев от жизненных неурядиц.

Наверное, даже не понимают, насколько крупно им повезло. Гранатомет - непростое оружие, попасть из него по скоростной высокоманевренной элите не каждому дано. Но Трэш сейчас изображает из себя неподвижную мишень, он не может высунуться из-под спасительного прикрытия танка.

Больше по наитию, чем осознанно, вообразил себя невидимкой. Оба человека тут же стали выказывать признаки растерянности. Их оружие, приведенное в боевую готовность, не стреляло, они потеряли цель из виду и пытались понять, какое чудо ее спрятало.

Возможно, списав это на клуб дыма, пронесенного ветром, метнулись в сторону железнодорожных путей, рассчитывая оттуда вновь разглядеть цель.

И на этом пути, наконец, подставились, расположившись на одной линии.

Трэш среагировал молниеносно: приподнявшись, метнул рельс привычным способом - горизонтально к земле. Сделав это, тут же плюхнулся на живот. Вовремя, зенитчики не зевали, вновь прогрохотала торопливая очередь.

Поздно, - дело сделано, рельс сшиб обоих. Один было среагировал, начал пригибаться, но чуть-чуть не успел, подставив под удар голову, а не туловище.

Трэш пополз дальше, и почти сразу же по телу густо заколотили пули. Обернувшись, он злобно скжал зубы. Танкисты не решились стрелять из поврежденного орудия и сейчас делали единственное, что можно было сделать в их положении, пустив в дело спаренный с пушкой пулемет. Надо было и ему ствол обломать, но что не сделано, но не сделано.

Пришлось ползти дальше. Пули слабоватые, винтовочный калибр, броню они не пробивали и раскалывали, но лупили без умолку, дико нервируя. И тут, будто по заказу, налетевший порыв ветра заволок всё вокруг густым дымом. Вскочив, Трэш опрометью метнулся вправо, пытаясь скрыться за вагонами. Экипаж зенитной установки вычислил его маневр, вновь застrelкотали четыре пушечных ствола, но даже высокая скорострельность не помогла, ни один снаряд не коснулся шкуры.

Стрельба вслепую - лотерея.

Дальше все прошло просто. Трэш, невидимый из-за вагонов, обошел "Шилку" с другой стороны. Экипаж, подозревая нехорошее, торопливо крутил башней, но все же недостаточно быстро. Рывок элитника был стремителен и беспощаден. Взлетев на машину, он голыми лапами

разделался со всеми четырьмя стволами, загнув их в разные стороны.

Дальше взялся было сражаться с люками, но передумал, придумав врагам куда более нехорошее наказание, чем гибель от когтей. Отошел к вагонам, прыгая с одного до другого, добрался до нужного, ухватил пару громадных мешков смолы, нанизал их на шипы брони, подхватил еще два, таким образом, за раз утащив сразу четыре.

Спустя еще две ходки мешков стало двенадцать, и тут вновь дал о себе знать танк. Он тоже не мог сдвинуться с места, снаряды зенитки разбили ему гусеницу, а может и до этого получил повреждения ходовой. Но башней крутить поломка не мешала. По Трэшу вновь ударила пулеметная трещотка.

Вздохнув, тот стремительным рывком домчался до надоевшей бронемашины, согнул ей последний действующий ствол и вернулся назад, завершить начатое. Разместил на башне "Шилки" всю принесенную смолу, после чего забросил сверху горящую покрышку, поддев ее арматуриной. Убедившись, что пламя разгорается хорошо, вновь направился к вагону.

Спустя десять минут экипаж танка, должно быть, начал сильно раскаиваться о том, что оказался в этом месте. Трэш не пожалел смолы, натаскал не меньше тонны. Защита у машины хорошая, но вряд ли рассчитана на такое адское издевательство. Пламя объяло ее полностью и начало растекаться по округе.

А Трэш, носясь вокруг, подкидывал новое горючее в два исполнинских костра: автомобильные покрышки, бревна, доски и конечно же, не забывал про смолу. Ее здесь целый вагон, жалеть не приходится. Растекаясь по округе, она вскоре образовала пару чадящих озер, приблизиться к которым не получалось. Даже броня элитника не спасала от жара, слишком нагревалась.

Нет, после такого в танке никто не выживет, а уж в "Шилке" - подавно. Сочтя черное дело совершенным, Трэш приступил к осуществлению последнего пункта плана.

Убивать больше некого: все враги или уже мертвые, или разбежались, причем, спастись удалось немногим счастливчикам. Лишь один пикап не получилось найти, должно быть, сумел уехать, вся прочая техника осталась здесь, покалеченная взрывом, доломанная Трэшем, сгораемая в смоле.

Вместо убийства он сейчас займется мирным трудом. А именно, напишет несколько слов.

Когтями по металлу.

Глава 27

Выбравшись из бронемашины, полковник поморщился. С виду, лицо его защищал обычный легкий респиратор, но это не так. Одна из последних разработок, специально для Стикса. Ничего постороннего не пропускает, ни единой молекулы. Ресурс картриджа-очистителя невелик, но запасной поставить - дело пяти секунд, даже в полевых условиях в этом нет ничего сложного.

Несмотря на чудо-респиратор, полковник отчетливо ощущал запах гари. Скорее всего, обонятельная галлюцинация, навеянная непростым пейзажем. А что еще можно ожидать от полностью выжженного места? Мощнейший взрыв разметал какое-то сооружение и смел все в приличном радиусе вокруг, после чего по пораженной местности прошелся пожар.

Почерневшие остовы вагонов, искореженные кузова различных машин, лишенные колес туши бронемашин, уродливые черные головешки на месте танка и "Шилки".

Завидев, что там копошатся техники, спросил, ни к кому не обращаясь:

- Что случилось с танком и зенитной установкой? Почему они так выглядят?

Один из встречающих, неприятно-услужливый лейтенант, торопливо пояснил:

- Эти машины не могли двигаться. Существо обложило их мешками со смолой и сожгло. Техники предполагают, что здесь использовали несколько тонн смолы. Она какая-то необычная, после сгорания остается что-то наподобие шлака. Этим шлаком облепило броню, поэтому техника так странно выглядит. Очень высокая температура, экипажи испеклись заживо, выбираться им было некуда, горело все вокруг.

- А взрыв? Что здесь так рвануло?

Лейтенант пожал плечами:

- Техники точно ничего не говорят. Я слышал, что они нашли следы селитры. Подозревают, что применена промышленная взрывчатка. Здесь много вагонов с разными грузами, возможно, есть и взрывчатка. Существо могло натаскать ее несколько тонн. Вон, бронетранспортер опрокинуло. Взрыв очень сильный.

Полковник мысленно обозвал лейтенанта болваном. Ну а кто же еще? Неужели без глупых пояснений кому-то может быть непонятно, что здесь

применили что-то вроде авиабомбы на несколько тонн.

Зараженные, применяющие фугасы.... Да это звучит настолько сенсационно, что даже думать в таком направлении не хочется. А думать придется...

Может, эти остолопы с красными ромбами что-то перепутали?

- Лейтенант, а следы смотрели? Может, это провернули какие-нибудь местные бандиты, и попыталось все списать на существо? От этих папуасов всего можно ожидать.

- Поисковики еще работают. Живых свидетелей не осталось, те из местных, кого не накрыло взрывом, ничего не могут рассказать. Они не видели того, кто это сделал. И мы не нашли ни одного нормального тела, только обгорелые. Непонятно, как они погибли. Возможно, кто-то специально их сжег. Сюда бы криминалистов нормальных, но откуда их взять... Если хотите тщательно все расследовать, здесь еще работать и работать. Вы же видите, что творится. И да, есть еще кое-что... - офицер замялся, продолжил неуверенно: - Не знаю, как это описать. Это лучше увидеть. Вам надо на это посмотреть.

- Ну так показывайте.

Лейтенант, несомненно, прав в том, что в этом месте собрано множество вагонов с разными грузами. Много чего можно найти, при желании, в том числе, металлический прокат.

Кто-то притащил за сотни метров огромный лист железа не последней толщины. Такой и впятером вряд ли получится поднять, но, судя по следам на копоти в эпицентре взрыва, с непростой задачей справился всего лишь один грузчик.

Далее этот лист согнули вдвое с такой легкостью, будто это простой картон, и поставили так, как ставят на торец наполовину раскрытую книгу. С книгой сходство усиливалось и за счет того, что здесь имелся текст, чем-то грубо, с деформирующим нажимом, нацарапанный на покрытом ржавчиной металле.

Первая строчка самая короткая: "Убить Сыча". Следующая на неё походила, но включала уже нескольких претендентов на смерть, начиная с некоего непонятного Мазая. Дальше следовали пункты уничтожения группировки бубновых, местного эрзаца института, базы и всех ее

удаленных форпостов.

Предпоследняя строка примечательная: "Убить полковника Зелота".

Последняя совсем уж непонятная: "С этим надо что-то делать. Но что?"

И еще любопытный факт - слова "Убить Сыча" оказались перечеркнуты. Такое впечатление, что этот пункт уже не имеет значения. Возможно, потому, что он уже выполнен.

Из-за спины отозвался лейтенант:

- Лист железа сюда принесли уже после пожара. И других следов нет, только эти. Это не обязательно чудовище, возможно, поработал кваз, или иммунный с умением, увеличивающим физическую силу на некоторое время. Он мог обуть обувь такой формы, чтобы обмануть нас. Мы не знаем точно.

- Кто такой Сыч?

- Мы не знаем, но пытаемся выяснить. И остальные прозвища тоже записали.

- Почему я не вижу беспилотники?

- Мы уже потеряли один. Сложная обстановка по черноте.

- Запустите еще один. И выбейте у туземцев сенсов и всяких спецов по охоте на элиту. Пусть, хотя бы, определят, в какую сторону ушел Нэш.

- Вы сказали Нэш? - удивился лейтенант.

Да он совсем теленок, раз не в курсе того, с чего началась эта непростая история.

Просвещать его полковник не стал, просто приказал:

- Лично займитесь местными. Пусть поднимут всех своих спецов. Всех, кто есть. И пусть быстро поднимут, а не как обычно.

Полковник не верил, что местные иммунные сумеют выследить виновника переполоха по свежим следам. Но с чего-то ведь надо начинать.

Этот зверь считает себя сильным и умным. Он настолько самоуверен, что не стесняется оставлять послания на кровавых следах.

Наивная Тварь... Даже не понимает, что имеет дело не с какими-то там Сычами и Мазаями. И даже не с полковником Зелотом.

Он имеет дело с системой, которая долго раскачивается, а затем быстро перемалывает тебя в труху. Воздушные дроны и наземные средства слежения, полная лояльность местных иммунных, контроль над дорогами и путями миграций зараженных, самая современная техника и вооружение. Все это сейчас работает против него.

Рано или поздно Нэш подставится. Не может не подставиться. Он один, а система многолика, она легко справится с любым одиночкой, каким

бы сильным тот не оказался.

Вот только этот одиночка совсем уж непростой. Такой, прежде чем стать гниющим мясом, способен успеть наворотить таких дел, каких на памяти полковника и близко не случалось.

Но он все же один, это утешает.

Одиночка - ничто.

На уже знакомую стаю Трэш наткнулся случайно. Перед ним подобные планы уж точно не стояли, прекрасно понимал, что сейчас одним лишь надо заниматься, - сваливать из этих мест, да поскорее. Разумный элитник, это худший кошмар из всех, какие способен придумать человек, а если учесть специфические познания этого элитника, ситуация становится многократно хуже.

Не хотелось думать о себе, как об элитнике, да только кто его спрашивает? И для иммунных, и для внешников, он тот еще кошмар, не пожалеют никаких сил и средств, чтобы от него избавиться.

"Сфера восприятия" уже почти пришла в норму после взрыва, поэтому стаю Трэш почуял с пары сотен метров. Сначала внимания не обратил, думал мимо промчаться, но чем ближе, тем богаче ароматы, начал улавливать знакомые нотки.

Это оказались те самые зараженные, которые устроили было конфликт за территорию, а затем косвенно помогли в ночной схватке против отряда бубновых. Трэш, не выдавая себя, установил, что стаю изрядно потрепали, в ней осталось всего четыре особи. Вожак все еще жив, только ранен, лишился половины руки. До рубера прилично не дорос, броня слабоватая, такое могла с ним сотворить даже пуля из крупнокалиберного пулемета с приличной дистанции, достаточно удачно попасть.

Трэшу ничего от мертвяков не требовалось, но, определив, что все зараженные, в той или иной мере, покалечены, решил проявить благородство, если это так можно назвать. Надо их хотя бы предупредить, что в окрестностях скоро станет очень некомфортно. Не следует им находиться там, где вот-вот начнут работать поисковые команды.

При виде Трэша вожак отбросил дурно благоухающую коровью кость, кем-то давно и тщательно обглоданную, после чего принял угрожающую позу, заурчал, вытянул уцелевшую руку, зловеще растопырив когти.

Ничуть не устрашившись, Трэш самым благодушным тоном проурчал:

- Привет, дружище. Смотрю, у тебя плохие времена?

- Это наша еда! Не смотри на нее! Иди мимо! Не останавливайся!

- Даже не надейся, хоть на коленях уговаривай, я к этой вонючей кости не прикоснусь.

- Иди-иди! Я здесь Первый! Здесь вся еда моя!

Трэш было начал объяснять, что скоро он и его дружки сами станут едой, но вдруг осекся. Он ощущил что-то новое. Он вдруг понял, что эта стая оказалась не просто в "сфере восприятия", она попала в сферу куда более меньшего радиуса, которую можно назвать...

Можно назвать "сферой контроля". В голове вспыхнула картинка, напоминающее давнее, почти забытое. Командная компьютерная игра, в интерфейсе которой для каждого члена команды отводилось свое место, с иконкой облика, с некоторой терминологией и параметрами персонажа.

Он понял, что в состоянии повторить это в реальности, здесь сейчас. Может превратить эту стаю в свою команду и потом управлять действиями каждого зараженного в ней. Если, конечно, подчинит их своей воле.

Да ведь он с их помощью сможет...

Вот же черт! Да он может даже движениями их пальцев управлять, если полностью возьмет под свой контроль! Проблема никуда не годных рук решена, он сможет работать чужими так же качественно, как некогда своими!

А это открывает такие перспективы, что дух захватывает.

Он сможет изготавливать такие детонаторы, которые будут срабатывать с гарантией в сто процентов.

Да что там детонаторы?.. Слишком мелко берет. Руки начинающих зараженных ничем не отличаются от человеческих, но это еще не значит, что конечности развитых тварей ни на что не годны. Да, им сложно использовать предметы, созданные под человеческие ладони, но кто мешает их адаптировать?

С такими возможностями, никто.

Трэш погрузился в мечты, представляя, как под его руководством появляется целое воинство, каждый боец которого защищен совершенной биологической броней, дополненной банальными кевларом, сталью и керамикой. Уязвимые затылки можно прикрыть модифицированными шлемами, самые жизненно важные точки прикрыть в два-три слоя крепкими материалами.

И не забыть о вооружении. Что мешает переделать крупнокалиберный пулемет таким образом, чтобы спуск можно было нажимать почти

негнущимися ороговелыми пальцами? Подвесить ленту на двести патронов и пустить такого пехотинца на острие атаки. Убить бронированного зараженного непросто, а вот сам он способен подавить целую толпу своим огнем.

А другие будут его поддерживать: огнем из пулеметов и гранатометов, которые обычному человеку не поднять. Но для развитых тварей это не проблема.

И для себя можно что-нибудь сотворить. Дополнительную броню - само собой. И оружие. Допустим, автоматический гранатомет или...

Трэш мысленно ухмыльнулся. Нет, не нужен ему гранатомет, ему нужна винтовка. Но это будет всем винтовкам винтовка. Враги, узнав про нее, будут морально раздавлены.

Да у них прачечная не сможет успевать штаны отстирывать.

- Иди уже отсюда! Тебе что-то непонятно? Я здесь Первый! Здесь все мое! Иди мимо! - не унимался вожак стаи, угрожающе пританцовывая перед погрузившимся в сладкие грэзы Трэшем.

Тот, очнувшись от вида пронесшейся перед глазами когтистой пятерни, в ответ взмахнул своей лапой, отбросив вожака метров на пять, после чего коротко и безапелляционно проурчал:

- Значит так! Власть поменялась! Теперь здесь все мое! Я иду, куда хочу, а вы идете со мной! Я Первый, ты Второй! Или я Первый, а ты мясо Второго! Выбирай!

Поверженный вожак, невозмутимо поднимаясь, со смиренным видом проурчал:

- Ты Первый, я Второй. Все понятно. Вот зачем бил? Нельзя было просто сказать? Я не тупой, я понимаю сразу.

- Это хорошо, что не тупой, но так гораздо доходчивее. Все понял? Или повторить?

- Да, Второй понял. Повторять не надо, Второй не любит, когда его бьют. И куда мы пойдем? За вкусной едой?

- Да, за вкусной едой.

- Это хорошо.

- Идти придется далеко.

- За вкусной едой не жалко далеко сходить. Она ведь вкусная.

Трэш не стал уточнять, что понятия о вкусной еде у них различаются. Стаете прямо с этого момента придется изменить гастрономические предпочтения и охотничью привычки.

Ничего, сюрприз будет. И как показывает опыт существования с Чавком, при должной политике убеждения, они уплетают все, что им дают,

не сильно крутя носами.

Вот и эти свыкнутся с оригинальной причудой своего нового Первого.

И со многими другими причудами, которые запланированы на отдаленную перспективу.